Изъ недавняго прошлаго.

I.

Дѣтскіе годы въ Крыму.—Разбойникъ Алимъ.—Тульское имѣніе.—Московская жизнь.—Голохвастовы.—Закревскій.—Пророкъ Иванъ Яковлевичъ.—Федоръ Кузьмичъ.—А. Я. Охотниковъ и его романъ.—Константинъ Павловичъ; письма его къ маркизѣ де Кюбьеръ.—И. К. Айвазовскій.—Татары и ногайцы. — Фонъ-Дитмаръ. — Филиберъ. — Реформа въ 1861 г.—Дѣятели освобожденія.—И. И. Писаревъ.—Мекензи Уоллесъ.

Съ которыхъ лѣтъ я сталъ себя помнить, точно сказать не могу. Первыя воспоминанія представляются не послѣдовательнымъ, связнымъ рядомъ событій, а отдѣльными картинами, ничего общаго между собой не имѣющими. Такъ изъ времени Крымской войны я помню только, какъ мы уѣзжали изъ нашего крымскаго степного имѣнія. Вѣроятно, это происходило осенью, такъ какъ грязь была непролазная, и нашъ большой дормезъ везли не лошади, а нѣсколько паръ воловъ, впряженныхъ въ него попарно цугомъ, которыхъ погоняли идущіе рядомъ люди.

Мой отецъ, будучи человѣкомъ серьезнымъ, очень любилъ и интересовался естественными науками и сельскимъ хозяйствомъ. Къ концу своей жизни онъ занялъ видное мѣсто, какъ сельскій хозяинъ, и пользовался громкой извѣстностью. Это, однако, не помѣшало прогрессивному ухудшенію нашего матеріальнаго положенія, и это понятно: онъ былъ человѣкомъ мягкимъ, добрымъ и увлекался хозяйствомъ не въ цѣляхъ наживы и эксплоатаціи, а ради самого дѣла и его научной стороны. Его дѣятельность совпала съ освободительной реформой; это было трудное, переходное время, и большинство его не вынесло, и не вынесли его не одни только легкомысленные или кутящіе помѣщики, но и болѣе культурные и интеллигентные изъ нихъ. Болѣе же грубые, въ которыхъ преобладали наклонности къ кулачеству и наживѣ, наоборотъ, воспользовались этимъ временемъ и даже разбогатѣли за счетъ своихъ собратьевъ.

Въ описываемое мною время отецъ очень увлекался естествознаніемъ и въ особенности орнитологіей. Богатство и безконечное разнообразіе всевозможныхъ породъ птицъ, обитавшихъ въ Крымскомъ полуостровѣ и пролетавшихъ черезъ него во время переле-

товъ, не могли оставить отца равнодушнымъ, и онъ при посредствѣ ученаго садовника Шмидта, который въ то же время былъ прекраснымъ препараторомъ, составлялъ тогда богатую коллекцію птицъ и звѣрей, встрѣчавшихся на Крымскомъ полуостровѣ. Коллекція эта была впослѣдствіи пожертвована имъ въ музей московскаго университета, котораго онъ состоялъ почетнымъ членомъ.

Крымъ въ то время былъ еще заселенъ татарами. На нашей землѣ находилось девять большихъ татарскихъ деревень, и татары ежедневно по утрамъ съѣзжались въ нашу экономію цѣлыми толпами человѣкъ по 20—30 и больше. Пріѣзжали они къ моему отцу съ разными просьбами и по разнымъ дѣламъ. Отецъ хорошо говорилъ по-татарски, и они обращались къ нему нерѣдко и какъ къ третейскому судьѣ для разбора ихъ семейныхъ тяжбъ.

Пріѣзжавшіе были все старики—«бабаи», т.-е. главы семьи, отпустившіе себѣ бороды, молодые же бородъ не носили. Подъѣзжая къ экономіи, они еще за оградой сада слѣзали съ лошадей, вводили ихъ подъ-узцы во дворъ и, привязавъ къ имѣвшимся тамъ коновязямъ, шли въ садъ подъ тѣнь большихъ шелковичныхъ деревьевъ, которыя росли на берегу Карасу, протекавшей черезъ садъ передъ нашимъ домомъ; здѣсь они садились кружками, кто на корточкахъ, кто поджавъ подъ себя ноги, по-турецки, вытаскивали торчащія у каждаго за кушакомъ трубки, вынимали кисеты съ табакомъ, въ которыхъ лежали кремни, огнива и трутъ, не торопясь набивали и закуривали трубки и начинали вести безконечные разговоры. Итти къ отцу и кончать свои дѣла они не торопились; можно было думать, что они только для того и пріѣзжали, чтобы поблагодушествовать и вволю наговориться, сидя подъ прохладною тѣнью деревьевъ на берегу рѣки, къ которой они изрѣдко спускались, чтобы помочить себѣ головы водой и вымыть лицо и бороду.

Въ это время среди татаръ пользовался большой популярностью нѣкій Алимъ, смѣлый разбойникъ, а по татарскимъ понятіямъ—отважный джигитъ. Немало разсказовъ слыхалъ я о немъ въ дѣтствѣ, и много лѣтъ спустя память объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ была еще свѣжа въ Крыму, да я думаю, что онъ навсегда останется народнымъ героемъ въ родѣ шотландскаго Робъ-Роя или современнаго кавказскаго Зелимъ-Хана.

Алимъ былъ уроженцемъ города Карасу-Базаръ и по своей первоначальной профессіи—булочникъ. Но занятіе это оказалось несоотвѣтствующимъ его широкой натурѣ, и онъ бросилъ свое мирное ремесло и сталъ джигитомъ и лихимъ джигитомъ. Какъ орелъ, носился онъ по Крыму: то появится на Южномъ берегу,

въ Ялтинскомъ уѣздѣ, а черезъ сутки, глядишь, его видѣли уже въ Ѳеодоссійскомъ или Евпаторійскомъ, а тамъ за Перекопомъ или на Керченскомъ полуостровѣ. Въ любой татарской деревнѣ къ услугамъ его имѣлись перемѣнные скакуны, вездѣ былъ готовъ для него и столъ и домъ. И это не только у простыхъ татаръ, но и у мурзаковъ (помѣщиковъ, дворянъ). Личность Алима была какъ бы послѣднимъ воплощеніемъ прежнихъ героевъ Крымской орды, лихіе набѣги которыхъ воспѣвались въ старинныхъ татарскихъ пѣсняхъ, и татары гордились Алимомъ, скрывали его и всячески помогали ему. Въ его похожденіяхъ было много романическаго. Сильный, энергичный и хорошо вооруженный, онъ всегда совершалъ всѣ свои подвиги одинъ и, хотя онъ ни разу никого не убилъ, тѣмъ не менѣе его появленіе повсюду внушало паническій страхъ. Очевидно, онъ обладалъ большой гипнотической силой. Въ то время между городами Крыма ходили неуклюжіе дилижаны-фургоны, въ которыхъ вмѣщалось человѣкъ до 20. Пассажирами этихъ дилижановъ бывали главнымъ образомъ караимы, евреи и армяне, ѣздившіе въ то безпокойное время всегда съ ружьями. Съ пассажировъ этихъ-то дилижановъ и любилъ въ особенности Алимъ собирать дань: невзирая на ихъ многочисленность и имѣвшееся при нихъ оружіе, онъ одинъ останавливалъ ихъ, приказывалъ ѣдущимъ выходить, складывать оружіе и отбиралъ у нихъ часть денегъ. Не было примѣра, чтобы кто-либо изъ этихъ вооруженныхъ людей оказывалъ ему сопротивленіе. Бѣдныхъ и неимущихъ онъ не трогалъ и сплошь да рядомъ даже помогалъ имъ. Были случаи, когда онъ жестоко наказывалъ негодяевъ, обижавшихъ бѣдняковъ. Такъ разсказывали, что однажды, увидя сидящаго у дороги плачущаго татарина, онъ подъѣхалъ къ нему и спросилъ о причинѣ его слезъ. Бѣднякъ сказалъ ему, что онъ велъ на базаръ продавать послѣднюю пару воловъ, когда съ нимъ повстрѣчался разбойникъ Алимъ, который и отнялъ ихъ у него.

— А куда поѣхалъ этотъ Алимъ?—спросилъ настоящій Алимъ.

Бѣднякъ указалъ направленіе.

— Ну, хорошо,—сказалъ Алимъ,—посиди здѣсь и подожди, пока настоящій Алимъ не вернетъ тебѣ твоихъ воловъ!—съ этими словами онъ погнался за обманщикомъ. Настигнувъ его, отобралъ у него воловъ, а ему въ наказаніе обрѣзалъ оба уха, говоря, что онъ дѣлаетъ это для того, чтобы ихъ не смѣшивали; воловъ же возвратилъ ихъ хозяину.

Лѣтъ тридцать спустя мнѣ разсказывалъ одинъ русскій крестьянинъ изъ деревни Изюмовки, находящейся около города Стараго Крыма, какъ онъ зимою разъ чуть не замерзъ, возвра-

щаясь изъ Керчи, куда возилъ на продажу уголь. Въ степи поднялась вьюга, онъ заблудился и уже совсѣмъ приходилъ въ отчаяніе, когда съ нимъ повстрѣчался всадникъ, предложившій вывести его на дорогу. Крестьянинъ послѣдовалъ за нимъ, и черезъ нѣкоторое время они подъѣхали къ постоялому двору, гдѣ и переждали непогоду. Незнакомецъ велѣлъ покормить крестьянина и его лошадей и, уѣзжая на слѣдующій день утромъ, щедро расплатился съ хозяиномъ. Когда же выѣхалъ на дорогу, незнакомецъ свернулъ въ сторону, а крестьянинъ, прощаясь съ нимъ, сталъ благодарить его и спросилъ, какъ его звать и кто онъ такой, послѣдній отвѣтилъ, что онъ Алимъ.

Бывали случаи, что Алимъ пріѣзжалъ неожиданно въ помѣщичьи экономіи и провѣрялъ управляющихъ и, если со стороны послѣднихъ оказывались какія-либо мошенничества, то даже дѣлалъ имъ внушенія своей нагайкой. Нѣсколько лѣтъ имя Алима наводило страхъ на мирчыхъ жителей Крыма, но какъ все имѣетъ свой конецъ, такъ насталъ конецъ и подвигамъ смѣлаго джигита. Среди его друзей нашелся измѣнникъ, который предалъ его въ руки полиціи въ то время, какъ онъ утомленный спалъ въ его домѣ. Впрочемъ, Алимъ, какъ говорили, недолго оставался въ рукахъ полиціи: онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и, навсегда покинувъ Крымъ, уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ открылъ кофейню.

Мои дѣтскія воспоминанія связаны съ тремя совершенно противоположными мѣстностями: съ Крымомъ, съ нашимъ тульскимъ имѣніемъ и съ Москвою. При чемъ время нашей жизни въ Крыму было для меня самымъ пріятнымъ. Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ тульское имѣніе началось для меня и время серьезнаго ученія и переходъ изъ-подъ вѣдѣнія няни и Анны Карловны, моей воспитательницы, добрѣйшей и милѣйшей нѣмки, въ руки гувернеровъ и учителей, что далеко не было мнѣ пріятно.

Наше тульское имѣніе находилось въ Новосильскомъ уѣздѣ. Это и было собственно наше родовое имѣніе, въ которомъ нашъ родъ жилъ съ 1672 года. Оно было расположено на берегу живописной рѣки, со старинным деревяннымъ домомъ, построеннымъ, какъ это часто бывало въ старину, не сразу, а постепенно, когда постройки прибавлялись по мѣрѣ надобности. Благодаря этому домъ не имѣлъ никакой архитектуры. Это было длинное, деревянное, обшитое тесомъ, строеніе, почернѣвшее отъ времени и обросшее мохомъ, съ выходящими наружу безъ всякой симметріи пристройками.

Но зато внутри онъ былъ очень вмѣстителенъ и своеобразенъ по своимъ закоулкамъ, коридорамъ и комнатамъ съ расписанными стѣнами и потолками. Въ немъ была отдѣльная, такъ называемая образная комната, въ которой стоялъ большой кіотъ со старинными иконами въ серебряныхъ ризахъ, съ различными крестами и древними натѣльными складнями, съ пучками травъ съ береговъ Іордана, съ баночками масла изъ какихъ-то святыхъ мѣстъ, съ небольшими бархатными мѣшечками, вышитыми золотомъ, посрединѣ которыхъ были нашиты написанныя масляной краской изображенія Дмитрія Солунскаго и Тихона Задонскаго. Назначеніе этихъ мѣшечковъ заключалось въ томъ, что ихъ клали на голову при головныхъ болѣхъ,—они были наполнены ватой съ мощей этихъ святыхъ.

Рядомъ съ образной была портретная, увѣшанная изображеніями предковъ. Въ ней же находились шкафы съ семейными архивами. Въ этихъ двухъ комнатахъ все было интересно, начиная отъ старинной мебели и кончая мелкими бездѣлушками, стоящими на столахъ и шкафахъ. Въ довершеніе ихъ оригинальной обстановки въ дверномъ пролетѣ не было створокъ, ихъ замѣняла выкрашенная бѣлой краской калиточка наподобіе изящныхъ садовыхъ калитокъ. Когда же требовалось отдѣлить эти двѣ комнаты одну отъ другой, то дверной пролетъ закрывался выдвигающимся изъ стѣны большимъ зеркаломъ. Въ образной и портретной пахло всегда кипарисовымъ деревомъ и ладономъ, и прислуга говорила, что въ нихъ пахнетъ покойникомъ, вслѣдствіе чего и я относился къ этимъ двумъ комнатамъ съ чувствомъ, очень близкимъ къ страху, и избѣгалъ оставаться въ нихъ или заходить туда одинъ, въ особенности, когда начинало темнѣть. Наслушавшись отъ прислуги немало разсказовъ о домовыхъ и привидѣніяхъ, я былъ въ дѣтствѣ въ этомъ отношеніи не изъ храбрыхъ и побаивался многихъ закоулковъ этого стараго дома.

Рядомъ съ портретной и образной находились столовая и гостиная. Въ столовой съ обѣихъ сторонъ были большіе до самаго потолка, придѣланные къ стѣнамъ, шкафы, наполненные книгами, стоялъ старинный буфетъ и на одной изъ стѣнъ, рядомъ съ зеркаломъ, помѣщался длинный, вдѣланный въ деревянную точеную рукоятку павлиній хвостъ въ полотняномъ чехлѣ, служившій для отмахиванія мухъ надъ сидящими за столомъ во время обѣда. Стѣны въ столовой были окрашены въ свѣтло желтый цвѣтъ, въ гостиной же въ голубой. На стѣнахъ этой послѣдней вмѣсто карнизовъ были изображены гирлянды цвѣтовъ, а на потолкѣ по четыремъ угламъ были написаны медальоны съ изображеніемъ разныхъ полевыхъ работъ, соединяющіеся между собой

вдоль четырехъ сторонъ потолка также гирляндами цвѣтовъ въ перемежку съ различными аллегорическими атрибутами, при чемъ все это было сверху какъ бы покрыто кисейнымъ прозрачнымъ пологомъ, исходящимъ изъ центра потолка.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія расписываніе стѣнъ и потолковъ въ домахъ было общепринятымъ и представляло изъ себя особую отрасль искусства, имѣвшую своихъ талантливыхъ и извѣстныхъ представителей, однимъ изъ которыхъ былъ знаменитый въ Москвѣ въ свое время Артарій Колумбо. Онъ былъ преподавателемъ орнаментики въ московской школѣ живописи.

Хотя комнаты моховскаго дома расписывались, вѣроятно, далеко не знаменитостями, но искусство это было настолько распространеннымъ, что даже провинціальные второстепенные мастера исполняли эти работы безъ аляповатости и даже съ нѣкоторымъ вкусомъ, въ легкихъ, удачно скомбинированныхъ и ласкающихъ глазъ тонахъ.

Мебель въ гостиной была краснаго дерева въ стилѣ Имперіи и обита краснымъ штофомъ. По двумъ угламъ, къ наружной стѣнѣ, помѣщались угловыя этажерки, на которыхъ стояли фарфоровые и чайные сервизы императорскаго фарфороваго завода съ изображенными на нихъ цѣлыми картинами и бѣлыя фарфоровыя французской работы фигурки и цѣлыя группы, составляющія собой сюрту де табль, изображающій сельскій праздникъ въ стилѣ Вато.

Большія, раздвигающіяся вольтеровскія кресла, китайскій бильярдъ, старинныя зеркала, съ бронзовыми часами передъ ними, изъ которыхъ одни изображали ладью, на которой амуръ перевозитъ время—сидящую фигуру старика съ длинной бородой и косой въ рукахъ, французскій jeu de mots: «L'amour fait passer le temps», составляли остальное убранство комнаты. На стѣнахъ висѣло много картинъ въ фламандскомъ жанрѣ и большой поясной портретъ императора Николая Павловича.

Меня въ особенности занимала одна изъ картинъ. Она изображала площадь швейцарской деревни съ церковью посрединѣ; въ ея башнѣ были вдѣланы настоящіе часы и когда они начинали бить, то нѣкоторыя фигуры на картинѣ приходили въ движеніе: такъ женщина, стоящая около колодца, начинала качать воду и вода бѣжала изъ жолоба, будучи представлена движущейся блестящей полосой, долженствующей передавать блескъ текущей воды.

Рядомъ съ гостиной помѣщался кабинетъ моего отца, на одной стѣнѣ котораго было развѣшано много ружей, кинжаловъ и другого оружія разныхъ временъ и народовъ, а у другой—стояла

особаго рода подставка, въ которой красовалась цѣлая коллекція трубокъ и трубочекъ, большинство съ длинными черешневыми чубуками, которые заканчивались янтарными мундштуками.

Изъ кабинета былъ выходъ въ буфетъ, сообщавшійся съ одной стороны съ прихожей, находящейся передъ столовой, а съ другой посредствомъ короткаго коридора съ двумя кладовыми, бывшими въ моихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ обѣтованной земли.

Въ одной изъ этихъ кладовыхъ, по размѣрамъ меньшей, хранились всякіе болѣе цѣнные и мелкіе припасы.

Въ другой, большой кладовой хранились разныя вещи, стояли придѣланные къ стѣнамъ шкафы, наполненные дорогими сервизами, а также привезенными изъ Италіи алебастровыми копіями съ извѣстныхъ статуй: тутъ были и группы борцовъ, и похищеніе Сабинянокъ, и Венера, и Амуръ съ Психеей, и Три граціи и много, много другихъ. Не знаю почему, онѣ всѣ были обречены на изгнаніе и заключеніе въ шкафахъ кладовой, исключеніе составляли только группа: Ніобеи, прикрывающей собою и своей одеждой своего послѣдняго ребенка отъ стрѣлъ разгнѣваннаго Аполлона, и Умирающій гладіаторъ; первая стояла въ столовой, а послѣдній въ портретной. Полагаю, что причиной изгнанія остальныхъ была ихъ классическая нагота.

Въ этой же кладовой хранились ящики съ серебромъ и сундуки со старинными дѣдовскими одеждами: кафтанами, камзолами, шляпами, мундирами и т. д., которые раза два въ годъ вывѣшивались на дворѣ на солнцѣ на веревкахъ, выколачивались и вновь убирались въ сундуки.

Передъ домомъ были цвѣтники, разбитые на красивыхъ полянахъ, съ разбросанными по нимъ отдѣльными группами старыхъ сиреней.

Расположенные передъ домомъ цвѣтники отдѣлялись рѣшеткой отъ остальной части сада, посаженной и распланированной въ англійскомъ вкусѣ, съ участками различныхъ сортовъ деревьевъ, чередующимися съ полянами, на которыхъ были кое-гдѣ посажены отдѣльными экземплярами болѣе красивыя и рѣдкія деревья. По бокамъ шоссированныхъ и всегда усыпанныхъ пескомъ и очищенныхъ отъ сорныхъ травъ дорожекъ росли бордюрами, вдоль засаженныхъ деревьями участковъ, кусты разноцвѣтныхъ шиповниковъ, бургундскихъ розъ и жасмина, среди которыхъ мѣстами чернѣли развѣсистыя вѣтви казацкаго можжевельника. Внутри этого лабиринта были поляны, занятыя огородами, участки, засаженные земляникой и центифольными розами, изъ цвѣтовъ которыхъ варили варенье и дѣлали конфеты разныхъ сортовъ.

За англійскимъ садомъ, окруженнымъ длинной тѣнистой липовой аллеей, находились фруктовый садъ и лѣсной питомникъ.

Съ южной стороны сада, отдѣляясь отъ него широкой проѣзжей дорогой, раскидывался паркъ, занимавшій болѣе ста десятинъ земли; основаніемъ ему послужила небольшая дубовая роща. Въ посадкѣ и планировкѣ этого прекраснаго парка была проявлена вся любовь и все искусство въ этомъ дѣлѣ незабвеннаго для всѣхъ знавшихъ его Франца Христіановича Мейеръ, извѣстнаго въ свое время сельскаго хозяина, служившаго у насъ управляющимъ и бывшаго въ то же время другомъ какъ моего дѣда, такъ равно и отца.

Мейеръ, прожившій у насъ болѣе 40 лѣтъ, у насъ и скончался, и насаженный имъ паркъ представляетъ лучшій памятникъ, какой только онъ могъ себѣ воздвигнуть; въ оградѣ этого же парка стоялъ и домъ, въ которомъ онъ жилъ.

Третьимъ мѣстомъ, съ которымъ связаны мои первыя воспоминанія, была Москва, тогда еще старая Москва, со шлагбаумами при въѣздѣ въ нее, со стоящими у нихъ небритыми, грязными, обтрепанными солдатами, съ широкими тесаками на широкихъ ремняхъ черезъ плечо; съ полосатыми будками на площадяхъ и перекресткахъ улицъ, около которыхъ прохаживались или дремали сонные будочники, вооруженные алебардами, топорами, насаженными на длинныя древки; съ продавцами сбитня на улицахъ, со стариннаго фасона каретами и возками и съ извозчиками, ѣздившими на такъ называемыхъ колибри или гитарахъ и носившими общее названіе «ванекъ».

Въ Москвѣ мы обыкновенно останавливались у моей бабушки со стороны матери. У нея былъ собственный домъ въ Серебряномъ переулкѣ близъ Арбата; одинъ изъ флигелей этого дома былъ занятъ нами.

Въ Москвѣ тогда жили широкой барской жизнью почти всѣ наши родственники, имѣвшіе собственные дома.

На Пречистенкѣ былъ домъ моей бабушки по отцу, Натальи Васильевны Охотниковой, урожденной Шатиловой, родной сестры моего дѣда. Она была очень богата и занимала обширный трехъэтажный каменный домъ съ большимъ дворомъ, на которомъ помѣщались всевозможныя хозяйственныя постройки, ледники и кладовыя; зимою, какъ только устанавливался санный путь, всѣ онѣ наполнялись привозимыми изъ ея деревень всевозможными продуктами: мукой, крупами разныхъ сортовъ, дичью и т. п.

Внутренность дома была тоже роскошно обставлена, по край-

ней мѣрѣ, у меня сохранилось воспоминаніе о мраморной лѣстницѣ и большомъ бѣломъ подъ мраморъ залѣ, съ хорами и окнами въ два свѣта и комнатахъ съ штофными обоями и массой картинъ въ золоченыхъ рамахъ.

Сама бабушка Наталья Васильевна была въ то время уже очень преклонныхъ лѣтъ. Старушка не покидала своей небольшой комнаты съ кіотомъ образовъ и большимъ вольтеровскимъ кресломъ около стола, въ которомъ она всегда сидѣла въ темномъ атласномъ платьѣ, такой же кофтѣ и въ бѣломъ гофрированномъ чепчикѣ. Комната бабушки имѣла свой особенный какой-то пряный запахъ. Мы ѣздили къ ней каждое воскресенье обѣдать; на эти воскресные обѣды съѣзжалась и вся ея многочисленная семья. Обѣдали обыкновенно въ синей штофной столовой, за роскошно сервированнымъ столомъ, но сама бабушка, насколько я помню, на обѣдахъ этихъ не присутствовала, а обѣдала у себя въ комнатѣ; обязанности же хозяйки за столомъ исполняли ея дочери, живущія съ нею. Меня и мою двоюродную сестру, Линочку Кроткову, за большой столъ со взрослыми въ то время не сажали, а мы обыкновенно обѣдали въ дѣвичьей или въ комнатѣ экономки бабушки, за маленькимъ столомъ передъ окномъ, на которомъ всегда стояла сдѣланная изъ папье-машэ голова (такъ называемый болванъ), на которой гофрировались бабушкины чепчики.

Старшія дѣти Кротковы, Наташа и Коля, а равно и жившая съ ними ихъ двоюродная сестра, Варенька Зубарева, двѣ дѣвочки англичанки Вильдъ и еще другія дѣти, фамиліи которыхъ я теперь не помню, обѣдали за большимъ столомъ и, очень гордясь этимъ, относились къ намъ съ пренебреженіемъ и компаніи съ нами не водили, постоянно убѣгали отъ насъ и не допускали насъ, какъ малолѣтнихъ, въ свое общество, что насъ очень обижало.

Я до сихъ поръ помню, какъ намъ хотѣлось поскорѣе стать большими, чтобы быть принятыми въ ихъ компанію и совершать съ ними послѣ обѣда экспедиціи на хоры бальнаго зала и въ нежилыя комнаты верхняго этажа, занятыя всякой всячиной, но желаніямъ нашимъ не суждено было сбыться, такъ какъ бабушка Наталья Васильевна вскорѣ скончалась.

Въ ея домѣ, вѣроятно, живалъ въ это время по зимамъ и мой дѣдъ, дядя моего отца и родной братъ бабушки, генералъ Иванъ Васильевичъ Шатиловъ, старый холостякъ. Онъ послѣ ея смерти былъ однимъ изъ ея душеприказчиковъ и разошелся съ ея сыномъ, который чѣмъ-то при раздѣлѣ обдѣлилъ своихъ сестеръ: очевидно, онъ сдѣлалъ какую-то крупную несправедливость, такъ какъ послѣ этого вся наша семья и семья тетушки Кротковой прекратили съ нимъ всякія отношенія, продолжая ихъ въ то же время

съ его сестрами. Послѣ кончины бабушки Охотниковой Иванъ Васильевичъ сталъ жить по зимамъ у тетушки Кротковой, родной сестрѣ моего отца, и семья наша стала собираться по праздничнымъ днямъ у нея. Сначала Кротковы жили на Большой Никитской въ собственномъ домѣ, но потомъ они почему-то продали этотъ домъ и купили себѣ другой, противъ Страстного монастыря; онъ принадлежалъ прежде нѣкоему Рахманову, извѣстному въ старой Москвѣ обжорѣ и развратнику. Каждая комната этого дома имѣла свой особый стиль: столовая была вся дубовая, съ массивной рѣзной дубовой мебелью, зала и другія пріемныя комнаты были въ стилѣ рококо, а за ними слѣдовали комнаты въ помпейскомъ стилѣ, на ихъ стѣнахъ были воспроизведены копіи помпеевскихъ фресокъ. Мебель и лампы въ этихъ комнатахъ были тоже въ древне-римскомъ стилѣ. Изъ этихъ комнатъ вела дверь въ небольшой, замкнутый со всѣхъ сторонъ глухими стѣнами надворныхъ построекъ, палисадникъ, оканчивающійся павильономъ тоже въ помпейскомъ вкусѣ, гдѣ, какъ говорятъ, и происходили интимныя оргіи бывшаго владѣльца этого дома.

Между прочимъ, разсказывали, что Рахмановъ, большой любитель раковъ, откармливалъ ихъ для своего стола, держа извѣстное время въ сосудахъ, наполненныхъ сливками съ тертымъ пармезаномъ.

Всѣ жилыя комнаты этого дома были наверху, во второмъ этажѣ, тамъ же были апартаменты, занимаемые моимъ дѣдомъ; въ нихъ все было аккуратно, элегантно и чисто. Онъ и самъ былъ въ высшей степени аккуратнымъ и элегантнымъ старичкомъ и въ молодости отличался красотой. Это былъ типичный аристократъ какъ по своей наружности, такъ и по манерамъ и образу жизни.

Третій домъ, гдѣ мы тогда бывали, былъ домъ семьи Голохвоставыхъ. Голохвастовъ былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, но я не помню, былъ ли онъ тогда еще живъ или нѣтъ, но помню только его дѣтей, жившихъ въ то время вмѣстѣ въ ихъ большомъ трехъэтажномъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ. Голохвастовы были богатые люди, у нихъ былъ знаменитый въ то время заводъ рысистыхъ лошадей; одинъ изъ ихъ рысаковъ, Бычекъ, стяжалъ себѣ историческую славу. Его скелетъ до сихъ поръ хранится въ музеѣ московскаго университета.

Въ вестибюлѣ ихъ дома стояли двѣ дубовыя большія витрины, всѣ заставленныя многочисленными призами, полученными ихъ рысаками. У нихъ было также замѣчательное собраніе гравюръ, много картинъ голландскихъ художниковъ и цѣнное собраніе античныхъ камей.

И вотъ, не смѣнилось еще съ тѣхъ поръ и двухъ поколѣній,

а отъ всего этого не осталось и слѣда: вся эта роскошь и блескъ были эфемерными цвѣтками, которые росли на почвѣ крѣпостного права, и стоило только ему прекратиться, какъ все рухнуло, такъ какъ вся жизнь того времени была построена на немъ.

Переносясь мысленно къ тому времени и воскрешая въ памяти тогдашнее общество, становится вполнѣ понятнымъ, почему Россія дошла до своего печальнаго современнаго положенія. Оно есть слѣдствіе съ одной стороны рабства и угнетенности народа, а съ другой безпредѣльнаго легкомыслія и непрактичности высшихъ классовъ.

Большинство тогдашняго дворянства жило праздно и легкомысленно и, если и занимались самообразованіемъ, то оно касалось только эстетической стороны, ничего общаго съ требованіями практической жизни не имѣющей: о практической жизни мало кто думалъ. Женщины увлекались французскими романами, заводили флирты, выѣзжали въ свѣтъ, дѣлали визиты, сами принимали гостей, многія изъ нихъ даже не каждый день видѣли своихъ дѣтей, которыя обыкновенно жили на антресоляхъ, на попеченіи нянекъ и иностранныхъ гувернантокъ.

Къ этому времени относится особый типъ женщинъ, которыхъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой въ своемъ романѣ «Воскресенье» называетъ «лежачими», такъ какъ онѣ проводили все свое время, лежа на диванахъ или кушеткахъ.

Мужчины, если не служили, то занимались тоже исключительно жизнью въ свое удовольствіе: въ имѣніяхъ своихъ—охотой и поѣздками къ сосѣдямъ, а въ городахъ—посѣщеніемъ клубовъ, карточной игрой, кутежами и т. п. Объ интересахъ страны и даже о своихъ собственныхъ выгодахъ мало кто думалъ: на то существовали бурмистры и управляющіе. Дѣла шли по щучьему велѣнію и по барскому хотѣнью,—ихъ дѣло было получать готовыя деньги и тратить ихъ на свои удовольствія. Понятно, что такіе люди, лишившись дарового труда, не могли устоять и должны были разориться. Поэтому понятно, почему и наше поколѣніе, выросшее и воспитанное въ традиціяхъ крѣпостного права, въ большинствѣ случаевъ не представляетъ изъ себя еще устойчиваго и вполнѣ работоспособнаго элемента. Для выработки извѣстныхъ свойствъ и качествъ необходимъ рядъ предковъ, обладавшихъ этими качествами, а этого-то именно, въ большинствѣ случаевъ, у насъ и не имѣлось. Конечно, и тогда встрѣчались люди, выдающіеся по своему уму и талантамъ, но ихъ было мало, и на нихъ въ обществѣ сплошь и рядомъ смотрѣли какъ на чудаковъ и оригиналовъ.

Грибоѣдовское «Горе отъ ума» прекрасно характеризуетъ

взгляды и понятія, которые и мнѣ еще пришлось застать среди большинства тогдашняго дворянскаго круга.

Заниматься чѣмъ-нибудь, что-нибудь дѣлать считалось неприличнымъ для настоящаго барина. Характеренъ отзывъ одной крестьянки, изъ сосѣдней съ нашимъ имѣніемъ деревни, о ея баринѣ. Она была крестницей моей няни Маѳы Никаноровны и иногда заходила къ ней. На вопросъ послѣдней, каковъ ихъ баринъ, пріѣхавшій тогда въ первый разъ въ свое имѣніе, она отвѣчала, махнувъ рукой: «Какой іонъ баринъ, коль самъ удочкой рыбу ловитъ». Такъ что даже такое невинное занятіе, какъ ловля удочкой рыбы, считалось несовмѣстимымъ съ барскимъ достоинствомъ.

Описаніе Пушкинымъ времяпрепровожденія Евгенія Онѣгина чрезвычайно вѣрно. Именно такъ проводили свои дни богатые баричи: ночь сплошь да рядомъ обращалась въ день, а день въ ночь. Я помню въ Москвѣ даже такіе барскіе дома, которые были исключительно построены, если можно такъ выразиться, для ночной жизни. Таковъ, напримѣръ, былъ домъ Гурьевыхъ, на Тверской, недалеко отъ Страстной площади. Гурьевъ этотъ былъ въ свое время извѣстнымъ богачемъ и гастрономомъ, и имъ была изобрѣтена Гурьевская каша и Гурьевскіе блины, которые подавались, какъ сладкое блюдо со сливками и мелкимъ сахаромъ. Не знаю, кому принадлежалъ этотъ домъ въ описываемое мною время, но онъ тогда все еще продолжалъ называться Гурьевскимъ домомъ, хотя пересталъ уже быть барскимъ жилищемъ и служилъ временнымъ пристанищемъ и помѣщеніемъ для разныхъ, болѣе или менѣе балаганныхъ, увеселеній. Такъ въ немъ останавливались пріѣзжавшіе въ Москву показываться карлики и великаны, тамъ снимались помѣщенія для театра маріонетокъ, тамъ же былъ одно время театръ, на сценѣ котораго вмѣсто актеровъ представляли собаки и обезьяны.

Большинство комнатъ этого дома были безъ оконъ, а потому и домъ этотъ производилъ мрачное, жуткое впечатлѣніе. Впослѣдствіи онъ былъ купленъ однимъ изъ тогдашнихъ желѣзнодорожныхъ тузовъ и перестроенъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Такихъ домовъ въ Москвѣ того времени было нѣсколько. Тогдашняя Москва рѣзко отличалась отъ современной: теперь это почти сплошь торговый городъ, а тогда это былъ еще по преимуществу барскій городъ. Все болѣе зажиточное дворянство имѣло не только дома въ городѣ, но и подмосковныя дачи, которыя теперь въ большинствѣ случаевъ перешли въ руки разбогатѣвшихъ капиталистовъ новѣйшей формаціи.

У моего дѣда былъ домъ въ Москвѣ на Большой Никитской,

недалеко отъ церкви Большого Вознесенія, которая извѣстна тѣмъ, что въ ней было совершено бракосочетаніе поэта Пушкина. Было у насъ тоже подмосковное имѣніе Жучки, находящееся недалеко отъ Троицко-Сергіевскаго посада, и какая-то фабрика по дорогѣ въ Нескучное.

Подъ Москвой же было имѣніе и родственниковъ нашихъ, Голохвастовыхъ. Имѣніе ихъ называлось Покровское и было въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Воскресенскаго посада.

Семья Голохвастовыхъ состояла изъ трехъ братьевъ: Дмитрія Дмитріевича, Павла Дмитріевича и Александра Дмитріевича, послѣдній былъ тогда еще очень юнымъ, и сестры Елисаветы Дмитріевны. Они приходились намъ по отцу близкими родственниками, такъ какъ мать моего отца, Наталья Павловна, была родной сестрой ихъ отца. Дмитрій и Павелъ только что недавно въ то время окончили образованіе въ Пажескомъ корпусѣ въ Петербургѣ. Сестра ихъ Елисавета была еще совсѣмъ молодой барышней, при ней состояла въ качествѣ компаньонки англичанка миссъ Пауль; некрасивая, высокая и худая, она всегда носила черное или темносѣрое платье. Невозмутимо спокойная, она въ то же время была наивна и довѣрчива. Ее очень любилъ дурачить, когда пріѣзжалъ въ Москву изъ Петербурга, Александръ Голохвастовъ. На ея разспросы о столицѣ и государѣ Николаѣ Павловичѣ онъ увѣрялъ ее, что государь ѣздитъ по городу въ коронѣ съ козырькомъ и раскланиваясь приподымаетъ за козырекъ эту корону. На это миссъ Пауль дѣлала удивленные глаза и говорила: «О!»

Живя въ домѣ Голохвастовыхъ, я впервые познакомился съ широкимъ образомъ жизни тогдашняго свѣтскаго круга. Молодые братья Голохвастовы, принадлежа къ московской золотой молодежи, вели свѣтскую жизнь. Жили они тогда еще всѣ вмѣстѣ въ главномъ корпусѣ своего дома, при чемъ каждый изъ членовъ семьи имѣлъ свой выѣздъ, т.-е. свои отдѣльные экипажи, лошадей и кучеровъ, а равно и свои апартаменты, своихъ камердинеровъ и лакеевъ. Прислуга въ ихъ домѣ была съ утра во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и жизнь молодыхъ господъ проходила въ визитахъ, пріемахъ, посѣщеніи театровъ и баловъ. Съ утра летали они по Москвѣ на своихъ прекрасныхъ рысакахъ, которыхъ не могла даже догнать рѣзвая пара московскаго оберъ-полицмейстера. Павелъ Голохвастовъ не разъ разсказывалъ со смѣхомъ, какъ ему удавалось избавляться отъ погони за нимъ тогдашняго оберъ-полицмейстера, не разъ преслѣдовавшаго его за то, что онъ, ѣдучи по улицѣ, курилъ сигару. Въ то время куреніе на ули-

цахъ строго воспрещалось, и молодежь изъ высшаго круга любила дразнить полицію, нарушая это запрещеніе. Мелкіе люди за подобное нарушеніе попадали въ участокъ, гдѣ ихъ въ наказаніе заставляли подметать московскія улицы. Въ то время всѣ служащіе не смѣли носить бороды, и нарушителямъ этого запрещенія не только сбривали бороды въ участкахъ или на гауптвахтахъ солдаты, но кромѣ того ихъ подвергали еще какимъ-то наказаніямъ.

Московскимъ генералъ-губернаторомъ въ то время былъ графъ Закревскій, котораго очень любилъ государь Николай Павловичъ и который правилъ Москвой, какъ истый персидскій сатрапъ; не даромъ его и называли московскимъ пашею или сатрапомъ. Онъ имѣлъ бланки съ подписью государя и распоряженія его, даваемыя на этихъ бланкахъ, бывали безапелляціонны. Эти же бланки впослѣдствіи и послужили къ его паденію, такъ какъ онъ на одномъ изъ нихъ сдѣлалъ самовольно распоряженіе о разводѣ своей дочери, графини Нессельроде.

Не могу не разсказать здѣсь о свиданіи этого грознаго московскаго сатрапа съ юродствовавшимъ заштатнымъ дьякономъ, Иваномъ Яковлевичемъ Корейшей, знаменитымъ въ свое время московскимъ Иванъ Яковлевичемъ. Онъ былъ отданъ за какую-то серьезную провинность «подъ начало», а затѣмъ попалъ въ сумасшедшій домъ. Сумасшедшимъ Корейша не былъ, а только симулировалъ психическое разстройство, какъ лучшій исходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Въ сумасшедшемъ домѣ хитрый, изворотливый и, можно сказать, даже довольно образованный Корейша занялся предсказываніемъ будущаго, и слава его быстро распространилась среди суевѣрнаго населенія Замоскворѣчья. Онъ своими предсказаніями положительно обогатилъ Преображенскую больницу для умалишенныхъ, въ которой находился. Слава о немъ была такъ велика, что даже императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ его однажды. Говорили, будто бы государь, подойдя къ Корейшѣ, спросилъ его, почему онъ такимъ образомъ лежитъ, не вставая, и получилъ въ отвѣтъ:

— И ты, какъ ни великъ и ни грозенъ, а тоже ляжешь и не встанешь.

Дальнѣйшая ихъ бесѣда была, какъ говорятъ, съ глазу на глазъ. Государь пробылъ въ комнатѣ Ивана Яковлевича около четверти часа и вышелъ оттуда пасмурный и взволнованный. Послѣ этого посѣщенія Корейши государемъ посѣтить больницу вздумалъ и графъ Закревскій, и когда онъ, сопровождаемый больничнымъ начальствомъ, вошелъ къ Корейшѣ, то послѣдній встрѣтилъ его словами:

— Ой, говори ты пожалуйста потише, слишкомъ ужъ тебя слышно, оглушилъ совсѣмъ,—и, затѣмъ отвернувшись отъ графа и обратившись къ присутствующимъ, бѣдовый прорицатель продолжалъ: «Глупъ я, други вы мои милые, совсѣмъ глупъ: залѣзъ на верхушку да и думаю, что выше меня ужъ и нѣтъ никого. Дочь я себѣ вырастилъ на позоръ, одна она у меня и, кромѣ стыда, нѣтъ мнѣ отъ нея ничего: шляется, какъ потаскушка, а я дуракъ и унять ее не могу. Гдѣ ужъ мнѣ дураку другими править, коль я самъ съ собой управиться не умѣю: навѣшаю на себя всякихъ цацъ, да хожу, распустя хвостъ, какъ пѣтухъ индѣйскій; только тогда опомнюсь, когда вверхъ ногами полечу...»

Закревскій, конечно, понялъ эту тираду, но не показалъ и виду. На его вопросъ, чѣмъ боленъ Корейша, послѣдній отвѣчалъ: «Пыжусь все, надуваюсь, лопнуть собираюсь».

Когда сконфуженный генералъ-губернаторъ уходилъ, Корейша заклокоталъ индѣйскимъ пѣтухомъ и задорно закричалъ:

— Фу ты, ну ты, прочь поди!..—Конечно, только благодаря предшествовавшему посѣщенію преображенскаго прорицателя государемъ для Корейши сошелъ благополучно этотъ пріѣздъ всемогущаго московскаго паши.

Графъ Закревскій былъ пріятелемъ моего дѣда Ивана Васильевича: они вмѣстѣ молодыми офицерами участвовали въ войнахъ съ Наполеономъ и совершали походъ 14 года. Рода Закревскій былъ незнатнаго и небогатаго, а графскій титулъ и крупное состояніе заслужилъ себѣ самъ своей службой.

Другимъ другомъ и товарищемъ дѣда и графа Закревскаго былъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ; о немъ я буду говорить впослѣдствіи.

А пока возвращаюсь еще къ Ивану Яковлевичу. Онъ былъ популярнѣйшей личностью тогдашней Москвы, къ нему обращались за совѣтами по различнымъ дѣламъ, возили невѣстъ, чтобы на основаніи его, по большей части непонятныхъ, изреченій дѣлать выводы о томъ, что ждетъ молодыхъ дѣвицъ въ ихъ будущей семейной жизни. Было много лицъ, въ особенности женщинъ, которыя ничего не предпринимали, не посовѣтовавшись предварительно съ этимъ пророкомъ изъ сумасшедшаго дома. Къ нему обращались не только лично, но и письменно; свои отвѣты онъ писалъ на тѣхъ же бумажкахъ, на которыхъ ему задавались вопросы, денегъ онъ не бралъ,—посѣтители и посѣтительницы опускали, кто сколько могъ, въ существующую для этой цѣли при больницѣ кружку, и весь сборъ шелъ въ пользу дома умалишенныхъ. Этотъ сборъ былъ настолько значителенъ, что положительно обога-

щалъ больницу и давалъ возможность ее содержать въ образцовомъ по тогдашнему времени порядкѣ.

Вотъ что разсказывала мнѣ о своемъ посѣщеніи этого московскаго оракула моя тетушка, Марья Ивановна Оливъ, урожденная Кузнецова. Когда она была еще совсѣмъ молодой, ея тетка, большая его поклонница, свезла ее къ Корейшѣ. Иванъ Яковлевичъ занималъ въ больницѣ отдѣльное помѣщеніе. Войдя къ нему, онѣ застали тамъ уже нѣсколькихъ посѣтительницъ, ожидавшихъ своей очереди поговорить съ прорицателемъ. Послѣдній сидѣлъ на полу, посрединѣ комнаты: это былъ лысый, ожирѣвшій старикъ, очень неопрятной наружности. На немъ прямо на бѣлье былъ надѣтъ больничный халатъ, широко распахнутый на разстегнутой рубашкѣ. Время отъ времени онъ нюхалъ табакъ, при чемъ послѣ каждой понюшки посыпалъ табакомъ и свою лысину. Посѣтительницы, подходя къ нему для разговора съ нимъ, должны были тоже садиться на полъ, такъ какъ Корейша все время сидѣлъ съ опущенной головой; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ тоже посыпалъ голову табакомъ, а нѣкоторымъ давалъ пить лѣкарство: какой-то порошокъ, который онъ клалъ своими грязными пальцами въ чайникъ, добавляя въ него еще своего нюхательнаго табаку и давалъ заваривать эту смѣсь имѣвшимся тутъ же кипяткомъ. Его поклонницы, осчастливленныя полученіемъ этой микстуры, или пили ее тутъ же, или выливали въ привезенныя съ собой бутылки и увозили домой.

Увидѣвъ мою тетушку, цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку, Корейша, вѣроятно для того, чтобы подурачить привезшую ее къ нему родственницу, началъ съ того, что запѣлъ «со святыми упокой»—послѣ чего сказалъ: «Скоро настанетъ весна, зазеленѣютъ деревья, зацвѣтутъ цвѣты, запоютъ птички, а Марія умретъ и будутъ пѣть надъ ней со святыми упокой». Это предсказаніе, показавшееся только забавнымъ молодой дѣвушкѣ, очень встревожило и разстроило ея родственницу, которая послѣ этого не разъ еще обращалась къ Корейшѣ письменно, чтобы получить отъ него болѣе утѣшительныя предсказанія. Каковы были результаты этой переписки,—не знаю, что же касается самаго предсказанія, то оно, конечно, не сбылось.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Ивана Яковлевича Марьѣ Ивановнѣ пришлось съ той же своей тетушкой Кузнецовой побывать и у другой замѣчательной личности, а именно у старца Кузьмича, о которомъ послѣ его смерти говорили, что онъ былъ императоръ Александръ Первый, удалившійся отъ міра. Возвращаясь изъ Сибири отъ своихъ родныхъ, красноярскихъ Кузнецовыхъ, проѣзжая по Томской губерніи на обратномъ пути въ Россію, узнавъ

на одной станціи, гдѣ мѣняли лошадей, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея живетъ старецъ Кузьмичъ, пользовавшійся тогда большой извѣстностью въ Сибири, онѣ рѣшили заѣхать повидаться съ нимъ и, хотя время было уже позднее и наступала ночь, онѣ тѣмъ не менѣе наняли ямщика и отправились на заимку, гдѣ жилъ старецъ. Среди большого лѣса, на обширной открытой полянѣ, обнесенной высокимъ частоколомъ, стояла очень маленькая избушка въ одно окно. Подъѣхавъ къ ней, посѣтительницы, найдя дверь незапертой, вошли въ нее и, никого не заставъ, сѣли, въ ожиданіи возвращенія старца, на лавку около окна. Избушка по своей обстановкѣ напоминала келью и состояла изъ одной комнаты, раздѣленной на двѣ части перегородкой, за которой стояла кровать. Яркій лунный свѣтъ, проникая въ окно, освѣщалъ это убогое жилище таинственнаго отшельника. Ждать имъ пришлось недолго, вскорѣ онѣ услышали скрипъ отворявшейся двери, когда онѣ обернулись, то имъ представилась слѣдующая картина, которую моя тетушка никогда въ жизни забыть не могла.

На фонѣ открытой двери, вся озаренная серебристымъ луннымъ свѣтомъ, падающимъ на нее изъ окна, стояла величественная фигура старца. Онъ былъ очень высокаго роста, одѣтъ въ длинную простую бѣлую рубаху, въ бѣлыхъ портканхъ, съ длинной бѣлой бородой и длинными бѣлыми же волосами, окаймлявшими его широкую лысину. Въ лучѣ луннаго свѣта онъ казался какимъ-то призрачнымъ, бѣлымъ, сверхъестественнымъ явленіемъ. Присущая его фигурѣ величественная осанка, разговоръ и манеры выдавали въ немъ человѣка, принадлежавшаго къ высшему кругу общества, и настолько поразили молодую дѣвушку, что распространившійся послѣ смерти Кузьмича слухъ, что онъ былъ Александръ Первый, ничуть не удивилъ Марью Ивановну [1]).

Кромѣ Голохвастовыхъ и Кротковыхъ, наша родня со стороны моего отца состояла еще изъ бабушки Охотниковой, рожденной Шатиловой, моего дѣда Ивана Васильевича Шатилова, дочерей бабушки Охотниковой: Аграфены и Анны Павловны; послѣдняя была замужемъ первымъ бракомъ за Карабановымъ, а потомъ вторично вышла замужъ, почти умирающая, за лечившаго ее доктора Ретрофи, которому послѣ своей кончины, послѣдовавшей очень скоро за свадьбой, оставила свое состояніе. Ея свадьба съ Ретрофи происходила у насъ въ Моховомъ, уже послѣ смерти бабушки, которая при жизни была противъ этого брака, считая его вѣроятно за mésalliance.

---

[1]) См. легенды и преданія, собранныя томскимъ кружкомъ почитателей старца Феодора Козьмича. *Д. Г. Романовъ.* «Таинственный старецъ Федоръ Козьмичъ въ Сибири и Императоръ Александръ Благословенный», Харьковъ. 1912 г. *С. М.*

Братъ мужа бабушки былъ блестящій, красивый, гвардейскій офицеръ, служившій въ Петербургѣ; онъ имѣлъ романъ, за который заплатилъ своей жизнью [1]).

Наша вѣтвь Шатиловскаго рода беретъ свое начало отъ одного изъ потомковъ Семена Шатилова, Перфилія Шатилова, жившаго въ концѣ 1500-хъ и въ началѣ 1600-хъ гг.

У Перфилія Шатилова былъ сынъ Мокей, а у Мокея было три сына: Авдей, Федоръ, женатый на Маріи Сотниковой, и Прокофій. Въ 1672 году Федору и Авдѣю было пожаловано Моховое. У Федора Мокеевича былъ единственный сынъ Федоръ Федоровичъ, умершій раньше своего отца, оставивъ сиротою малолѣтняго сына Осипа Федоровича; дѣдъ послѣдняго, Федоръ Мокеевичъ, былъ тогда уже очень старъ, и сосѣди Даниловы, желая захватить имѣніе въ свои руки, что въ тѣ отдаленныя времена случалось довольно часто, увезли его къ себѣ обманнымъ образомъ и желали тоже овладѣть и юнымъ Осипомъ Федоровичемъ, но крестьяне не допустили до этого: они, собравшись и вооружившись болѣе или менѣе, чѣмъ попало, отбили нападеніе сосѣдей, при чемъ отняли у нихъ даже вывезенную послѣдними пушку, которая и до сихъ поръ находится у насъ въ Моховомъ и изъ которой стрѣляютъ въ Пасхальную ночь. А для того, чтобы помѣстить тогда еще очень юнаго Осипа Федоровича въ болѣе безопасное мѣсто, перевезли его въ другое наше имѣніе, Паньково, въ 15 верстахъ отъ Мохового, гдѣ потомъ Осипъ Федоровичъ и остался жить постоянно. Его сынъ, Василій Осиповичъ, тоже жилъ въ Паньковѣ и, скончавшись раньше своего отца, оставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Николая и Ивана Васильевичей и дочь Наталью Васильевну, которая была замужемъ за Охотниковымъ.

У Николая Васильевича, женатаго на Натальѣ Павловнѣ Голохвастовой, былъ сынъ Іосифъ Николаевичъ, мой отецъ, и дочь Елисавета Николаевна, въ замужествѣ Кроткова. Николай Васильевичъ умеръ, когда моему отцу было всего 15 лѣтъ. Его и тетушку воспиталъ мой дѣдъ Иванъ Васильевичъ, умершій въ преклонныхъ лѣтахъ.

Николай Васильевичъ и Иванъ Васильевичъ, оставшись сиротами послѣ смерти отца, Василія Осиповича, въ скоромъ времени потеряли и дѣда своего, Осипа Федоровича, и были воспитываемы родными въ Петербургѣ; бывшая тогда опека надъ ихъ имѣніями разорила послѣднія. Подобныя же разоренія перенесли имѣнія наши и во время малолѣтства Осипа Федоровича. По разсказамъ стариковъ, Осипъ Федоровичъ былъ человѣкъ очень степенный и

[1]) Объ этомъ романѣ А. Я. Охотникова и императрицы Елизаветы Алексѣевны см. дополненіе къ статьѣ.

набожный: онъ, какъ говорятъ, былъ другомъ Тихона Задонскаго. Сынъ его, Василій Осиповичъ, служившій на военной службѣ и имѣвшій чинъ бригадира, наоборотъ, любилъ открытую широкую жизнь и при немъ гости не переводились въ домѣ.

Сохранившіеся въ Паньковѣ остатки прудовъ, бесѣдокъ и иныхъ затѣй свидѣтельствуютъ о томъ, что тамъ когда-то любили жить весело. Николай Васильевичъ тоже смолоду любилъ веселую жизнь и карточную игру и однажды проигралъ въ карты нѣсколько сотъ тысячъ, которыя заплатилъ за него его братъ, Иванъ Васильевичъ, изъ своей части состоянія, вотъ почему ни Николай Васильевичъ, ни отецъ мой не дѣлились съ Иваномъ Васильевичемъ, и отецъ всю жизнь съ большимъ почтеніемъ относился къ своему дядѣ и почиталъ его, какъ отца.

Иванъ Васильевичъ служилъ на военной службѣ во время Отечественной войны и участвовалъ въ походѣ союзниковъ въ Парижъ.

Мать моя была урожденная Оливъ; отецъ ея, Вильгельмъ Николаевичъ Оливъ, былъ французъ, перешедшій на русскую службу и женившійся на русской. Жена его, Софья Сергѣевна Оливъ, была урожденная Щербинина. Отецъ дѣдушки Оливъ принадлежалъ къ бретонскому дворянству и во время французской революціи удалился со своей семьей въ Сѣверную Америку, гдѣ и родился дѣдушка Вильямъ Николаевичъ.

По возвращеніи на родину молодой Оливъ поступилъ въ военную школу Сенъ-Сиръ и по окончаніи ея служилъ въ королевской гвардіи, сопровождалъ Людовика XVIII въ 1815 г. во время его удаленія въ Гентъ и состоялъ для порученій (былъ officier d'ordonnance) при герцогѣ Беррійскомъ. Овдовѣвъ, его мать вышла вторично замужъ за шталмейстера маркиза де-Кюбьеръ. Маркизъ де-Кюбьеръ съ дѣтства былъ близокъ къ дому Бурбоновъ, онъ воспитывался вмѣстѣ съ королемъ Людовикомъ XVI и состоялъ штальмейстеромъ при Людовикѣ XVIII. Это былъ очень образованный человѣкъ, занимался литературой и естественными науками.

Въ 1814 году великій князь Константинъ Павловичъ, будучи въ Парижѣ, познакомился съ семействомъ де-Кюбьеръ и скоро дружески сошелся съ нимъ; онъ очень полюбилъ молодого Оливъ и сталъ уговаривать его перейти къ нему на службу. Состоя въ перепискѣ съ маркизой де-Кюбьеръ, цесаревичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Варшавы отъ 16/28 октября 1816 г., между прочимъ, писалъ ей:

«Разсчитывая на вашу старую дружбу, милостивая государыня, посмѣю ли попросить Васъ обнять за меня Вашего сына,

котораго люблю отъ всей души. Заставьте его путешествовать, милостивая государыня, и пришлите его сюда ко мнѣ, обѣщаю Вамъ, что онъ будетъ принятъ, какъ братъ и другъ».

Слѣдуя этимъ лестнымъ приглашеніямъ, Вильгельмъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Россію и поступилъ на русскую службу въ качествѣ адъютанта великаго князя. Въ этой должности Оливъ прослужилъ 10 лѣтъ при цесаревичѣ въ Варшавѣ и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему людей.

Изъ сохранившихся у бабушки Софьи Сергѣевны Оливъ писемъ великаго князя къ маркизѣ де Кюбьеръ особенно интересны два письма, изъ которыхъ въ одномъ великій князь, говоря о броженіи умовъ во Франціи, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ обязанности короля.

«Не требовать болѣе, чѣмъ то, чего добиться есть человѣческая возможность. Сверхъ того быть самому человѣкомъ и откинуть ту полубожескую обстановку, которою окружаютъ его, какъ и принцевъ. Словомъ, собрать вокругъ себя не свою партію, съ ея старыми, выдохшимися теоріями, но всѣ партіи и оказывать имъ всѣмъ, безъ уступокъ какой-либо изъ нихъ, равную благосклонность, довѣріе и справедливость. Управлять самому, видѣть своими глазами, а не быть какимъ-то Далайламой, которому кадятъ съ утра до вечера, а держатъ въ клѣткѣ. Основательно заняться войскомъ, а не дѣлать изъ него одно зрѣлище, что для него всегда болѣе или менѣе оскорбительно».

Этотъ взглядъ Константина Павловича недурно было бы имѣть всѣмъ правителямъ, но, къ сожалѣнію, роль Далайламы легче и требуетъ меньше заботъ, ума и труда, а равно и знанія, чѣмъ роль одного изъ тѣхъ правителей, имена которыхъ будутъ всегда съ уваженіемъ вспоминаться благодарнымъ человѣчествомъ.

Какъ характерный примѣръ отношенія у насъ къ самоуправленію и проявленію такъ называемыхъ «возмутительныхъ идей», привожу отрывокъ изъ другого письма великаго князя Константина Павловича къ маркизѣ де-Кюбьеръ, въ которомъ онъ сравниваетъ происходящее въ то время во Франціи съ польскимъ сеймомъ.

«Наши захотѣли тоже подражать сценѣ маркиза Шовелена, но, благодаря городскому плац-майору, «старой лисицѣ и старому практику», были разсѣяны имъ однимъ человѣкомъ 20 шалуновъ, якобы либераловъ, которые захотѣли пошутить и исчезли при видѣ этого цербера или бульдога, весьма неудобнаго во время безпорядковъ. Его Величество не даетъ себя смущать всѣмъ этимъ шумомъ и при закрытіи держалъ рѣчь, доказывающую его не-

удовольствіе, что произвело большое впечатлѣніе на людей благомыслящихъ, но не тронуло демагоговъ. Слава Богу, въ этой странѣ все можетъ идти безъ согласія Камеръ».

По понятіямъ великаго князя, «онѣ (камеры) дѣлали лишь глупости, и ихъ при томъ и оставили, а такъ какъ созываютъ ихъ лишь черезъ два года и то лишь на мѣсяцъ, изъ котораго нужно вычесть дни открытія и закрытія, дни выбора комитетовъ и чтенія отчетовъ и затѣмъ четыре или пять воскресен й, два-три праздника,—то всего остается 15 или 18 дней для того, чтобы шумѣть; и можно оставить имъ это маленькое удовольствіе, ибо, какъ только оканчивается Сеймъ, всѣ мои милые соправители возвращаются къ тому опредѣленному положенію, въ которомъ не шутятъ съ бунтовщиками и съ людьми, производящими безпорядки. До сихъ поръ войска хороши, и на нихъ можно разсчитывать. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы имъ было разрѣшено возстановить порядокъ».

Великій князь умеръ въ Витебскѣ 15 іюня 1831 года отъ холеры; какъ говорили тогда, къ воспринятію этой болѣзни его подготовили душевныя огорченія.

Событія, совершавшіяся тогда въ Польшѣ, его очень огорчали. Къ тому же, пользуясь въ общемъ хорошимъ здоровьемъ, онъ не берегъ себя и рисковалъ имъ: окачивался холодной водой, а во время жаровъ растирался льдомъ, любилъ жирныя блюда русской кухни, въ особенности кулебяки, а также фрукты и ягоды. Не оправившись еще вполнѣ отъ простуды, онъ наканунѣ своей смерти ѣздилъ вечеромъ по городу и вернувшись долго разговаривалъ на крыльцѣ съ состоящимъ при немъ контръ-адмираломъ Колзаковымъ и, хотя уже чувствовалъ себя нехорошо, поѣлъ ягодъ со сливками, къ утру у него обнаружились признаки холеры. Единственный въ городѣ врачъ, умѣвшій, какъ утверждали, лѣчить отъ этой болѣзни, полковой лѣкарь Горскій, не былъ допущенъ къ больному врачами Куришемъ и Гюбенталемъ, и въ шесть часовъ вечера того же дня великаго князя не стало.

Къ моимъ воспоминаніямъ дѣтства относится и знакомство съ семьей извѣстнаго художника Ивана Константиновича Айвазовскаго, быстро дѣлавшаго тогда свою блестящую художественную карьеру; это было время полнаго расцвѣта его таланта. Онъ былъ уже богатымъ человѣкомъ, имѣлъ свой домъ въ Ѳеодосіи на берегу моря и къ этому же приблизительно времени относится покупка имъ его прекрасныхъ имѣній Шахъ-Мамая, Субаши, Креничекъ и дачи въ Судакѣ.

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій родился въ 1817 году; онъ былъ сыномъ бѣднаго армянина, бывшаго негоціанта, разо-

ривщагося во время чумы. Первый, кто обратилъ вниманіе на талантливаго мальчика, былъ ѳеодосійскій городской архитекторъ Кохъ. Затѣмъ тогдашній ѳеодосійскій градоначальникъ, бывшій потомъ таврическимъ губернаторомъ, Александръ Ивановичъ Казначеевъ, увидавъ однажды рисующаго Айвазовскаго и пораженный красотой и изяществомъ линій рисунка этого босоногаго и оборваннаго уличнаго мальчика, взялъ его къ себѣ и въ 1830 году помѣстилъ въ симферопольскую гимназію. У Александра Ивановича хранился рисунокъ, сдѣланный Айвазовскимъ и изображающій, какъ его въ первый разъ привели къ Казначееву. На этомъ рисункѣ онъ изобразилъ себя такимъ, какимъ въ дѣйствительности былъ въ то время,—босоногимъ оборванцемъ.

Учась въ гимназіи, Айвазовскій жилъ у Казначеева, воспитывавшаго его вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Въ Симферополѣ онъ сдѣлалъ рисунокъ перомъ, изображающій группу евреевъ въ синагогѣ. Рисунокъ этотъ такъ понравился Нарышкиной, урожденной графинѣ Растопчиной, что она взяла его съ собой въ Петербургъ и черезъ архитектора Тона, при посредствѣ князя Волконскаго, представила этотъ рисунокъ императору Николаю Павловичу, который и повелѣлъ зачислить 16-лѣтняго Айвазовскаго въ Академію Художествъ.

Айвазовскій былъ одинъ изъ рѣдкихъ избранниковъ и баловней судьбы, которые время отъ времени появляются среди общей заурядной массы человѣчества. Сынъ бѣдныхъ родителей, неимѣвшій даже возможности имѣть обувь, онъ достигъ наивысшихъ гражданскихъ чиновъ, (онъ умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника), оставивъ милліонное состояніе, но что въ особенности дѣлало ему честь, такъ это его отношеніе ко всѣмъ своимъ бѣднымъ родственникамъ и соплеменникамъ. Онъ никогда не отворачивался отъ нихъ, а наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ судьба возвышала его и обогащала, онъ прежде всего заботился о доставленіи жизненныхъ удобствъ своимъ бѣднымъ родственникамъ: онъ обезпечилъ свою мать, выдалъ замужъ свою сестру, далъ образованіе двумъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ, Григорій Константиновичъ, служилъ потомъ на гражданской службѣ, а другой, избравъ себѣ духовную карьеру, достигъ впослѣдствіи епископскаго сана.

Равнымъ образомъ, Иванъ Константиновичъ до конца жизни остался вѣренъ своему родному городу Ѳеодосіи, и послѣдняя ему очень многимъ обязана. Онъ снабдилъ ее прекрасною питьевою водой изъ обильнѣйшихъ источниковъ своего Субашскаго имѣнія; ему же, главнымъ образомъ, обязана Ѳеодосія тѣмъ, что въ ней устроили торговый портъ и провели къ ней желѣзную до-

рогу. Онъ постоянно заботился о всѣхъ нуждахъ родного города и ѳеодосійцы находили въ его лицѣ очень вліятельнаго и авторитетнаго ходатая и заступника во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Всегда ровный въ обращеніи со всѣми, онъ не проявлялъ никогда, за всѣ годы моего долгаго знакомства съ нимъ, ни малѣйшаго высокомѣрія или надменности, которымъ, къ сожалѣнію, такъ часто поддаются люди, которыхъ судьба побалуетъ успѣхомъ.

Въ то время Иванъ Константиновичъ былъ человѣкомъ во цвѣтѣ лѣтъ: высокій, красивый, онъ очень походилъ тогда на Пушкина и былъ женатъ на очень красивой англичанкѣ, бывшей гувернанткѣ, съ которою познакомился въ семьѣ Суковыхъ (Суковъ завѣдывалъ казенными лѣсами Ѳеодосійскаго уѣзда); отъ этого брака у Айвазовскаго было четыре дочери.

Помню я тоже и мастерскую Айвазовскаго, въ которой мое особое вниманіе привлекалъ манекенъ, одѣтый туркомъ. Сколько времени мы прожили въ Ѳеодосіи, не помню, но, кажется, мы оттуда проѣзжали и въ Керчь, по крайней мѣрѣ, мнѣ припоминается посѣщеніе нами тогдашняго керченскаго градоначальника, князя Херхулидзева, у котораго была молодая и красивая жена, игравшая и бѣгавшая со мной въ столовой вокругъ большого круглаго стола. Много лѣтъ спустя мнѣ пришлось встрѣтиться съ княгиней Херхулидзевой въ Москвѣ; она въ то время уже овдовѣла и увлекалась спиритизмомъ, который довелъ ее до потери разсудка и до преждевременной смерти.

За этотъ нашъ пріѣздъ въ Крымъ, вскорѣ послѣ войны, приходилось еще много слышать о событіяхъ военнаго времени и видѣть многое, что оставалось нѣмымъ памятникомъ пронесшейся надъ Крымомъ грозы: такъ Севастополь стоялъ еще весь въ развалинахъ, цѣлыя улицы и кварталы представляли изъ себя груды мусора и камней, съ кое-гдѣ уцѣлѣвшими одинокими стѣнами или печными трубами.

Наше имѣніе на южномъ берегу Крыма, Мухолатка, было тоже разграблено и разорено, домъ былъ сожженъ, такъ что отъ него остались лишь однѣ стѣны, закопченныя пожаромъ. Въ огромныхъ и прекрасныхъ подвалахъ, въ которыхъ хранились большіе запасы вина, союзниками были прострѣлены и пробиты донья у бочекъ, а вино выпущено на полъ подваловъ, которые потомъ нельзя было высушить въ продолженіи многихъ лѣтъ. Все, что союзники не могли унести, то было ими или испорчено, или совсѣмъ уничтожено. Впрочемъ, узнавъ, что сосѣднее съ Мухолаткой имѣніе бабушки Софьи Сергѣевны Оливъ принадлежитъ французу, они ничего не тронули, а только увели въ плѣнъ служащихъ и находящагося тамъ въ то время учителя дѣтей бабушки,

Дмитрія Васильевича, и двухъ изъ нашихъ людей: кузнеца Людвига Шмидта и столяра Андрея Шпека. Впрочемъ, всѣхъ этихъ лицъ потомъ довольно скоро освободили.

Въ то время разсказывали о нѣкоторыхъ таинственныхъ личностяхъ, появившихся въ Крыму передъ войной и потомъ неизвѣстно куда исчезнувшихъ. Такъ за нѣкоторое время до войны разъѣзжалъ по Крыму иностранецъ художникъ, выдававшій себя за глухонѣмого; онъ очень хорошо рисовалъ ночныя сцены около костровъ, достигая эффекта огненнаго освѣщенія особымъ техническимъ пріемомъ, соединяя гаушъ съ копченіемъ бумаги на огнѣ. Художникъ этотъ объѣхалъ весь Крымъ, живя подолгу у тѣхъ помѣщиковъ, гдѣ собиралось много гостей и можно было многое слышать. Зная, что онъ глухонѣмой, передъ нимъ не стѣснялись, и онъ могъ такимъ образомъ узнавать многое. Только послѣ того, что онъ внезапно исчезъ, когда была объявлена война, всѣ въ одинъ голосъ заговорили о томъ, что это былъ шпіонъ.

Другая такая же подозрительная личность жила въ Георгіевскомъ монастырѣ, около Севастополя. Явившись въ монастырь подъ видомъ монаха, человѣкъ этотъ подъ предлогомъ, что ищетъ уединенія и жизни отшельника, выстроилъ себѣ на крутомъ берегу въ виду моря келью, вдали отъ монастыря, и поселился въ ней. Его часто видѣли бродящимъ въ окрестностяхъ Севастополя и, когда непріятельскія войска осадили городъ, онъ исчезъ такъ же безслѣдно, какъ и художникъ.

Турецкое правительство и духовенство передъ Крымской войной усиленно возбуждало татаръ противъ русскихъ. Пріѣзжіе изъ Турціи проповѣдники подбивали магометанское населеніе къ поголовному возстанію и священной войнѣ. Изъ Константинополя, какъ говорили, было даже привезено въ Крымъ знамя Магомета, которое тайнымъ образомъ развозилось по городамъ и большимъ татарскимъ селеніямъ, гдѣ оно выставлялось въ мечетяхъ для возбужденія правовѣрныхъ къ возстанію, но татары были слишкомъ осторожны, чтобы явно перейти на сторону союзниковъ; гдѣ они могли, тамъ они помогали имъ, служа имъ шпіонами, но явно переходить къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ не отваживались.

Пріѣзжая по дѣламъ въ экономіи помѣщиковъ, они говорили потихоньку между собой, какъ будутъ все въ нихъ дѣлить, и дѣлали заблаговременно планы, что кому достанется, если русскихъ выгонятъ изъ Крыма и послѣдній вновь перейдетъ во власть султана. Это сочувствіе татаръ къ союзникамъ, конечно, главнымъ образомъ къ туркамъ, и опасеніе репрессивныхъ мѣръ со стороны

русскаго правительства по заключеніи мира заставило ихъ вскорѣ послѣ окончанія войны массами покидать Крымъ и переселяться въ Турцію. Переселеніе это было настолько значительно, что цѣлыя мѣстности сразу опустѣли: такъ на 18,000 десятинъ земли степного имѣнія моего отца было девять татарскихъ деревень, которыя всѣ выселились.

Нѣкоторыя изъ этихъ деревень были довольно значительныя; въ одной изъ нихъ существовало даже высшее духовное училище, «медресе», съ помѣщеніемъ, въ которомъ жили учащіеся, пріѣзжавшіе сюда изъ другихъ мѣстностей Крыма. Какъ въ первыхъ моихъ воспоминаніяхъ, мнѣ постоянно представлялись толпящіеся въ экономіи нашей татары, такъ въ описываемое время я припоминаю однѣ только опустѣлыя деревни, гдѣ среди грудъ развалинъ и огромныхъ кучъ пепла и сора бродили голодныя и одичавшія собаки, а въ первобытныхъ вышкахъ деревенскихъ мечетей, долженствующихъ замѣнять собою красивые минареты, гнѣздились совы и скворцы. Чѣмъ-то жуткимъ и несказанно безотраднымъ вѣяло отъ этихъ покинутыхъ деревень, вокругъ которыхъ оставались стоять, какъ безмолвные свидѣтели прошлаго, безчисленные, поставленные стоймя, камни-памятники окружающихъ селенія кладбищъ.

Но скоро и это все совсѣмъ исчезло съ лица земли, и новое пришлое населеніе или окончательно разрушило, или перестроило бывшія деревни, при чемъ камни кладбища пошли на постройки или на стѣны оградъ.

Послѣ ухода татаръ исчезли и тѣ типичные ногайцы, которыхъ приходилось еще видѣть во время нашихъ первыхъ поѣздокъ въ Крымъ. Ногайцы населяли Перекопскій уѣздъ и другіе сѣверные уѣзды Таврической губерніи, какъ, напр., Мелитопольскій и Бердянскій. До покоренія Крыма они составляли нѣсколько самостоятельныхъ ордъ, управляемыхъ независимыми мурзами, имѣвшими свои знамена и чеканившими свою монету. Къ этимъ, когда-то владѣтельнымъ, семьямъ принадлежали мурзы: Ширинскіе, Мансуровы и Карашайскіе. Ногайскія женщины носили большія серебряныя кольца, продѣтыя въ одну изъ ноздрей или въ хрящикъ носа между ноздрями. Кольца эти были настолько велики, что спускались ниже рта.

Уходъ изъ Крыма татаръ произвелъ большой переворотъ въ жизни большинства крупныхъ частныхъ имѣній. Въ нашемъ имѣніи Тамакѣ, хотя и были крестьяне, переселенные изъ имѣній, принадлежащихъ намъ въ Тамбовской губерніи, но они были вскорѣ послѣ войны отпущены на волю и, купивъ себѣ землю около города Карасу-Базара, поселились на ней. Отецъ, остав-

шись съ огромнымъ имѣніемъ, но безъ рукъ для его обработки, задумалъ пригласить изъ сѣверныхъ уѣздовъ Таврической губерніи нѣмцевъ-колонистовъ, которымъ и хотѣлъ сдать въ аренду часть земли, а также вывезти изъ-за границы семьи рабочихъ для производства полевыхъ работъ. Послѣдній проектъ, т.-е. вывозъ рабочихъ и колонистовъ, былъ приведенъ въ исполненіе только года черезъ два или три, такъ какъ въ это время настала пора осуществленія реформы освобожденія крестьянъ. Народъ ждалъ ее съ нетерпѣніемъ со дня на день.

Я помню, какъ при нашемъ возвращеніи изъ Крыма, въ нѣкоторыхъ деревняхъ Малороссіи жители сбѣгались къ дому, гдѣ останавливалась наша карета, и, узнавъ, что ѣдутъ частныя лица, разочарованные заявляли, что думали, что пріѣхала «воля», очевидно, представляя послѣднюю въ образѣ царскаго посланца, разъѣзжающаго по Россіи и объявляющаго народу о давно желанной свободѣ. Въ этотъ нашъ пріѣздъ въ Крымъ мы остались тамъ довольно долго. Сколько мнѣ помнится, зимовали въ Симферополѣ, гдѣ отецъ постоянно бывалъ занятъ, засѣдая въ разныхъ комитетахъ, имѣющихъ отношеніе къ освобожденію крестьянъ.

Во время этого нашего пребыванія въ Крыму пріѣзжалъ къ намъ въ Тамакъ полковникъ фонъ-Дитмаръ, уроженецъ Остзейскаго края. Онъ путешествовалъ по Крыму, интересуясь его древностями и въ особенности раскопками скиѳскихъ кургановъ въ окрестностяхъ Керчи, изъ которыхъ было добыто столько драгоцѣнныхъ образцовъ древняго искусства, украшающихъ въ настоящее время музей Эрмитажа. Незадолго до описываемаго мною времени былъ разрытъ такъ называемый «золотой курганъ», большинство драгоцѣнностей котораго, благодаря непредусмотрительности завѣдующихъ раскопками, было расхищено въ первую же ночь босяками Керчи, провѣдавшими объ этихъ сокровищахъ. Они, явясь ночью большой толпой, прогнали поставленный къ кургану недостаточный караулъ и похитили всѣ золотые предметы, окружающіе саркофаги царя и царицы. Съ большими трудами и только благодаря обѣщанію полной безнаказанности и уплатѣ по дѣйствительной стоимости за похищенныя вещи удалось получить обратно большую часть украденныхъ сокровищъ.

Полковникъ фонъ-Дитмаръ много разсказывалъ о керченскихъ находкахъ и привезъ съ собою древнія монеты, вазы и слезницы; между послѣдними были очень красивыя изъ разноцвѣтнаго стекла и съ опаловымъ отливомъ. Разсказы полковника меня очень интересовали, и съ тѣхъ поръ зародилась во мнѣ страсть къ археологіи.

Въ дѣтствѣ мнѣ пришлось видѣть немало людей, интересовавшихся науками и искусствами или даже спеціально имъ себя

посвятившихъ. Это, вѣроятно, и способствовало развитію во мнѣ какъ интереса къ нѣкоторымъ отраслямъ знаній, такъ равно и любви къ живописи, скажу даже больше—страсти къ живописи, которая наполнила и украсила собою мою жизнь.

Говоря о полковникѣ фонъ-Дитмарѣ, припоминается мнѣ его разсказъ о посѣщеніи имъ Гарибальди; будучи большимъ поклонникомъ этого великаго патріота, онъ нарочно ѣздилъ въ Италію, чтобы повидать его. При свиданіи Гарибальди далъ ему свой портретъ и автографъ. По возвращеніи въ Россію за этотъ визитъ народному герою Италіи Дитмаръ былъ уволенъ со службы и чуть было не попалъ подъ судъ.

Пріѣзжала къ намъ гостить въ Тамакъ и семья Филиберъ, съ которой мои родные были очень дружны. Мать Анны Петровны Филиберъ, Варвара Петровна Шипилова, происходила изъ семьи Брозиныхъ; у ея прадѣда Брозина было пять сыновей и три дочери. У одного изъ его сыновей, штабъ-доктора Ивана, былъ сынъ Павелъ, любимый флигель-адъютантъ императора Александра I. Будучи очень виднымъ и красивымъ человѣкомъ, онъ пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ; имъ увлеклась и Нарышкина, любовница Александра I, и такъ какъ Брозинъ и со своей стороны сталъ отвѣчать ей тѣмъ же, то они рѣшили уѣхать за границу и благополучно выполнили задуманное, за что оба лишены были Александромъ I права въѣзда въ Россію.

Отъѣздъ Нарышкиной сильно подѣйствовалъ на Александра I, который, лишившись ея, еще болѣе предался тому піетизму, склонность къ которому замѣчалась въ немъ и раньше. Только при Николаѣ I Брозину и Нарышкиной было разрѣшено вернуться въ Россію, гдѣ они поселились въ Одессѣ: Брозинъ въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается гостинница Россія, а Нарышкина рядомъ въ собственномъ домѣ, нынѣ это домъ генералъ-губернатора. Разсказывали, что въ одной изъ комнатъ этого дома была устроена потайная дверь, черезъ которую они сообщались; генеральша Ольга Леонтьевна Штаденъ, тетушка моей жены, разсказывала мнѣ, что, будучи въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, она однажды захотѣла провѣрить истину этого разсказа и дѣйствительно въ той комнатѣ, на которую указывали, въ одномъ мѣстѣ стѣны, соприкасающейся съ сосѣднимъ домомъ, при стукѣ слышался глухой звукъ, какъ бы отъ находящейся въ этомъ мѣстѣ задѣланной снаружи пустоты.

У Брозина съ Нарышкиной было четверо дѣтей [1]).

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о М. А. Нарышкиной можно найти въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», изд. Имп. Рус. Ист. Общ. и въ «Русскихъ Портретахъ XVIII и XIX ст.», изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. III, № 105. *В. С.*

Филиберы по происхожденію французы, но во времена гоненій на гугенотовъ, будучи протестантами, покинули Францію и перебрались сначала въ Пруссію, а затѣмъ переѣхали въ Швейцарію. Послѣ покоренія и присоединенія Крыма и Новороссійскаго края къ Россіи и основанія графомъ Ришелье Одессы, много предпріимчивыхъ иностранцевъ стало переселяться въ этотъ новый край, манившій ихъ своей непочатостью и природными богатствами. Въ числѣ ихъ основался въ Одессѣ и Людвигъ Филиберъ, пріѣхавшій туда изъ Петербурга вмѣстѣ съ графомъ Ришелье; впослѣдствіи Филиберъ занялся овцеводствомъ на берегу Азовскаго моря. Кромѣ купленной земли, онъ арендовалъ еще для выпаса своихъ многочисленныхъ стадъ тонкорунныхъ овецъ обширные участки казенной земли, которые въ тѣ времена сдавались въ аренду желающимъ за очень ничтожную плату. Быстро составивъ крупное состояніе, старикъ Людвигъ Филиберъ далъ очень хорошее образованіе какъ своему единственному сыну, Амедею, такъ равно и дочерямъ.

Великая реформа 1861 г. вносила въ жизнь русскаго народа новыя оздоравливающія начала его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія, но столѣтія рабства и униженія этого долгаго времени, съ одной стороны, забиванія и подавленія свободнаго и благороднаго человѣческаго я, съ другой, предоставленія наилучшихъ условій для развитія самодурства, необузданныхъ чувственныхъ инстинктовъ, безграничной лѣни, привычки къ праздности и расточительности, соединенныхъ съ полнымъ отсутствіемъ серьезной и упорной послѣдовательной работоспособности,—надолго задержали умственное и моральное развитіе Россіи.

Переносясь мысленно за 50 лѣтъ назадъ, я припоминаю, что отецъ мой принималъ живое участіе въ губернскихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Симферополѣ, гдѣ мы тогда зимовали.

Наши крестьяне, переселенные изъ тамбовскаго имѣнія въ Крымъ, были отпущены на волю еще года за три или четыре до общаго освобожденія крестьянъ. Ни отецъ, ни дѣдъ не были крѣпостниками и крестьянъ своихъ не эксплоатировали. Конечно, вѣроятно и у насъ крестьяне платили извѣстный оброкъ и отбывали барщину, но все это совершалось въ размѣрахъ для нихъ не разорительныхъ, и вольнонаемный трудъ практиковался въ нашихъ имѣніяхъ уже съ начала этого столѣтія. Съ 1805 года хозяйство наше въ Тульскихъ имѣніяхъ велось правильно съ точной отчетностью и статистическими данными о количествѣ

урожая, такъ что освобожденіе крестьянъ не произвело никакой перемѣны въ способѣ веденія хозяйства; оно прошло, можно сказать, совершенно незамѣтно, даже ни одинъ дворовый человѣкъ не ушелъ отъ насъ.

Итакъ, до 1861 года я помню, какъ мой отецъ и Петръ Васильевичъ Давыдовъ посѣщали въ Симферополѣ губернскій комитетъ, а затѣмъ воспоминанія мои переносятъ меня въ Моховое, наше Тульское имѣніе, уже послѣ освобожденія, вѣроятно, къ осени 1861 года.

Помнятся сѣрые дождливые дни. Въ столовой передвинутъ большой обѣденный столъ и поставленъ вдоль одной изъ боковыхъ стѣнъ, на столѣ какія-то бумаги и книги, а за столомъ сидитъ отецъ, дѣдъ и Иванъ Ивановичъ Писаревъ, сынъ котораго, извѣстный Дмитрій Ивановичъ, былъ однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ новыхъ идей.

Этотъ Иванъ Ивановичъ былъ тогда избранъ мировымъ посредникомъ. Передъ столомъ толпа мужиковъ, наполнявшихъ всю комнату. Они почесывали затылки, глубокомысленно вздыхали, что-то тоже говорили, а стоящіе сзади позѣвывали, крестя себѣ при этомъ ротъ. Меня все это интересовало, и такъ какъ въ столовую меня не впускали, то я потихоньку заглядывалъ туда черезъ маленькую стеклянную дверь изъ темнаго коридора.

Съ моховскими крестьянами, кажется, все шло гладко и хорошо, но паньковскіе не хотѣли брать надѣловъ и отказывались отъ приходящейся на ихъ долю земли, и Писаревъ заставлялъ ихъ брать надѣлы силою. Для этого онъ ѣздилъ въ Паньково и тамъ подвергалъ тѣлесному наказанію главныхъ виновниковъ, подговаривавшихъ остальныхъ не брать земли. Ихъ сѣкли розгами въ зданіи волостного правленія. Эти порки были первыми, о которыхъ мнѣ пришлось у насъ слышать, и то имъ подверглись уже освобожденные крестьяне и, вѣроятно, по приговору начавшаго уже функціонировать волостного суда. Впослѣдствіи я слышалъ отъ дѣтей тѣхъ крестьянъ, которыхъ тогда сѣкли, ихъ признательность за то, что заставили ихъ родителей взять полагавшійся имъ, согласно положенію, полный душевой надѣлъ. Въ то время многіе крестьяне не хотѣли брать полныхъ душевыхъ надѣловъ, опасаясь выкупныхъ платежей и не понимая, какимъ образомъ будетъ производиться выкупъ, и, конечно, очень прогадали.

Насколько незамѣтно прошла для насъ эмансипація, настолько значительный переворотъ въ хозяйствѣ въ Крыму произвело выселеніе изъ Крыма татаръ.

На землѣ нашего большого крымскаго имѣнія было, какъ

я уже говорилъ, девять татарскихъ деревень, и уходъ такого значительнаго количества рабочихъ рукъ отразился, конечно, весьма неблагопріятно на экономической жизни имѣнія.

Хотя въ своихъ письмахъ графъ М. Н. Муравьевъ (см. «Голосъ Минувшаго 1914 г.») и говорилъ о предположеніи заселять опустѣвшія помѣщичьи земли въ Крыму казенными крестьянами изъ южныхъ губерній или крестьянами, покупаемыми казною у мелкопомѣстныхъ дворянъ, но предположенія эти на дѣлѣ въ Крыму не осуществились. Эти массовыя татарскія эмиграціи побудили отца заселить опустѣлую землю нѣмецкими колонистами. Выше я говорилъ, что въ Тамакѣ были раньше переселены крестьяне изъ нашего тамбовскаго имѣнія, но ихъ было не особенно много.

Когда же пошли слухи о войнѣ и стали ожидать, что театромъ ея будетъ Крымъ, то правительство принялось усиленно заготовлять въ нѣкоторыхъ пунктахъ Крымскаго полуострова боевые припасы, а равно фуражъ и иные предметы. При отсутствіи въ то время желѣзной дороги появился огромный спросъ на извозчиковъ, и заработокъ ихъ былъ весьма значителенъ, такъ какъ попутно они имѣли еще различные иные заработки при работѣ нѣкоторыхъ сооруженій.

Наши крестьяне обратились тогда къ отцу съ просьбою отпустить ихъ на эти заработки, отецъ исполнилъ ихъ желаніе, и они такъ успѣшно работали не только все время, предшествовавшее военнымъ дѣйствіямъ, но и во время самыхъ военныхъ дѣйствій и даже еще нѣкоторое время и по окончаніи войны, что, будучи отпущены моимъ отцомъ послѣ войны на волю, они оказались въ состояніи купить себѣ землю подъ Карасу-Базаромъ и поселились на ней. Въ настоящее время многіе изъ ихъ потомковъ весьма зажиточные хозяева.

Вотъ это освобожденіе и уходъ своихъ крѣпостныхъ совмѣстно съ послѣдовавшимъ почти одновременно уходомъ татаръ и заставили отца моего подумать о нѣмецкихъ колонистахъ. Черезъ кого шли переговоры объ ихъ вывозѣ изъ-за границы, къ сожалѣнію, я не знаю, помню только, что отецъ и самъ ѣздилъ тогда за границу, и что большинство перевезенныхъ нѣмцевъ были баварцы: послѣдніе были вывезены, какъ рабочіе, и одновременно съ ними были переселены менониты, которымъ была отведена и земля, но это предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, и вывезенные изъ-за границы баварцы недолго выжили на чужой сторонѣ въ совершенно для нихъ непривычныхъ жизненныхъ условіяхъ. Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ всѣ они разбрелись: одни уѣхали обратно къ себѣ на родину, другіе перебрались въ города. Менониты про-

держались нѣсколько долѣе, но они тоже впослѣдствіи перебрались въ сѣверные уѣзды Таврической губерніи, ближе къ своимъ единовѣрцамъ.

За границу отецъ ѣздилъ изъ Москвы зимой; поѣздка его длилась нѣсколько мѣсяцевъ. Мы жили тогда еще во флигелѣ дома Голохвастовыхъ на Тверскомъ бульварѣ. Возвращеніе отца памятно мнѣ потому, что онъ привезъ съ собой много фотографическихъ карточекъ, изображавшихъ различныхъ извѣстныхъ тогда общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Въ Россіи фотографія тогда была еще очень мало распространена, портреты въ то время снимались дагеротипные на стеклѣ, и фотографію на бумагѣ только что начинали вводить.

Возвращаюсь вновь къ моему разсказу о времени освобожденія, чтобы познакомить читателей съ личностью тогдашняго нашего мирового посредника Ивана Ивановича Писарева.

Писаревъ былъ небогатый помѣщикъ, имѣніе котораго, Грунецъ, находилось верстахъ въ 12 или 15 отъ Мохового. Семья его состояла изъ его жены, сына Дмитрія Ивановича и двухъ дочерей: Вѣры и Екатерины. Жена его, маленькая бодрая женщина, получившая хорошее образованіе, сумѣла въ то время, и при томъ при маленькихъ средствахъ, дать образованіе сыну и дочерямъ. Съ этою цѣлью она открыла у себя въ имѣніи пансіонъ для дочерей такихъ же, какъ и она сама, небогатыхъ помѣщиковъ, и, обучая этихъ дѣвицъ, попутно дала образованіе и своимъ дѣтямъ.

Писарева была добродушная, отчасти нѣсколько восторженная женщина, заслуживающая, впрочемъ, полнаго уваженія. Нельзя было того же сказать про ея супруга, Ивана Ивановича. Это былъ типъ провинціальнаго Донъ-Жуана и крѣпостника, при томъ съ весьма растяжимыми понятіями о чести и порядочности. Я помню его уже старикомъ, съ серебристо-бѣлыми, зачесанными назадъ волосами, длинными висящими книзу серебристыми холеными усами и необыкновенно нѣжнымъ и розовымъ цвѣтомъ лица, которому могла бы позавидовать любая барышня, и съ такими же холеными и бѣлыми руками. Говорятъ, что онъ, дорожа своимъ цвѣтомъ лица, всегда ѣздилъ подъ зеленымъ вуалемъ, носилъ всегда перчатки и употреблялъ всякія косметики для сохраненія мягкости кожи. Всегда слащавый и улыбающійся, говорящій мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, онъ тѣмъ не менѣе самымъ исправнымъ образомъ сѣкъ мужиковъ, какъ только къ тому представлялся удобный случай.

Изъ числа дѣятелей по освобожденію крестьянъ мнѣ пришлось видѣть Н. А. Милютина, Юрія Самарина и князя В. А. Черкасскаго.

Милютина я видѣлъ спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Пріѣхалъ тогда въ Россію молодой шотландецъ Мэкензи Уоллесъ, задавшійся цѣлью написать книгу о Россіи. Не зная ни слова по-русски, Мэкензи Уоллесъ началъ съ того, что поселился гдѣ-то въ глуши Новгородской губерніи у сельскаго священника и началъ тамъ на практикѣ изучать русскій языкъ. Онъ прожилъ также довольно долго въ Новгородѣ, гдѣ тогдашній предсѣдатель губернской земской управы, Фирсовъ, далъ ему возможность заниматься въ губернской управѣ. Мэкензи Уоллесъ приходилъ въ управу ежедневно рано утромъ, едва сторожа успѣютъ вымести помѣщеніе, проходилъ въ предсѣдательскій кабинетъ и занимался тамъ до 6 часовъ вечера. Какъ разсказывали, онъ для моціона изъ Новгорода бѣгалъ на лыжахъ въ Петербургъ. Выучившись довольно скоро читать и говорить по-русски, Мэкензи Уоллесъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ, продолжая изучать русскій языкъ, началъ работать надъ своей книгой о Россіи.

Познакомившись съ моимъ отцомъ на вечерахъ у Михаила Никифоровича Каткова, издателя «Московскихъ Вѣдомостей», онъ началъ бывать и у насъ по воскресеньямъ, такъ какъ въ этотъ день у насъ собиралось довольно большое общество. Въ числѣ гостей бывали и князь В. А. Черкасскій и Юрій Самаринъ. Черкасскаго я тоже не разъ встрѣчалъ у Новосильцевыхъ. Онъ тогда уже былъ пожилымъ человѣкомъ, довольно полный, небольшого роста и хромалъ на одну ногу, почему всегда ходилъ съ палкой. Въ обществѣ онъ производилъ впечатлѣніе человѣка молчаливаго.

Самаринъ, какъ мнѣ сохранило мое воспоминаніе его образъ, имѣлъ наружность русскаго мужичка, съ рыжеватою, не особенно длинною, окладистою бородою и тонкими чертами лица.

Когда работа Мэкензи Уоллеса была, очевидно, достаточно уже подвинута, въ одно изъ воскресеній онъ читалъ у насъ свое произведеніе, и на этомъ-то чтеніи присутствовалъ Н. А. Милютинъ. Сѣдой, небольшого роста, въ черномъ сюртукѣ, онъ производилъ впечатлѣніе спокойнаго и серьезнаго человѣка.

Мэкензи Уоллесъ написалъ свою книгу сначала по-русски и читалъ ее у насъ по этому русскому тексту, а затѣмъ, послѣ того, что она была одобрена ближайшими дѣятелями реформы, перевелъ ее на англійскій языкъ. Въ Россіи Мэкензи Уоллесъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и Москву въ январѣ 1912 года въ числѣ англійскихъ гостей, депутатовъ англійскаго парламента.

Н. Шатиловъ.

О смерти А. Я. Охотникова.

Въ «Сборникѣ біографій кавалергардовъ 1801—1826», составленномъ подъ редакціею С. Панчулидзева (Спб. 1906 г.), имѣются слѣдующія свѣдѣнія о смерти Алексѣя Яковлевича Охотникова (1780—1807)—шт.-ротмистра кавалергардскаго полка, вышедшаго въ отставку 14 ноября 1806 г., и о его романѣ съ имп. Елизаветой Алексѣевной.

«За два года до своей смерти Охотниковъ влюбился въ одну даму высшаго свѣта. Любовь эта привела его къ ранней могилѣ. По семейнымъ преданіямъ Охотниковыхъ, любовь эта была высокое и чистое чувство сожалѣнія къ несчастной, покинутой мужемъ, молодой женщинѣ. Изъ другихъ воспоминаній мы видимъ, что свекровь молодой женщины говорила, что ея невѣстка имѣла отъ Охотникова дочь.

По семейному преданію Охотниковыхъ вся эта драматическая исторія произошла слѣдующимъ образомъ:

Мужъ, высокопоставленное лицо, невзирая на красоту, молодость и любовь къ нему своей жены, часто измѣнялъ ей. Ко времени ея сближенія съ Охотниковымъ она была окончательно покинута своимъ мужемъ, который открыто ухаживалъ, даже въ ея присутствіи, за одной дамой того же круга. Про эту связь говорилъ весь Петербургъ. Иные не находили ничего въ томъ удивительнаго, считая забытую жену за слишкомъ серіозную и скучную, и вполнѣ оправдывали легкомысленность мужа; другіе смотрѣли съ сожалѣніемъ на молодую женщину, переносившую съ достоинствомъ это тяжелое и незаслуженное оскорбленіе. Между таковыми былъ и Охотниковъ. Чувство Охотникова возросло отъ сознанія, что оно никогда не встрѣтитъ взаимности, такъ какъ въ Петербургѣ всѣ говорили о неприступности молодой женщины и любви ея къ своему мужу.

Но, вѣроятно, послѣдняя измѣна переполнила чашу терпѣнія молодой женщины, и, покинутая, одинокая, она невольно замѣтила взгляды молодого офицера. Въ нихъ она прочла глубоко скрытое чувство любви и сожалѣнія къ ней; видя эту симпатію къ ея несчастію, она сама увлеклась. Любовь ихъ продолжалась два года. Наконецъ, наступилъ роковой день: осенью [1]) 1806 года,

---

[1]) Есть основанія предполагать, что покушеніе было совершено въ началѣ октября, вѣроятно, въ ночь съ 4 на 5 октября.—«Сего числа свидѣтельствована мною хранящаяся въ казенномъ ящикѣ въ ввѣренномъ вамъ Кавалергардскомъ полку исправляющаго должность, за болѣзнею полкового казначея штабсъ-ротмистра Охотникова, аудитора титулярнаго совѣтника Иванова полковая денежная сумма, обще съ гг. штабъ- и оберъ-офицерами, и оказалась оная вся въ исправности налицо».. (Рапортъ Де-Прерадовича Уварову, 5 октября 1806 года, Исх. журн., № 68).

при выходѣ изъ театра, Охотниковъ былъ кѣмъ-то раненъ кинжаломъ въ бокъ. «Une voiture, vite», прошепталъ онъ своему другу, поддержавшему его, «je sais d'ou vient le coup; qu'il ne jouisse pas de son triomphe, menez-moi chez moi, ma blessure n'est peut être pas aussi grave: je pourrai vivre»[1]). Подозрѣніе его падало на брата мужа любимой женщины. Послѣднее время тотъ неустанно слѣдилъ за своей невѣсткою и, какъ думалъ Охотниковъ, преслѣдовалъ ее своею любовью.

Если убійство и было дѣло его рукъ, то наврядъ ли мотивомъ была любовь къ невѣсткѣ, а напротивъ—его любовь и преданность къ брату: если онъ и слѣдилъ за своей невѣсткою, то именно изъ-за боязни за честь брата.

Раненаго Охотникова привезли домой безъ чувствъ. Придя въ себя и увидя ужасъ окружающихъ, онъ просилъ не давать дѣлу огласки. Прислуга думала, что произошла дуэль, и, зная строгость закона относительно поединковъ, молчала, боясь повредить своему барину. Позванный знаменитый врачъ съ той же цѣлью опредѣлилъ болѣзнь воспаленіемъ [2]). По осмотру раны, врачъ сказалъ больному, что если рана черезъ три недѣли затянется, то можно будетъ надѣяться на полное выздоровленіе. Перевязавъ рану, врачъ остался ночевать у больного. Ночью докторъ подошелъ къ постели раненаго. Больного на ней не было. Пораженный врачъ поспѣшилъ въ сосѣднюю комнату и тамъ увидѣлъ раненаго, почти безъ чувствъ, полулежавшаго на диванѣ, а на столѣ передъ нимъ лежало только-что оконченное письмо. Охотниковъ, боясь, что вѣсть о его болѣзни убьетъ беременную молодую женщину, хотѣлъ ее самъ успокоить и въ письмѣ умолялъ не вѣрить городскимъ слухамъ. Докторъ, будучи домашнимъ врачомъ молодой женщины и знавшій объ ихъ любви, чтобы успокоить больного и заставить его лечь, обѣщалъ лично передать письмо.

Несмотря на старательный уходъ, рана не заживала, и черезъ три недѣли докторъ убѣдился, что никакой надежды болѣе не оставалось.

Чувствуя близкую кончину, Охотниковъ рѣшилъ привести въ порядокъ свои дѣла: онъ вызвалъ въ Петербургъ своего брата, который до этого и не зналъ даже о его болѣзни. Между тѣмъ, несчастная женщина, знавшая о положеніи своего возлюбленнаго, только и думала о томъ, какъ его повидать. Наконецъ,

---

[1]) «Поскорѣе экипажъ, я знаю, кто нанесъ ударъ; пусть не наслаждается своимъ торжествомъ, отвезите меня домой; можетъ быть рана не такъ опасна: я буду живъ».

[2]) Въ прошеніи объ отставкѣ.

съ помощью своей сестры, ей удалось устроить это свиданіе. Черезъ доктора она предупредила больного о своемъ посѣщеніи. Свиданіе было назначено къ 9 часамъ вечера. Охотниковъ потребовалъ, чтобы его одѣли въ мундиръ и чтобы комнату убрали цвѣтами. Тяжело было молодой женщинѣ видѣть страшную перемѣну въ молодомъ человѣкѣ, но, зная, что всякое волненіе ему вредно, она старалась быть покойной и даже, улыбаясь, говорила о возможномъ счастіи въ будущемъ. Наступила минута разставанія. Понявъ нѣмую просьбу больного, молодая женщина поцѣловала его въ губы. —Я умираю счастливымъ,—проговорилъ онъ,—но дайте мнѣ что-нибудь, что унесу съ собою... Локонъ волосъ упалъ ему на грудь... Молодая женщина вышла изъ комнаты. Умирающій спряталъ локонъ на сердцѣ. Отчаяніе смѣнило возбужденіе и радость свиданія, и Охотниковъ впалъ въ безпамятство. Только къ утру онъ пришелъ въ себя и потребовалъ священника. Принявъ Святыхъ Тайнъ, Охотниковъ призвалъ своего брата и просилъ его положить съ нимъ въ гробъ золотой медальонъ, кольцо, которое онъ носилъ, и локонъ. Потомъ передалъ ему черную лаковую шкатулку съ золотой застежкою и велѣлъ ее передать послѣ его смерти лицу, которое придетъ за ней.

Простившись со всѣми домашними, утомленный больной закрылъ глаза. Докторъ взялъ его за пульсъ; умирающій открылъ глаза и обратился къ брату: «Прощайте, друзья мои, я васъ покидаю». Это были послѣднія его слова; скончался онъ тихо.

Смерть Охотникова едва не стоила жизни несчастной женщинѣ. Не боясь болѣе за него, она открыто предалась своему горю. Гнѣвъ мужа ее уже не страшилъ, и она рѣшилась увидать въ послѣдній разъ останки любимаго человѣка. Въ сопровожденіи своей сестры, въ глубокомъ траурѣ она вечеромъ поѣхала на его квартиру. Предупрежденный заранѣе, ихъ встрѣтилъ братъ покойнаго, который, проводивъ обѣихъ дамъ въ комнату, гдѣ покоился умершій, оставилъ ихъ однѣхъ. Подойдя къ гробу, молодая женщина опустилась на колѣни, долго плакала и молилась. Вставъ и приложившись ко лбу покойнаго, она вышла изъ комнаты.

На другой день ея сестра пріѣхала къ брату Охотникова и просила ей передать шкатулку. Получивъ шкатулку, она обратилась къ нему еще съ просьбою разрѣшить поставить памятникъ на могилѣ покойнаго. «Vous ne refuserez pas de céder vos droits? C'est une amie qui désire faire cette triste offrande à la mémoire du défunt»[1]).

[1]) «Вы, вѣдь, не откажетесь уступить ваши права? Другъ желаетъ сдѣлать этотъ грустный даръ памяти покойнаго».

Черезъ шесть мѣсяцевъ на могилѣ стоялъ памятникъ, изображавшій скалу со сломаннымъ грозою дубомъ; у подножія скалы на колѣняхъ женская фигура въ покрывалѣ, держитъ въ рукахъ погребальную урну [1]).

Вотъ разсказъ этой печальной исторіи по семейнымъ преданіямъ Охотниковыхъ.

Подтвержденіе этому разсказу мы находимъ въ разговорахъ свекрови [2]) молодой женщины съ другомъ дома, занесенныхъ послѣднимъ въ свой дневникъ, и въ дневникѣ, веденномъ невѣсткой молодой дамы.

Въ разсказахъ свекрови проглядываетъ затаенное недоброжелательство къ невѣсткѣ и оправданіе сына: «Elle a certainement beaucoup d'esprit, mais elle a le défaut d'être trés journalière et froide comme la glace; elle pourrait certainement être trés heureuse avec son mari, qui fait tout ce qu'elle peut désirer, mais il a le coeur aimant, et elle est trés froide»[3]). Затѣмъ свекровь упрекаетъ свою невѣстку въ ея нелюбви къ свѣту.

Говоря о послѣдней связи своего сына, она снова винитъ невѣстку: «C'est sa propre faute; elle a pu écarter cette liaison et même à présent pourrait encore ramener son mari, si elle voulait s'y prêter; mais elle s'emportait contre lui, lorsqu'il s'approchait pour l'embrasser ou la caresser, elle le rudoyait... Ils ont de grands torts tous les deux, mais mon fils a été forcé de chercher des liaisons ailleurs, que sa femme aurait pu empêcher... son mari lui dit tout, elle sait tout[4])»... На замѣчаніе собесѣдника, что такого рода признанія и заставляютъ молодую женщину поступать такъ сурово съ мужемъ, свекровь отвѣтила: «Oh! cela ne lui fait rien»[5]).

---

[1]) На памятникѣ Охотникова слѣдующая надпись:

1. «Здѣсь погребено тѣло Кавалергардскаго полку Штабсъ-Ротмистра Алексѣя Яковлевича Охотникова, скончавшагося Генваря 30 дня 1807 года на 26 году отъ своего рожденія».

2. «Подъ симъ камнемъ покоится прахъ любезнаго намъ брата Петра Яковлевича Охотникова, скончавшагося 1801 года 25 апрѣля на 26 году отъ рожденія.»

[2]) Въ текстѣ ошибочно сказано—теща. *С. М.*

[3]) «Конечно, она очень умна, но недостатокъ ея въ томъ, что она очень непостоянна и холодна, какъ ледъ; безъ сомнѣнія, она могла бы быть очень счастлива съ своимъ мужемъ, исполняющимъ каждое ея желаніе, но у него любящее сердце, а она очень холодна».

[4]) «Она сама виновата; она могла устранить эту связь и даже сейчасъ могла бы еще вернуть мужа, если бы захотѣла примѣниться къ нему, а она сердилась на него, когда онъ приближался, чтобы поцѣловать или поласкать ее, она бывала груба съ нимъ... Они оба очень виноваты, но мой сынъ былъ вынужденъ искать связей на сторонѣ, которымъ его жена могла бы помѣшать... ея мужъ говоритъ ей все, она все знаетъ»...

[5]) «О, это ей безразлично».

«Oh! mon Dieu», замѣчаетъ по поводу послѣднихъ словъ другъ дома, «je crois que la malheureuse femme avale son chagrin en écoutant ces belles confidences; mais je conçois bien que les caresses d'un homme doivent lui répugner, lorsqu'elle pense, que peut être cinq minutes plus tôt il en a fait de plus tendres à une autre»[1]). Въ другой разъ разговоръ снова коснулся семейныхъ дѣлъ. Послѣ многихъ паузъ и недомолвокъ свекровь, наконецъ, рѣшилась повѣрить своему собесѣднику, что ея невѣстка была невѣрна своему мужу и что послѣдній ребенокъ былъ отъ «красавца Охотникова», смерть котораго едва не свела въ могилу мать. «Je n'ai jamais pus comprendre la conduite de mon fils vis-à-vis de cet enfant, son peu de tendresse envers lui et sa mère. Il m'a confié ce secret qu'à la mort de la petite. Que sa femme lui ayant avoué sa grossesse, avait voulu s'en aller, partir, etc. Mon fils a agi envers elle avec la dernière générosité»[2]).

Далѣе она разсказала, что на могилѣ Охотникова воздвигнутъ дорогой памятникъ, который не могли поставить небогатые родственники: «On croit que c'est ma belle-fille qui l'a fait faire, et qu'elle y va quelquefois»[3]).

Жизнь Охотникова изображена Е. С. Шумигорскимъ въ исторической повѣсти «Романъ принцессы Іевеорской» (Ист. Вѣст.», 1915 г. №№ 1, 2). См. также романъ Мережковскаго «Александръ I».

Ред.

---

[1]) «О Боже, я думаю, что несчастная женщина молча переноситъ свое горе, слушая эти милыя признанія, я прекрасно понимаю, что ласки мужчины должны ей быть противны, когда она подумаетъ, что, можетъ быть, за пять минутъ до этого онъ гораздо нѣжнѣй ласкалъ другую».

[2]) «Я никогда не могла понять отношенія моего сына къ этому ребенку, отсутствія въ немъ нѣжности къ нему и къ его матери. Только послѣ смерти дѣвочки, повѣрилъ онъ мнѣ эту тайну. Что его жена, признавшись ему въ своей беременности, хотѣла уйти, уѣхать и т. д. Мой сынъ поступилъ съ ней съ величайшимъ великодушіемъ».

[3]) «Думаютъ, что это моя невѣстка велѣла его поставить, и что она иногда ѣздитъ туда».

Изъ недавняго прошлаго [1].

II.

Помѣщичья жизнь въ началѣ 60 г.г. Ф. Х. Мейеръ.—Начало ученія. Учителя: Д. В. Аверкіевъ и др.—Гимназія.—А. И. Казначеевъ.

Общественная жизнь, всколебленная освобожденіемъ крестьянъ, скоро вновь пошла обыденнымъ порядкомъ, съ тою только разницей, что господамъ нельзя было больше драться. Впрочемъ, находились личности, которыя ухитрялись обходить это стѣснительное для нихъ обстоятельство, держа въ услуженіи людей, которымъ отдѣльно платили за то, чтобы они давали себя бить, когда барская рука была не въ состояніи сдерживаться. Помнится мнѣ, что не разъ приходилось слышать о такихъ случаяхъ.

Зимы 61, 62 и 63 гг. мы проводили въ Москвѣ, равно какъ и послѣдующія зимы. Въ это время бабушки Натальи Васильевны уже не было въ живыхъ, и мы по воскресеньямъ всегда обѣдали и проводили вечера у Кротковыхъ, въ ихъ домѣ противъ Страстного монастыря, рядомъ съ бывшимъ Строгановскимъ рисовальнымъ училищемъ.

Эти воскресенья мнѣ остались очень памятны. Къ обѣду съѣзжались многіе изъ родственниковъ: Голохвастовы, другіе Кротковы, братья Николая Степановича, бывалъ иногда Шеншинъ, приходившійся сродни Кротковымъ и служившій при графѣ Закревскомъ, не помню точно: адъютантомъ или военнымъ чиновникомъ особыхъ порученій. Этотъ Шеншинъ былъ плѣшивъ, Закревскій же, который самъ былъ тоже совершенно плѣшивъ, въ минуты благодушнаго настроенія любилъ смѣяться надъ плѣшивыми и называлъ Шеншина «плѣшандасомъ».

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

По вечерамъ пріѣзжали еще другіе гости, изъ которыхъ нѣкоторые привозили и дѣтей.

Въ это же время пріѣхали изъ Швейцаріи двѣ барышни, сестры Андреевы, изъ которыхъ старшая, Ольга Андреевна, была очень красивая дѣвушка, большого роста, прекрасно сложенная, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, красивыми темнокарими глазами и темными пышными волосами. Она была настоящимъ олицетвореніемъ русской красавицы. Обѣ онѣ до пріѣзда въ Москву воспитывались въ семьѣ тогдашняго женевскаго русскаго священника. Это были внѣбрачныя дочери графини Ростопчиной, извѣстной писательницы и поэтессы, и Андрея Николаевича Карамзина. Карамзинъ былъ потомъ женатъ на вдовѣ Демидова, Аврорѣ Александровнѣ и погибъ геройской смертью во время Крымской кампаніи, заслуживъ отъ турокъ прозвище льва. Когда началась Крымская кампанія, Карамзинъ, бывшій тогда въ отставкѣ, поступилъ вновь на службу въ чинѣ полковника въ Дунайскую армію, гдѣ командовалъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ. 16 мая 1854 г. близъ Ольтеницы Карамзинъ выступилъ на рекогносцировку со своими Александрійскими гусарами, но, обманутый невѣрными показаніями лазутчика, наткнулся на громадный непріятельскій отрядъ и былъ окруженъ турками. Чтобы спасти свой полкъ, онъ одинъ бросился на турокъ и былъ зарубленъ ими, за что и заслужилъ отъ нихъ прозвище льва.

Вскорѣ по пріѣздѣ дѣвицъ Андреевыхъ, старшая изъ нихъ, Ольга Андреевна, понравилась Павлу Дмитріевичу Голохвастову и онъ, не теряя времени, сдѣлалъ ей предложеніе, которое и было принято, и они стали женихомъ и невѣстой.

Въ эти года мы жили лѣтомъ въ Моховомъ, куда пріѣзжала съ дѣтьми и тетушка Елизавета Николаевна. Для ея пріѣздовъ былъ выстроенъ отдѣльный деревянный флигель. Онъ состоялъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ прихожей: въ одной помѣщалась тетушка съ дочерьми и съ гувернанткой миссъ Джонсъ, а въ другой мой двоюродный братъ со своимъ учителемъ Н. И. Березкинымъ.

Николай Ивановичъ Березкинъ, былъ очень спокойный и сдержанный человѣкъ изъ семинаристовъ, онъ рѣдко сердился и возвышалъ голосъ. Мы его въ особенности почитали за то, что онъ былъ великій мастеръ устраивать иллюминаціи, клеить изъ бумаги цвѣтные фонари и дѣлать очень красивые транспоранты съ вензелями. Иллюминаціи эти обыкновенно устраивались два или три раза за лѣто.

Мѣста для иллюминацій выбирались имъ тоже различныя,

смотря по погодѣ; но большею частью онъ пользовался для ихъ устройства купальней, находящейся въ концѣ сада около рѣки. Купальня эта представляла собою довольно большую комнату, въ заднемъ концѣ которой, за деревянной точеной баллюстрадой, помѣщался огромный, вдѣланный въ полъ чанъ, наполнявшійся водою изъ проведеннаго сквозь стѣну большого и широкаго жолоба, надъ которымъ было до десятка меньшихъ жолобовъ, расположенныхъ надъ большимъ полукругомъ въ видѣ вѣера. Когда вода пускалась, она лилась въ чанъ широкой струей изъ большого жолоба и рядомъ меньшихъ струй изъ верхнихъ жолобовъ, представляя собою, какъ бы водопадъ, съ шумомъ падающій въ чанъ, пѣнясь и разсыпаясь блестящими искрами, переливавшимися яркими цвѣтами радуги, благодаря рамамъ съ разноцвѣтными стеклами, окружавшими жолоба. Потолка въ купальнѣ не было, она, какъ большая палатка, заканчивалась двухскатной крышей, стѣны ея были выкрашены масляной краской, вдоль нихъ стояли широкіе турецкіе диваны. Снаружи передъ купальней былъ большой фонтанъ, изъ котораго, когда его пускали, била высокая струя воды. За фонтаномъ шла круглая поляна, на которую выходила липовая аллея, соединяющая ее съ садомъ. Старыя развѣсистыя липы, окружавшія поляну и купальню, служили прекраснымъ фономъ для транспарантовъ и фонарей Николая Ивановича.

Внутри, купальня тоже освѣщалась, украшалась зеленью, гирляндами и цвѣтами, въ ней накрывался столъ и подавался чай, фрукты и сладости. Смотрѣть на такое рѣдкое въ деревнѣ зрѣлище собиралась, конечно, вся дворня и чуть ли не все село.

Кромѣ сада иллюминація устраивалась иногда въ большомъ паркѣ Колкѣ. Въ этомъ случаѣ мѣстомъ для нея избиралась или сдѣланная тамъ искусственная развалина, или мѣсто среди старыхъ елей и сосенъ, гдѣ находилась круглая поляна, посреди которой на огромномъ пнѣ вѣкового дуба лежалъ въ видѣ стола большой круглый камень въ родѣ жернова, окруженный большими на камняхъ же скамейками.

Мнѣ особенно памятна одна подобная иллюминація развалинъ, устроенная, впрочемъ, на этотъ разъ не Березкинымъ, а Францемъ Христіановичемъ Мейеромъ, нашимъ управляющимъ. Послѣдній, вмѣсто фонарей и плошекъ, употребилъ цѣлую массу тыквъ разныхъ формъ и размѣровъ. Вычистивъ изъ нихъ всю мякоть, онъ вырѣзалъ на ихъ коркѣ самыя разнообразныя физіономіи, придавая имъ всевозможныя выраженія. Эти тыквенныя рожи, съ зажженными въ нихъ свѣчами, были разставлены на развалинахъ и вокругъ нихъ, среди деревьевъ, кустовъ и кам-

ней и производили очень оригинальное и даже жуткое впечатлѣніе, напоминая какое-то сборище лѣсныхъ духовъ. Францъ Христіановичъ въ своемъ неизмѣнномъ зеленовато-сѣромъ сюртукѣ, съ высокимъ бархатнымъ воротникомъ, и въ особомъ картузѣ съ большимъ козырькомъ, кажется, не меньше нашего забавлялся своей выдумкой.

Заговоривъ о Мейерѣ, не могу не остановиться на его личности. Это былъ замѣчательный человѣкъ, сыгравшій немалую роль въ исторіи русскаго сельскаго хозяйства. Родившись въ Германіи, онъ тамъ и получилъ первоначальное образованіе, очевидно, весьма основательное, такъ какъ оно дало ему возможность впослѣдствіи чрезвычайно разносторонне расширить свои познанія.

Онъ рѣшилъ покинуть родительскій домъ, вслѣдствіе притѣсненій и непріятностей, которыя ему приходилось переносить отъ своей мачехи, и, воспользовавшись случаемъ отправки въ Россію какимъ-то садоводомъ партіи рѣдкихъ растеній, поѣхалъ съ ними въ качествѣ садовника. Сдавъ по назначенію отправленный съ нимъ грузъ, онъ черезъ нѣкоторое время поступилъ управляющимъ къ княгинѣ Голицыной, которой принадлежало имѣніе Ломцы въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Сколько мнѣ помнится изъ его разсказовъ, семья Голицыныхъ состояла тогда изъ старушки матери и сына, молодого человѣка. У Голициныхъ Францъ Христіановичъ пробылъ довольно долго, насадилъ у нихъ большой паркъ, устроилъ правильные сѣвообороты, завелъ необходимыя сельскохозяйственныя орудія и вообще перестроилъ все на европейскій ладъ. Голицыны его цѣнили и относились къ нему очень хорошо, въ особенности молодой князь, что, впрочемъ, не мѣшало ему порой потѣшаться надъ нимъ и подводить простодушнаго иностранца, какимъ первое время былъ Мейеръ. Такъ однажды, когда въ имѣніе пріѣхали разносчики (въ тѣ времена пріѣздъ разносчиковъ-краснорядцевъ былъ цѣлымъ событіемъ въ деревенской жизни: лавокъ по деревнямъ не было, до городовъ было далеко, а потому тогдашніе краснорядцы имѣли въ числѣ своихъ товаровъ и дорогія матеріи, и парчи, и мѣха), разсматривая различные товары, Мейеръ очень похвалилъ при молодомъ князѣ парчу, употребляемую для ризъ, послѣдній, видя, что она нравится Мейеру, сталъ убѣждать его сдѣлать себѣ изъ нея халатъ, говоря:

— Подумайте только, Францъ Христіановичъ, какъ это будетъ красиво, когда вы въ солнечный день выйдете въ такомъ халатѣ покурить вашу трубку на террасу передъ господскимъ домомъ.

Францъ Христіановичъ, ничего не подозрѣвая, въ простотѣ души, купилъ себѣ этой парчи, и домашній портной сшилъ ему изъ нея великолѣпный халатъ. Когда послѣдній былъ готовъ, Мейеръ въ одно прекрасное праздничное лѣтнее утро надѣлъ его и, закуривъ свою трубку, вышелъ на террасу передъ господскимъ домомъ и сталъ прогуливаться по ней съ молодымъ княземъ. Въ это время старуха княгиня, женщина очень набожная, увидавъ изъ окна своей комнаты Мейера въ ризѣ, пришла въ негодованіе за такое, по ея понятіямъ, кощунство и, отворивъ окно, стала звать:

— Францъ, а Францъ, поди-ка ты сюда!

Францъ, не подозрѣвавшій ничего худого, съ веселымъ видомъ направился къ окошку княгини, но едва онъ приблизилъ свою голову, какъ получилъ пару пощечинъ съ словеснымъ добавленіемъ:

— Ахъ ты, басурманъ этакій, да какъ ты смѣешь въ поповскія ризы рядиться, вотъ я тебѣ!..—поди сейчасъ же сними.

Францъ Христіановичъ, пораженный такимъ неожиданнымъ пріемомъ, поспѣшилъ ретироваться со своей прогулки на солнцѣ, къ великому удовольствію молодого князя, заливавшагося смѣхомъ. Долго попрекала старушка Франца, какъ она его называла, за его кощунственный, по ея мнѣнію, поступокъ.

Отъ Голицыныхъ Мейеръ поступилъ къ моему дѣду и тутъ-то началась его широкая разносторонняя дѣятельность, которую онъ тѣмъ легче могъ проявить, что находилъ полное сочувствіе и поддержку какъ со стороны дѣда, такъ равно и его брата и совладѣльца Ивана Васильевича.

Мейеръ зналъ прекрасно механику, сельское хозяйство, садоводство и огородничество, онъ хорошо чертилъ и рисовалъ. Въ Моховской библіотекѣ до сихъ поръ сохраняется рисованный имъ атласъ полевыхъ растеній, встрѣчающихся въ Новосильскомъ уѣздѣ, съ ихъ ботаническими названіями.

Слѣдя постоянно за тѣмъ, что дѣлалось на Западѣ, онъ много читалъ, собралъ большую библіотеку и оставилъ нѣсколько написанныхъ имъ научныхъ работъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, основаннаго Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, отцомъ усмирителя возстанія въ литовскихъ губерніяхъ. Спеціальныя занятія по сельскому хозяйству не мѣшали Мейеру интересоваться искусствомъ и литературою. Шиллеръ и Гете были его настольными книгами. Онъ пріобрѣталъ англійскія гравюры и былъ большимъ поклонникомъ Гогарда. Жилъ онъ въ началѣ парка въ отдѣльномъ построеннымъ для него домѣ, при которомъ имѣ-

лись всѣ хозяйственныя постройки: баня, ледникъ, погребъ и огороды. Я очень любилъ заходить къ нему съ отцомъ. Въ его комнатахъ было много интереснаго: тамъ стояли разные станки и верстаки, а также всевозможныя модели разныхъ сельскохозяйственныхъ построекъ, машинъ и орудій въ маленькомъ видѣ. На окнахъ сушились всевозможныя сѣмена, а на столахъ и стульяхъ лежали большіе фоліанты съ рисунками различныхъ древесныхъ породъ и кустарниковъ. Стѣны въ комнатахъ были уставлены полками съ книгами. Мейеръ любилъ животныхъ и у него постоянно въ домѣ бывали собачки и кошки, которыхъ онъ въ свободныя минуты обучалъ разнымъ фокусамъ.

Когда я бывалъ у него, онъ всегда призывалъ своихъ четвероногихъ воспитанниковъ и заставлялъ ихъ показывать свое искусство. Собачки весело подбрехивали, прыгали на заднихъ лапкахъ, перескакивали черезъ палку и проскакивали черезъ небольшой обручъ. Кошка тоже умѣла служить и ходить на заднихъ лапкахъ и мирно жила съ собаками. Меня Мейеръ баловалъ, дѣлая мнѣ разныя игрушки.

Когда мы пріѣхали въ Моховое послѣ Крымской войны, онъ подарилъ мнѣ нарисованный имъ въ натуральную величину портретъ генерала Пелисье, который ворочалъ глазами.

Не знаю насколько мой Пелисье былъ похожъ на настоящаго, но видъ онъ имѣлъ внушительный, въ особенности когда крутилъ глазами.

Мейеръ, проживъ у насъ болѣе 40 лѣтъ, у насъ же и скончался; онъ похороненъ въ оградѣ Моховской церкви, съ правой стороны, подъ большимъ деревомъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей: дочерей и сына, но подъ старость лѣтъ, когда всѣ его дѣти были уже взрослыми, а дочери замужемъ, онъ разошелся съ женой, какъ онъ говорилъ: «изъ-за куска мыла», и потомъ жилъ одинъ. Изъ его семьи я помню его сына, служившаго штатнымъ смотрителемъ какого-то уѣзднаго училища. Никто изъ его дѣтей не унаслѣдовалъ отъ него ни его ума, ни его талантливости.

Всегда бодрый и веселый, онъ вносилъ оживленіе повсюду, гдѣ только появлялся. По праздникамъ и каждое воскресенье онъ обѣдалъ у насъ, и обѣды эти проходили особенно весело, благодаря его разсказамъ и неисчерпаемому запасу анекдотовъ, которые онъ умѣлъ передавать съ особеннымъ юморомъ.

По воскресеньямъ пріѣзжалъ къ обѣду и завѣдующій коннымъ заводомъ въ сосѣднемъ съ Моховымъ другимъ нашимъ имѣніемъ, Паньковымъ, англичанинъ Егоръ Ивановичъ Гипсенъ.

Это былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый и полный, съ гладко выбритымъ, лоснящимся, словно лакированнымъ,

лицомъ и коротко остриженными волосами, онъ былъ мало разговорчивъ, но обладалъ прекраснымъ аппетитомъ.

Францъ Христіановичъ не любилъ Гипсена и никогда не садился рядомъ съ нимъ за столомъ, увѣряя, что онъ чавкаетъ при ѣдѣ, какъ свинья, и тѣмъ лишаетъ его аппетита.

Въ описываемое мною время Мейеру было уже за 80 лѣтъ и онъ вскорѣ умеръ отъ старческой гангрены.

Къ этому же времени относятся наши ежегоднія торжественныя поѣздки въ Паньково, остатокъ прежнихъ барскихъ традицій. Поѣздки эти совершались слѣдующимъ образомъ: туда отправлялись впередъ слуги съ провизіей и посудой и заказывали къ нашему пріѣзду обѣдню съ панихидой по погребеннымъ въ Паньковской церкви предкамъ.

Въ назначенный для отъѣзда день вставали раньше обыкновеннаго, пили раньше чай и затѣмъ въ нѣсколькихъ экипажахъ отправлялись въ путь. Пріѣхавъ въ Паньково, прежде всего, заходили въ церковь, гдѣ уже насъ ожидалъ Гипсенъ и священникъ, отецъ Петръ, добродушный, скромный человѣкъ, всегда краснѣвшій и конфузившійся, когда съ нимъ заговаривалъ мой дѣдъ или отецъ. Отстоявъ обѣдню и панихиду, мы отправлялись въ экономію, къ дому Гипсена, откуда, отдохнувъ немного, шли въ манежъ конскаго завода, въ передней части котораго была устроена на возвышеніи ложа, въ ней къ нашему пріѣзду ставились кресла и стулья и украшали ее коврами. Устроивъ насъ въ ложѣ, Гипсенъ спускался въ манежъ и становился внизу около ложи. По данному имъ знаку начиналась выводка лошадей. Сначала выводили жеребцовъ заводчиковъ, затѣмъ матокъ, за ними молодежь, взятую уже для выѣздки. Егоръ Ивановичъ и старшій конюхъ разсказывали при этомъ родословную каждой лошади, сообщали ея лѣта, и если это была кобыла, то какимъ жеребцомъ она была крыта. Послѣ этого осмотра находящихся на конюшенномъ содержаніи лошадей, ходили смотрѣть жеребятъ, загоняемыхъ для этого на какой-нибудь дворъ или на загороженный пригонъ за коннымъ дворомъ. Осмотръ конскаго завода занималъ обыкновенно нѣсколько часовъ времени, послѣ чего шли въ старинный Паньковскій садъ, гдѣ на островѣ среди небольшого пруда былъ приготовленъ обѣдъ, стояли накрытые столы и около корзинъ съ провизіей и посудой хлопотали слуги. Пообѣдавъ и погулявъ по саду, мы пускались въ обратный путь.

Иногда устраивались пикники гдѣ-нибудь въ лѣсахъ, а иногда катанья на плоскодонныхъ плашкотахъ на рѣкѣ.

Для этихъ катаній плашкоты убирались коврами и зеленью.

Мы, дѣти, очень любили эти почти всегда неожиданныя для насъ parties de plaisir.

Поѣдемъ, бывало, послѣ обѣда кататься въ нѣсколькихъ экипажахъ и вотъ вдругъ на какой-нибудь лѣсной полянѣ увидимъ разложенные ковры, а посрединѣ на бѣлой скатерти самоваръ, фрукты, печенья, разныя сладости и неизмѣннаго въ этихъ случаяхъ буфетчика Илью Сикритыча, съ его помощниками. Илья Сикритычъ былъ въ своемъ родѣ интересный типъ. Отецъ его, родомъ венгерецъ, служилъ кучеромъ еще у моего прадѣда. Въ Екатерининское время была мода на кучеровъ венгерцовъ, умѣвшихъ важно возсѣдать въ напудренныхъ парикахъ и въ расшитыхъ галунами камзолахъ на высокихъ козлахъ барскихъ колымагъ, украшенныхъ особыми покрывалами съ большими кистями и бахромой.

Плѣнившись одною изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, онъ женился на ней и тѣмъ самымъ навсегда связалъ себя съ Россіей. Отъ этого брака у него было три сына и нѣсколько дочерей. Старшій его сынъ, Иванъ Сикритычъ, былъ женатъ на племянницѣ моей няни, Аннушкѣ, горничной моей матери, а самъ служилъ камердинеромъ моего отца. Онъ представлялъ собою полную противоположность со своимъ братомъ Ильей; всегда веселый и очень добродушный, онъ никогда не сердился и не ворчалъ. Я его очень любилъ, въ особенности меня связывала съ нимъ наша общая страсть къ животнымъ. Онъ былъ большимъ любителемъ собакъ и птицъ, которыхъ не только постоянно держалъ въ своей комнатѣ, но дарилъ и мнѣ. Въ особенности памятны мнѣ чижики, которыхъ онъ подарилъ мнѣ нѣсколько штукъ. Они скоро становились ручными и летали въ дѣтской на свободѣ, но благодаря этому и кончали жизнь часто трагически къ моему великому огорченію.

Одинъ изъ нихъ какъ-то утонулъ въ лоханкѣ съ водой, другихъ же въ концѣ-концовъ съѣла кошка.

Мой отецъ очень любилъ шотландскихъ терьеровъ и они не переводились у насъ въ домѣ, забота о нихъ лежала на обязанности Ивана Сикритыча, который ихъ кормилъ, купалъ и когда мы бывали въ городѣ, то и водилъ гулять. Одно изъ любимыхъ нашихъ съ нимъ удовольствій было устраивать травлю крысъ или мышей. Когда Ивану удавалось поймать въ мышеловку здоровую крысу, (за которыми онъ усердно охотился и въ которыхъ недостатка не было ни въ старомъ Моховскомъ домѣ, ни въ тогдашнихъ городскихъ квартирахъ), онъ непремѣнно сообщалъ мнѣ объ этомъ и я бѣжалъ смотрѣть, какъ наша любимица Недли будетъ ее ловить. Для этого мы въ деревнѣ отправлялись на террасу дома, а въ городѣ или во дворъ, или въ буфетную.

Недли очень любила и самостоятельно охотиться на крысъ и мышей, въ особенности полевыхъ, которыхъ она вырывала изъ ихъ норокъ. Я помню, какъ Иванъ однажды, со слезами на глазахъ, сообщилъ мнѣ о кончинѣ Недли, утонувшей въ помойной ямѣ, куда вѣроятно она попала, увлекшись охотой за крысами, приходившими по ночамъ лакомиться всякими объѣдками около этой ямы.

Иванъ Сикритычъ кончилъ свою жизнь отчасти вслѣдствіе своей любви къ животнымъ: будучи сильно боленъ, онъ услыхалъ ночью, что во дворѣ въ неурочное время, кудахтаютъ и волнуются куры; думая, что къ нимъ забрался хорекъ, вскочилъ съ постели и, невзирая на бывшій у него жаръ, полуодѣтый выскочилъ на дворъ. Это было въ началѣ весны, стояла еще очень свѣжая и сырая погода. Найдя на дворѣ курятникъ открытымъ и куръ выпущенными, онъ сталъ загонять ихъ и конечно еще больше простудился и скончался черезъ нѣсколько дней. Это былъ одинъ изъ тѣхъ хорошихъ, простыхъ людей, которые сохраняютъ до старости дѣтски чистую душу и безконечную доброту.

Не таковъ былъ его братъ, Илья Сикритычъ, котораго кто-то изъ знакомыхъ очень мѣтко прозвалъ «le proconsul du buffet». Онъ дѣйствительно своимъ деспотическимъ характеромъ напоминалъ римскаго проконсула.

Находясь въ молодыхъ годахъ въ обученіи у камердинера дѣдушки, Петра Вительича, обращавшагося съ нимъ весьма сурово и жестоко, онъ самъ ожесточился и характеромъ сталъ напоминать своего учителя. Насъ, дѣтей, онъ часто пробиралъ, при чемъ проборки эти постоянно начинались словами: «Это сударь, или сударыня, къ стыду вашему относится, сейчасъ пойду доложу Сарѣ Ивановнѣ» или: «очень хорошо вы дѣлаете, такъ-то всегда хорошіе господа поступаютъ, вотъ я все генералу разскажу».

Доставалось намъ больше отъ него за то, что когда онъ, бывало, накроетъ столъ къ обѣду или ужину, мы съ Линочкой или Колей Кротковыми что-нибудь стащимъ со стола, не дожидаясь прихода взрослыхъ, или кусокъ хлѣба, или, если это бывало вечеромъ, немного ягодъ. Не успѣемъ мы бывало отскочить отъ стола, какъ дверь въ преднюю пріоткрывается и оттуда показывается поднятая вверхъ рука Ильи Сикритыча, съ грозящимъ указательнымъ пальцемъ и слышатся слова: «Хорошо, хорошо, сударь, вы дѣлаете, все разскажу... такъ всегда господа поступаютъ, вѣдь это къ стыду вашему относится...», послѣ чего дверь грозно захлопывалась, а мы спѣшили убраться. Эту руку Сикритыча съ грозящимъ перстомъ мы сравнивали съ рукой, явившейся во время пира Вальтассару и написавшей на стѣнѣ дворца зло-

вѣщія слова: такою же казалось намъ неожиданно появляющаяся десница проконсула, который, очевидно зная наши проказы, подкарауливалъ насъ за дверьми. Впрочемъ, я не помню, чтобы онъ когда-либо привелъ свою угрозу въ исполненіе и пожаловался на насъ.

Большой антагонизмъ существовалъ между Сикритычемъ и дѣвичьей. Онъ въ особенности обострился послѣ того, какъ его сватовство къ одной изъ горничныхъ было отвергнуто послѣдней. Послѣ этого отказа Сикритычъ всталъ уже въ явно враждебныя отношенія не только къ непосредственной виновницѣ понесеннаго имъ афронта, но и ко всему женскому персоналу дѣвичьей, такъ что послѣдній частенько являлся съ жалобами къ моей матери на тѣ оскорбленія и дерзкія выходки, которыя позволялъ себѣ по отношенію къ нимъ бѣдовый проконсулъ, онъ даже моей матери отвѣчалъ иногда очень рѣзко и вызывающе. Непрерывная вражда и его выходки противъ женской прислуги до нѣкоторой степени прекратились только послѣ того, какъ онъ повѣнчался съ одной новосильской мѣщанкой.

Но кто больше всего выводилъ проконсула изъ себя и приводилъ его въ неистовый гнѣвъ, такъ это заходившіе въ усадьбу и на барскій дворъ проѣзжіе цыгане и цыганки. Цыганки, видя стремительно выскакивающаго на нихъ изъ дома Сикритыча, начинали съ того, что старались его задобрить, говоря ему, что онъ счастливый, будетъ богатъ, и предлагая ему погадать, но онъ, не слушая ихъ сладкихъ рѣчей, гналъ ихъ прочь, жестикулируя первымъ попавшимся подъ руку оружіемъ, въ видѣ лопаты, кочерги или метлы, называя ихъ при этомъ: «гадинами и фараоновымъ племенемъ». Негодуя на такой неистовый пріемъ, цыганки, тѣмъ не менѣе, поспѣшно уходили, демонстративно размахивая руками, словно крыльями подъ своими большими платками и предсказывая ему всякія несчастья и скорую смерть, но Сикритычъ былъ выше всякихъ суевѣрій и предразсудковъ и не придавалъ никакого значенія предсказаніямъ этихъ гадинъ, какъ онъ ихъ называлъ.

Не менѣе изобилующія всякими эпитетами стычки происходили у него и съ ямщиками на почтовыхъ станціяхъ во время нашихъ поѣздокъ изъ Мохового въ Москву.

Отецъ его дожилъ до глубокой старости, ему было 105 лѣтъ, когда онъ умеръ; послѣдніе годы своей жизни онъ совсѣмъ ослѣпъ, его иногда приводили къ намъ въ домъ, принимала его обыкновенно няня Марѳа Никаноровна въ дѣвичьей, гдѣ его усаживали на стулъ и, угощали чаемъ съ булками и вареньемъ. Это былъ высокій сгорбленный старикъ съ поразительно бѣлымъ лицомъ

и совершенно бѣлыми волосами и такой же бѣлой бородой. Одеждой ему служилъ ваточный халатъ, одѣтый прямо на бѣлье. Въ немъ меня особенно поражала эта бѣлизна.

Въ это время изъ сосѣдей бывалъ у насъ Писаревъ. Въ описываемое мною время Дмитрій Ивановичъ Писаревъ былъ еще студентомъ, а сестры его совсѣмъ молодыми дѣвицами, изъ нихъ Екатерина Ивановна была даже еще только подросткомъ.

Иногда Дмитрій Ивановичъ съ Вѣрой Ивановной и съ ихъ кузиной, Раисой, пріѣзжали къ намъ верхомъ. Впослѣдствіи между Дмитріемъ Ивановичемъ и этой Раисой завязался романъ: онъ влюбился въ Раису, но та, кажется обнадеживъ его, вышла замужъ за другого, это сильно подѣйствовало на молодого Писарева, устроившаго своему сопернику на какой-то желѣзнодорожней станціи большую сцену ревности.

Въ это же время пріѣхалъ въ свое имѣніе, Чебышовку, находящееся рядомъ съ Моховымъ, молодой помѣщикъ Федоръ Николаевичъ Бордуковъ. Это былъ красивый, статный гвардейскій офицеръ, который иногда пріѣзжалъ къ обѣднѣ въ нашу Моховскую церковь, съ лакеемъ негромъ, предметомъ удивленія и соблазна для Моховскихъ мужиковъ и бабъ, которые, вмѣсто того чтобъ молиться, все время глазѣли и дивились на арапа.

Однимъ изъ памятныхъ событій этого времени былъ пріѣздъ въ Моховое тульскаго архіерея Алексія. Это былъ рослый и полный мужчина, съ румянымъ, дышащимъ здоровьемъ красивымъ лицомъ, съ окладистой темной бородой и бѣлыми выхоленными руками, въ одной ихъ которыхъ онъ постоянно перебиралъ четки. Одѣтъ онъ былъ въ нарядную муарантиковую рясу, а на шеѣ имѣлъ красивую панагію, усыпанную драгоцѣнными каменьями; съ нимъ пріѣхала цѣлая свита. Къ его пріѣзду съѣхалось въ Моховое много священниковъ, и меня очень удивляло, что они, завидя архіерея, становились передъ нимъ на колѣни даже среди двора. Обычай этотъ, теперь отмѣненный, въ описываемое мною время былъ еще въ полной силѣ, равнымъ образомъ никто изъ священниковъ не садился передъ нимъ, даже когда онъ имъ это разрѣшалъ или приказывалъ. Онъ пробылъ у насъ болѣе сутокъ. Ему такъ понравились великолѣпные овощи, которыми его угощали, что послѣ обѣда онъ попросилъ дѣдушку Ивана Васильевича показать ему садъ и огородъ, и дѣдушка самъ пошелъ съ нимъ. Когда онъ сидѣлъ потомъ въ гостиной, къ нему приходили священники, которые при входѣ клали передъ нимъ земные поклоны и со смиреннымъ видомъ становились поодаль у дверей. Приходилъ и нашъ Моховской священникъ, старикъ о. Іоаннъ Алферьевъ, и тоже кланялся архіерею въ ноги.

Поговоривъ съ нимъ Алексій, приказалъ о. Іоанну сѣсть, но тотъ не сѣлъ, а также, какъ и остальные священники, отошелъ въ сторону и всталъ около дверей съ почтительнымъ видомъ, а Алексій, которому очевидно нравилось это смиреніе, обратясь съ веселой улыбкой къ дѣдушкѣ сказалъ:—«Вотъ, ваше превосходительство, какой у васъ непослушный попъ и архіерея даже не хочетъ слушать».—Тѣмъ не менѣе, было видно, что почтительная скромность о. Іоанна вмѣнялась ему въ заслугу.

На монаха Алексій совсѣмъ не походилъ, своей здоровой и жизнерадостной наружностью онъ скорѣе напоминалъ старорусскаго боярина временъ московскихъ царей, чѣмъ отрекшагося отъ радостей міра инока, да кажется и на дѣлѣ это было такъ и онъ умѣлъ цѣнить не только хорошія овощи и вкусно приготовленный обѣдъ, но и женскія прелести, за что и былъ потомъ переведенъ въ Симферополь.

Дѣдушка Иванъ Васильевичъ былъ человѣкомъ очень набожнымъ и равно, какъ и мой отецъ, много дѣлалъ для нашихъ двухъ церквей: Паньковской, выстроенной еще прадѣдомъ Іосифомъ Федоровичемъ и Моховской, построенной дѣдомъ и его братомъ Николаемъ Васильевичемъ, отцомъ моего отца. Бывая каждый праздничный день у обѣдни, Иванъ Васильевичъ всегда становился рядомъ съ клиросомъ, на которомъ помѣщались пѣвчіе и дьячки, и строго слѣдилъ за правильностью богослуженія и церковнаго пѣнія. Церковный причтъ въ тѣ времена состоялъ кромѣ священника и дьякона еще изъ дьячка и пономаря. Моховской пономарь любилъ выпивать и ему вѣроятно съ похмелья случалось путаться во время службы, начиная невпопадъ пѣть или читать не то, что слѣдуетъ. Тогда дѣдушка, знавшій хорошо службу, сейчасъ же его останавливалъ, толкая въ бокъ своей палкой. Въ храмовые праздники служба совершалась съ особенной торжественностью: въ эти дни пріѣзжали къ отцу Іоанну сосѣдніе священники со своими дьяконами и служили соборно всѣ вмѣстѣ, а по окончаніи службы приходили къ намъ въ домъ, гдѣ послѣ молебна ихъ угощали пирогами, виноградным виномъ и чаемъ: священниковъ и дьяконовъ въ столовой, а дьячковъ и пономарей въ буфетѣ, послѣднимъ подносилась тамъ и водка.

Въ эти дни послѣ обѣдни происходило на площади передъ церковью и угощеніе крестьянъ. На длинныхъ столахъ, устроенныхъ изъ настланныхъ на деревянные козлы досокъ, становились миски съ пирогами, варенымъ мясомъ, разными пряниками и баранками, а также боченки съ водкой и брагой, которую тогда варили еще дома. Угощеніемъ завѣдывали бурмистръ, старосты, главный конторщикъ съ писарями и ключникъ. Крестьяне чинно

подходили къ столамъ, выпивали полагающіяся порціи водки или браги, закусывали мясомъ и пирогами и, раскланявшись съ бурмистромъ и старшимъ конторщикомъ, отходили въ сторону. За мужиками подходили къ столамъ женщины и ребятишки. Бабы тоже выпивали порцію водки, при чемъ поили ею и дѣтей, давая даже маленькимъ ребятамъ, которыхъ держали на рукахъ, не взирая на дѣлаемыя ими гримасы, «для того, чтобы пріучить ихъ», какъ онѣ говорили. Бабамъ и ребятамъ, кромѣ мяса и пироговъ, раздавали еще и сладости, пряники, баранки и орѣхи, при чемъ угощавшее ихъ начальство въ лицѣ бурмистра, старостъ и конторщиковъ, не пропускало случая побалагурить съ ними и выразить нѣкоторымъ изъ нихъ свое особое благоволеніе. Мужики пили и закусывали степенно, бабы же и дѣвки громко болтали, пересмѣивались съ угощавшими, оставаясь дольше мужчинъ около столовъ и уходили, затянувъ какую-нибудь пѣсню съ лихимъ присвистомъ, и съ особаго рода аккомпанементомъ на губахъ. Это угощеніе крестьянъ совершалось еще нѣсколько лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права и прекратилось, сколько мнѣ помнится, только въ началѣ 70-хъ годовъ.

Незамѣтно пролетѣли года ранняго дѣтства и подошла пора начала серьезнаго ученія, къ которому я совершенно не былъ подготовленъ.

До начала ученія съ учителями, я учился «понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь», съ матерью, съ Анной Карловной, и съ отцомъ, но съ послѣднимъ занятія были урывками, такъ какъ онъ часто бывалъ или занятъ, или въ разъѣздахъ.

Первымъ моимъ учителемъ былъ Петръ Алексѣевичъ Григорьевъ, очень симпатичный молодой человѣкъ, студентъ Петербургскаго университета, удаленный изъ него вслѣдствіе начавшихся уже тогда студенческихъ безпорядковъ. Къ сожалѣнію Петръ Алексѣевичъ оставался у насъ очень недолго. Черезъ годъ онъ рѣшилъ ѣхать кончать свое образованіе въ Гейдельбергскій университетъ; окончивъ тамъ, онъ вернулся въ Россію, сдалъ надлежащіе экзамены и получилъ мѣсто адъюнктъ-профессора химіи въ открывшейся 17 ноября 1865 года Петровской Земледѣльческой Академіи подъ Москвой.

Затѣмъ поступилъ къ намъ Дмитрій Васильевичъ Аверкіевъ, извѣстный потомъ литераторъ и драматургъ, пробывшій у насъ

всего только нѣсколько мѣсяцевъ. Въ его уходѣ отъ насъ отчасти виноватъ былъ я. Онъ поступилъ къ намъ весной, когда мы были еще въ Москвѣ и уѣхалъ съ нами въ деревню; здѣсь при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ оказалось, что многіе его взгляды и манеры шокировали мою мать и Анну Карловну, которая еще была у насъ при моемъ братѣ. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ свои взгляды, но тогда, какъ большинство молодежи того времени, не былъ чуждъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ идей.

Однажды я не исполнилъ какого-то приказанія Анны Карловны и миссъ Джонсъ, а не послушался я ихъ потому, что Дмитрій Васильевичъ сказалъ мнѣ, что это пустяки и что нечего слушать женщинъ. Въ этотъ же злополучный день произошелъ еще другой случай: мы пошли купаться въ купальню, я тогда еще не умѣлъ плавать, а чанъ въ купальнѣ былъ настолько глубокъ, что я не доставалъ до его дна ногами, а потому, когда онъ бывалъ полонъ, я боялся купаться и барахтался въ водѣ, держась за лѣстницу, которая вела въ воду. Въ этотъ день я хотѣлъ продѣлать то же самое, но Дмитрій Васильевичъ заявилъ, что я долженъ научиться плавать, и толкнулъ меня отъ лѣстницы прямо въ середину чана. Я очень перепугался и чуть было не захлебнулся. Выбравшись кое-какъ изъ чана, я рѣшилъ пожаловаться матери. Вернувшись домой, я засталъ цѣлую грозу, которая готовилась разразиться надо мной: мое ослушаніе Аннѣ Карловнѣ и Сарѣ Ивановнѣ дошло до свѣдѣнія матери и дѣло приняло настолько серьезный оборотъ, что было рѣшено меня высѣчь. Когда я былъ призванъ къ отвѣту и увидѣлъ, что мое дѣло плохо, я, не задумываясь, свалилъ всю вину на Аверкіева, заявивъ, что это онъ сказалъ мнѣ не слушаться Анны Карловны и миссъ Джонсъ и кстати же разсказалъ какъ онъ меня нынче при купаніи чуть не утопилъ, столкнувъ меня въ наполненный доверху чанъ. Сообщеніе мое о посягательствѣ Аверкіева на авторитетъ дамскаго персонала, возымѣло свое дѣйствіе: предназначавшаяся мнѣ экзекуція была отмѣнена и гроза, висѣвшая надъ моей головой, перемѣнила свое направленіе и не замедлила разразиться надъ Дмитріемъ Васильевичемъ.

Хотя мы пришли съ купанья почти передъ самымъ обѣдомъ, тѣмъ не менѣе объясненіе между Аверкіевымъ и моей матерью успѣло состояться до обѣда. Что именно было говорено между ними—не знаю, но, вѣроятно, главнымъ рѣшающимъ пунктомъ конфликта былъ задѣтый Аверкіевымъ женскій авторитетъ. Въ результатѣ получилось, что Дмитрій Васильевичъ не вышелъ къ обѣду и на слѣдующій день уѣхалъ отъ насъ, чему въ душѣ я былъ очень радъ, имѣя въ перспективѣ провести цѣлое лѣто

безъ учителя, такъ какъ отлично зналъ, что достать такового въ деревнѣ не такъ-то легко, и, дѣйствительно, я не ошибся въ расчетахъ: слѣдующій учитель Василій Ивановичъ Шемякинъ пріѣхалъ къ намъ только осенью. Онъ тоже не только былъ исключенъ изъ Петербургскаго университета, вслѣдствіе бывшихъ безпорядковъ, но былъ даже высланъ изъ Петербурга и находился подъ надзоромъ полиціи.

Это, впрочемъ, не помѣшало Шемякину поступить черезъ нѣкоторое время на государственную службу, стать близкимъ лицомъ къ Побѣдоносцеву, дослужиться до генеральскихъ чиновъ, жениться на родственницѣ о. Іоанна Кронштадтскаго, стать членомъ Русскаго собранія и занять мѣсто главнаго завѣдующаго церковно-приходскими школами. Вотъ какъ время мѣняетъ людей.

Съ поступленіемъ къ намъ Шемякина для меня начался совершенно новый періодъ жизни. Его пребываніе у насъ совпало для меня съ тою важной въ жизни человѣка эпохой какъ въ психическомъ, такъ и физіологическомъ отношеніи, когда мальчикъ изъ ребенка становится отрокомъ, а затѣмъ юношей. Времени пребыванія у насъ Шемякина я обязанъ и многому хорошему, но и многому дурному. Я потому говорю «времени его пребыванія», а не лично Шемякину, что онъ, какъ личность, мало вліялъ на меня. Это былъ человѣкъ невыдержанный и желчный, онъ не умѣлъ ни развить во мнѣ любви къ ученію, ни заложить въ моемъ духовномъ мірѣ тѣхъ твердыхъ началъ, которыя дали бы мнѣ возможность строить на нихъ мою дальнѣйшую жизнь и которыя могли бы служить мнѣ путеводнымъ маякомъ среди будущихъ житейскихъ бурь.

Не принимая во вниманіе моего предшествовавшаго ученія à bâtons rompus, Василій Ивановичъ сразу, что называется, насѣлъ на меня. За уроками онъ кричалъ, бранился, жаловался матери и для того, чтобы заставить меня лучше учиться, сталъ меня запирать по цѣлымъ днямъ въ занимаемыхъ мною съ нимъ комнатахъ, образной и портретной; такое своего рода одиночное заключеніе примѣнялось имъ въ отношеніи меня и въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ какъ на прогулку съ нимъ, меня никуда не выпускали: я цѣлыми мѣсяцами не видѣлъ ни моихъ родителей, ни брата. Мнѣ приносили отдѣльно въ нашу комнату чай, затѣмъ обѣдъ и вечеромъ вновь чай. Самъ Шемякинъ со мной не сидѣлъ.

Благодаря такому методу воспитанія, я былъ отдаленъ отъ родителей и иныхъ лицъ своего круга и наоборотъ сближался съ лакейской и дѣвичьей, гдѣ искалъ утѣшенія въ моемъ печальномъ положеніи. Это тѣмъ болѣе было для меня удобно, что въ нашей

московской квартирѣ буфетъ и дѣвичья были рядомъ съ нашими комнатами. Старушка няня, лакеи, нашъ поваръ Степанъ и старушка прачка Александра Николаевна были въ тѣ тяжелые дни шемякинскаго ига моими истинными друзьями. Марѳа Никаноровна услаждала мое заключеніе разными лакомствами, поваръ Степанъ, приходившій по вечерамъ посидѣть въ буфетной и поиграть тамъ въ шашки, разсказывалъ всевозможныя городскія новости, слышанныя имъ утромъ въ лавкахъ, а черезъ домашнюю прислугу я зналъ все, что дѣлается у насъ дома: кто у насъ былъ изъ гостей и куда ѣздили мои мать и отецъ. Бывало, какъ только Василій Ивановичъ куда-нибудь уйдетъ, что случалось очень часто, я сейчасъ же отправляюсь въ буфетную или къ нянѣ и вмѣсто того, чтобы рѣшать скучнѣйшія задачи или писать латинскіе переводы, проводилъ время въ интересной для меня бесѣдѣ съ простодушными и добрыми людьми, узнавая разныя новости или разговаривая съ ними о деревнѣ и быломъ житьѣ-бытьѣ.

Временемъ моего заточенія я пользовался также для чтенія многихъ книгъ, въ томъ числѣ и такихъ, которыя мнѣ читать не разрѣшалось. Этимъ, впрочемъ, я занимался больше въ Моховомъ, имѣя тамъ подъ рукой большую библіотеку, изъ которой и бралъ книги, припрятывая ихъ въ потайномъ ящикѣ стариннаго письменнаго стола, стоящаго въ портретной, за которымъ я обыкновенно и занимался. Благодаря созданному Шемякинымъ режиму, я такъ ловко научился его обманывать, что за всю многолѣтнюю его бытность у насъ, онъ ни разу не поймалъ меня. Такимъ образомъ я прочелъ большинство романовъ Вальтеръ-Скотта, Купера, «Декамеронъ» Бокаччіо и разсказы Поль де-Кока.

Надо замѣтить, что я не ко всѣмъ научнымъ предметамъ относился одинаково враждебно. Не любилъ я, главнымъ образомъ, классическихъ языковъ, математики и русской грамматики,— естественными же науками, географіей и исторіей занимался всегда охотно и съ большимъ интересомъ.

Шемякинъ пробылъ у насъ три или четыре года, я его откровенно не любилъ и въ душѣ называлъ ужаснымъ человѣкомъ, при чемъ почему-то названіе это всегда давалъ ему по-французски: cet homme terrible! Онъ подготовлялъ меня въ пятый классъ гимназіи, но въ пятый классъ я не попалъ, а поступилъ въ четвертый классъ 4-й же Московской гимназіи на Покровкѣ. Съ моимъ поступленіемъ въ гимназію окончилась и педагогическая дѣятельность у насъ Василія Ивановича, вскорѣ уѣхавшаго отъ насъ. Не любя его, я всегда радовался, когда онъ попадалъ впросакъ. Помню какъ разъ въ первое время его поступленія къ намъ,

онъ пошелъ осматривать со мной Кремль. Побывавъ около Царь-Пушки и осмотрѣвъ Царь-Колоколъ, мы направились къ Спасскимъ воротамъ, чтобы выйти на Красную площадь къ Василію Блаженному. Проходя подъ этими воротами, всѣ должны были снимать шапки, а кто не исполнялъ этого обычая, того стоящій на караулѣ солдатъ безъ церемоніи хваталъ за воротъ и заставлялъ, ставъ на колѣни, класть извѣстное число, назначенное начальствомъ, земныхъ поклоновъ. Даже проѣзжавщихъ на лошадяхъ останавливали, заставляя выходить изъ экипажа и класть поклоны.

По своему обыкновенію Шемякинъ шагалъ впереди меня и, такъ какъ мысли его всегда гдѣ-то витали, то онъ, конечно, не снимая шапки, прошелъ ворота, не обративъ даже вниманія на предупрежденіе какой-то встрѣчной старушки, крикнувшей ему: «Чего шапку-то не снимаешь, грѣхъ тебѣ будетъ!» Идя за нимъ и хорошо зная этотъ московскій обычай, я снялъ шапку и не безъ злорадства ждалъ, что будетъ дальше. Не успѣлъ мой менторъ выйти со своимъ важнымъ видомъ изъ-подъ воротъ, какъ стоящій около нихъ часовой, сбивъ съ его головы шапку, схватилъ его безъ дальнѣйшихъ церемоній за шиворотъ и грознымъ голосомъ повелѣлъ стать на колѣни и класть поклоны.

Это происходило подъ весну и на улицахъ былъ уже не снѣгъ, а разъѣзженная грязь, перемѣшанная со снѣгомъ. Василій Ивановичъ совершенно растерялся, а я въ душѣ ликовалъ, видя такое униженіе моего мучителя, какимъ я его считалъ. Послѣ довольно долгихъ переговоровъ, въ продолженіе которыхъ солдатъ не выпускалъ изъ рукъ его ворота, наконецъ, вѣроятно благодаря данному Василіемъ Ивановичемъ выкупу, онъ отпустилъ его.

Консерваторами и правыми мои родители никогда не были, ихъ скорѣе можно было назвать прогрессистами. Свободомысліе коснулось меня, проникнувъ, если можно такъ выразиться, прямо черезъ воздухъ, которымъ я дышалъ. Когда извѣстнаго рода идеи начинаютъ развиваться въ массахъ, остановить это развитіе бываетъ невозможно, ибо распространеніе ихъ идетъ стихійно. Это своего рода токъ безпроволочнаго телеграфа, отражающійся на мозгу черезъ пространство.

Этотъ свободолюбивый духъ и заставилъ меня сразу не взлюбить гимназію, съ ея казенщиной и, главное, съ какимъ-то начавшимся тогда полицейски-сыскнымъ режимомъ, введеннымъ учрежденіемъ классныхъ наставниковъ, на обязанности которыхъ лежало не только слѣдить за воспитанниками въ стѣнахъ заве-

денія, но наблюдать за ихъ поведеніемъ на улицахъ и даже дома, а также слѣдить, чтобы они посѣщали по праздникамъ церкви.

Изъ учителей, о которыхъ я сохранилъ самое лучшее воспоминаніе были: Ипполитъ Николаевичъ Павловъ и французъ m-r Дюмушель. Павловъ былъ сыномъ извѣстнаго профессора Павлова. Мать его, урожденная Янишъ, была очень талантливая поэтесса и писательница. Ипполитъ Николаевичъ унаслѣдовалъ отъ родителей ихъ даровитость, но какъ это часто случается, будучи человѣкомъ богато одареннымъ и талантливымъ, онъ въ то же время былъ непрактиченъ и не умѣлъ воспользоваться своими дарованіями, почему и провелъ всю жизнь въ борьбѣ съ нуждой.

Какъ Павловъ, такъ равно и Дюмушель, составляли какъ бы исключеніе среди остальныхъ учителей. Они представляли собою живыхъ людей въ безжизненной чиновничьей средѣ и вѣроятно значительно превосходили среду эту какъ своимъ образованіемъ, такъ равно и своими этическими взглядами.

Занимаясь съ Павловымъ одно время русскимъ языкомъ и латынью, я сблизился съ нимъ и потомъ бывалъ у него, какъ знакомый. Въ это время посѣщалъ его и бывшій его ученикъ Нестеровъ, сынъ кавказскаго генерала, и еще одинъ гимназистъ послѣдняго класса Чернцовъ. Мы любили слушать разговоры Павлова о литературѣ, съ цитатами изъ авторовъ, и его декламацію стиховъ.

Теперь въ современномъ обществѣ любовь къ стихамъ какъ-то упала, но въ то время всѣ наши чувства искали выраженія въ стихахъ, музыка риѳмъ какъ бы дополняла воспринимаемыя впечатлѣнія. Познакомившись съ Нестеровымъ, веселымъ и остроумнымъ южаниномъ, я довольно часто вмѣсто того, чтобы итти въ гимназію, заходилъ къ нему. Онъ былъ студентъ и жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, и мы проводили съ нимъ время въ различныхъ интересныхъ разговорахъ и спорахъ. Вообще я долженъ сказать, что къ гимназическимъ моимъ занятіямъ я относился всегда очень недобросовѣстно, хотя и получалъ по большей части хорошія отмѣтки, благодаря всевозможнымъ ухищреніямъ, состоящимъ въ разнаго рода шпаргалкахъ, писавшихся на бумажкахъ, на широкихъ бортахъ оловянныхъ чернильницъ, вдѣланныхъ въ партахъ, а также на манжетахъ рукавовъ и на ладоняхъ рукъ. Духъ гимназіи былъ таковъ, что совершенно не располагалъ къ серьезному добросовѣстному ученію, а наоборотъ къ ничего недѣланью и къ всевозможнымъ выходкамъ, имѣющимъ цѣлью изводить учителей, это считалось своего рода удалью и героизмомъ.

На нѣкоторыхъ учителей были сочинены стихи, такъ на двухъ математиковъ Малинина и Буренина, изъ которыхъ первый былъ толстый и круглый, а второй худой, какъ скелетъ, было сочинено четверостишіе:

«Малининъ въ халатѣ
Равенъ Буренину въ квадратѣ,
А Малининъ въ шубѣ
Равняется Буренину въ кубѣ».

Когда же кто-то распространилъ слухъ, что у Буренина умерла любимая имъ женщина, то передъ его приходомъ въ классъ стали рисовать мѣломъ по стѣнамъ, на доскѣ и даже на его пюпитрѣ надгробные памятники.

Ходить на улицѣ въ штатскомъ платьѣ и курить папиросы считалось извѣстнаго рода шикомъ, и я очень часто этимъ занимался, при чемъ однажды, встрѣтившись съ инспекторомъ Флеровымъ, сдѣлалъ видъ, что его не знаю и нахальнѣйшимъ образомъ прошелъ мимо, не поклонившись ему, но «вербный херувимъ», какъ мы его называли, узналъ меня и на слѣдующій день въ гимназіи задалъ мнѣ здоровую гонку, объявивъ, что въ слѣдующій разъ отошлетъ меня въ гимназическій карцеръ съ городовымъ.

Не знаю, что бы сталось со мной, если бы я продолжалъ мои занятія въ гимназіи, но случай помогъ мнѣ ее покинуть. Заболѣвъ на второй годъ моего въ ней пребыванія, мнѣ пришлось довольно долго не посѣщать ея и, сидя дома, я занялся живописью и притомъ такъ успѣшно, что по совѣту моего учителя рисованія, Николая Васильевича Хотькова и сенатора Александра Ивановича Казначеева было рѣшено подготовить меня за лѣто въ Московскую школу живописи, ваянія и зодчества и, если осенью меня туда примутъ, то взять изъ гимназіи. Александръ Ивановичъ Казначеевъ, выведшій на артистическую карьеру Айвазовскаго и Лагоріо, служа тогда сенаторомъ въ Москвѣ, состоялъ предсѣдателемъ того художественнаго общества, которое открыло и содержало Московскую школу живописи, помѣщавшуюся тогда, какъ и теперь, въ своемъ домѣ на Мясницкой, противъ главнаго почтамта. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Казначеевъ возилъ меня въ эту школу на открытіе бывшей тамъ выставки, которую онъ, какъ предсѣдатель, показывалъ пріѣхавшему на открытіе князю Владимиру Андреевичу Долгорукову, тогдашнему московскому генералъ-губернатору, которому онъ меня представилъ, какъ своего племянника.

Это было въ первый разъ, что мнѣ пришлось быть на такомъ

оффиціальномъ пріемѣ и я помню, что вся обстановка его, блестящіе мундиры и ордена собравшихся произвели на меня сильное впечатлѣніе, и я, вѣроятно, болѣе разсматривалъ присутствующихъ московскихъ сановниковъ, чѣмъ картины, ибо рѣшительно не помню ни одной изъ нихъ, кромѣ большого образа Александра Невскаго, который тогда писалъ академикъ Мокрицкій, инспекторъ школы, и смотрѣть который всѣ ходили въ его мастерскую, помѣщавшуюся въ отдѣльномъ домѣ во дворѣ школьнаго зданія. Онъ былъ очень любезный человѣкъ и большой почитатель Карла Павловича Брюлова, о которомъ постоянно вспоминалъ и имя котораго то и дѣло произносилъ.

Другой профессоръ живописи Московской школы, Зарянко, извѣстный портретистъ, былъ тогда въ Петербургѣ, куда былъ вызванъ для писанія царскихъ портретовъ. Онъ былъ прекрасный рисовальщикъ и очень хорошій художникъ, работавшій чрезвычайно законченно. Его манера по своей необычайной законченности напоминала манеру нѣмецкаго художника Деннера, двѣ картины котораго, головы старушекъ, находятся въ нашемъ Эрмитажѣ. Зарянко почти исключительно писалъ портреты и перспективныя картины. Что касается Мокрицкаго, то послѣдній, какъ художникъ, былъ неважный и ограничивался писаніемъ преимущественно образовъ.

Остановлюсь здѣсь немного на моихъ воспоминаніяхъ о Казначеевѣ, этомъ добрѣйшемъ и милѣйшемъ человѣкѣ, сохранившемъ до глубокой старости юношескую отзывчивость ума и сердца. Онъ, равно какъ и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, былъ товарищемъ моего дѣда Ивана Васильевича. Они втроемъ совершали походы 12 и 14 гг. и остались друзьями до конца жизни, хотя по своей натурѣ и характерамъ были совершенно различными людьми. Болѣе выдержаннымъ и спокойнымъ между ними былъ мой дѣдъ. Казначеевъ же былъ наиболѣе увлекающимся изъ нихъ, пылкимъ и экспансивнымъ. Смолоду онъ очень любилъ прекрасный полъ и пользуясь заслуженной взаимностью съ честью служилъ Купидону и Кипридѣ, что, впрочемъ, не мѣшало ему исполнять и свои гражданскія обязанности. Честно пройдя жизненный путь, онъ до старости сохранилъ пылкость своего сердца и отзывчивость ко всему прекрасному и высокому. Я помню, какъ во время своихъ пріѣздовъ къ моему дѣду, вспоминая прошлое, онъ начиналъ восторженно декламировать оды Державина или цѣлые монологи изъ озеровскаго Дмитрія Донского. Имѣя очень большой кругъ знакомства и, кромѣ того, занимая разныя почетныя должности, Казначеевъ проводилъ большую часть дня въ разъѣздахъ по Москвѣ, при чемъ, такъ

какъ ему приходилось бывать почти одновременно въ однихъ мѣстахъ, какъ частному человѣку или доброму знакомому, а въ другихъ, какъ лицу оффиціальному, то дабы не заѣзжать лишній разъ домой, онъ имѣлъ обыкновеніе поверхъ форменнаго фрака со звѣздами и орденами, надѣвать сюртукъ, изъ-подъ котораго всегда виднѣлись предательскіе хвостики фрака. Пріѣзжая къ добрымъ знакомымъ, онъ входилъ къ нимъ въ сюртукѣ, а поѣхавъ отъ нихъ на какое-нибудь оффиціальное торжество, снимая шубу или шинель, оставлялъ своему выѣздному лакею и свой сюртукъ, являясь на торжество или пріемъ въ форменномъ фракѣ и при орденахъ.

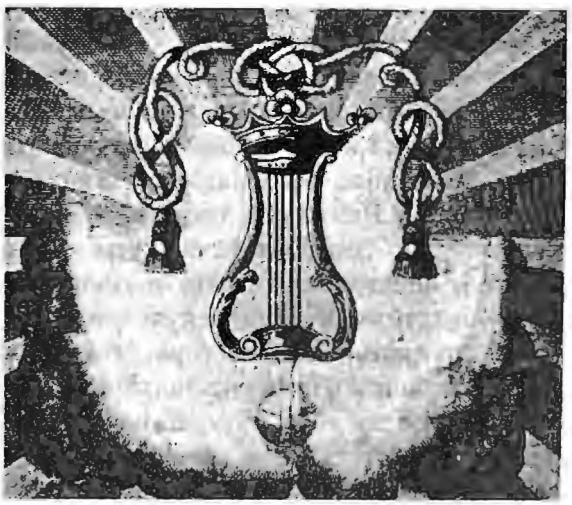
Въ занимаемой имъ квартирѣ все дышало простотой и полнымъ отсутствіемъ роскоши и единственнымъ ея украшеніемъ были картины Айвазовскаго, который по мѣрѣ развитія своего таланта подносилъ ихъ своему бывшему благодѣтелю, онъ никогда не забывалъ Казначеева и постоянно посѣщалъ его, бывая въ Москвѣ.

Дома Александръ Ивановичъ принималъ своихъ гостей, сидя въ креслѣ Николаевскаго времени, за открытымъ ломбернымъ столомъ, стоящимъ посреди комнаты, раскладывая пассьянсы, куря папиросу. Онъ рѣдко бывалъ дома и потому его квартира имѣла какой-то нежилой видъ и ея отличительной чертой было полное отсутствіе комфорта и уютности, зато всякій приходящій къ нему съ какой-нибудь просьбой или ходатайствомъ могъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ къ себѣ живое сочувствіе.

Съ легкой руки Александра Ивановича Казначеева я, проработавъ все лѣто съ Николаемъ Васильевичемъ Хотьковымъ, который ѣздилъ съ нами въ деревню, осенью 1871 г., сдавъ испытательный экзаменъ по рисованію, поступилъ въ гипсовый фигурный классъ Московской школы живописи, ваянія и зодчества. Мое поступленіе въ эту школу было рѣшающимъ событіемъ моей жизни, давъ ей то направленіе и принявъ ее въ то русло, по которому она должна была протекать до конца, невзирая на препятствія и затрудненія, создаваемыя различными обстоятельствами и случайностями жизни.

Тотъ день, когда, снявъ ненавистную мнѣ гимназическую форму, я въ штатскомъ платьѣ поѣхалъ въ гимназію, чтобы взять изъ гимназической канцеляріи мои документы, былъ поистинѣ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни.

Н. Шатиловъ.

Изъ недавняго прошлаго [1]).

III. Московская художественная школа нач. 70-хъ г.

Школа живописи, ваянія и зодчества, которую впредь для краткости буду называть Московской художественной школой, какъ разъ въ это время подверглась существеннымъ реформамъ. Прежніе преподаватели, Мокрицкій и Башиловъ умерли, Зарянко переѣхалъ въ Петербургъ, а Рамазановъ покинулъ школу, работая барельефы для храма Спасителя. На мѣсто выбывшихъ были приглашены новыя лица: художники Василій Григорьевичъ Перовъ, Константинъ Александровичъ Трутовскій и Прянишниковъ, всѣ трое жанристы, отбросившіе старыя академическія традиціи, поклонники новѣйшаго западнаго искусства. Они энергично возстали противъ рутины прежняго преподаванія и, поскольку позволяли имъ ихъ познанія въ этомъ дѣлѣ, т.-е. въ дѣлѣ преподаванія, старались оживить его, внося новыя творческія начала, почерпаемыя непосредственно изъ жизни и реальнаго міра. Съ учениками они держали себя не какъ начальство, а скорѣе по-товарищески, и мало-мальски старающихся и талантливыхъ приближали къ себѣ, приглашая посѣщать ихъ мастерскія и смотрѣть, какъ они работаютъ. Ученики приносили имъ показывать свои эскизы и начатыя картины, бесѣдовали съ ними и совѣтовались, а нуждающіеся получали нерѣдко черезъ нихъ заказы и стипендіи.

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 1, 4.

Говоря о бывшихъ преподавателяхъ Московской школы и упомянувъ о Рамазановѣ, не могу не разсказать здѣсь о посѣщеніи его студіи въ Римѣ Николаемъ Павловичемъ.

Въ 1845 г. Мокрицкій, Скотти и Рамазановъ работали въ Римѣ, какъ пансіонеры Академіи. Императоръ Николай Павловичъ, посѣтившій въ то время Римъ, гдѣ тогда находился и вице-президентъ Императорской Академіи художествъ, графъ Федоръ Петровичъ Толстой, осматривая студіи русскихъ художниковъ и скульпторовъ, посѣтилъ и мастерскую Рамазанова. Будучи передъ этимъ у скульптора Стовассера, государь любовался его статуей, изображающей Нимфу съ Сатиромъ, при чемъ спросилъ Стовассера: «Неужели твоя натурщица такъ хороша и граціозна?» и, обратясь къ стоявшему тутъ же флигель-адъютанту, князю Васильчикову, закрылъ ему глаза рукой, говоря: «Тебѣ не надо на нее смотрѣть, это опасно». Послѣ этого государь черезъ князя Волконскаго передалъ Толстому свое желаніе, чтобы, когда онъ посѣтитъ мастерскую Рамазанова, тамъ находилась бы и модель, съ которой скульпторъ работалъ. Позировавшая тогда Рамазанову модель считалась одною изъ лучшихъ и самыхъ красивыхъ въ Римѣ. Когда государь подъѣхалъ къ студіи Рамазанова, онъ приказалъ своей всей свитѣ остаться на улицѣ и вошелъ въ студію, сопровождаемый только Толстымъ, при чемъ войдя велѣлъ Рамазанову запереть дверь на замокъ. Въ мастерской онъ прежде всего обратилъ вниманіе на работу скульптора: статуя Рамазанова изображала Нимфу, ловящую граціознымъ движеніемъ, сѣвшую къ ней на плечо, бабочку. Модель стояла тутъ же въ позѣ статуи. Похваливъ исполненіе и позу статуи, императоръ нашелъ, что хотя модель и хорошо сложена, но немного толстовата и мала ростомъ и что ея фигура, идеализированная художникомъ, въ статуѣ лучше, чѣмъ въ натурѣ. Несмотря на это замѣчаніе, онъ велѣлъ передать натурщицѣ, что она прекрасна, затѣмъ сталъ разсматривать другія работы художника и обратилъ особое вниманіе на группу Нимфы съ Сатиромъ, просящимъ у нея поцѣлуя. Похваливъ эту группу онъ сказалъ: «Она у тебя ужъ слишкомъ выразительна, ты ее смягчи, а то мнѣ нельзя будетъ поставить ее въ моихъ комнатахъ». Затѣмъ, снова подойдя къ натурщицѣ, продолжавшей все время стоять въ позѣ Нимфы, ловящей бабочку, приказалъ Рамазанову вновь повторить ей, что находитъ ее прекрасной, и выдать ей 30 скуди, послѣ чего, любезно поклонившись ей, направился къ дверямъ мастерской, но, прежде чѣмъ открыть ее, повелѣлъ Рамазанову подать модели драпировку, чтобы она могла укрыться, когда откроютъ дверь, что тотъ сейчасъ же и исполнилъ.

Изъ числа прежнихъ преподавателей при поступленіи моемъ въ школу, оставались два брата Сорокины, Евграфъ и Павелъ Семеновичи, и Десятовъ. Послѣдній былъ простой, добродушный человѣкъ, но какъ художникъ ничего изъ себя не представлялъ, работая очень слабо, зато Сорокины, въ особенности Евграфъ Семеновичъ, былъ прекраснымъ рисовальщикомъ и хорошимъ живописцемъ, но къ сожалѣнію, посвятивъ себя религіозной живописи, онъ картинъ не писалъ и въ то время, о которомъ я говорю, былъ исключительно занятъ работами для строившагося тогда въ Москвѣ храма Спасителя.

Здѣсь, прежде чѣмъ говорить о занятіяхъ въ Московской художественной школѣ и вообще о тогдашнемъ положеніи изящныхъ искусствъ и художниковъ въ Москвѣ, остановлюсь нѣсколько на общемъ въ ту пору направленіи въ искусствѣ. Романтизмъ смѣнился тогда реализмомъ и повсюду въ художественныхъ школахъ возникла борьба за освобожденіе искусства отъ прежней академической рутинности, традиціонныхъ формъ и пріемовъ. Художники изъ мастерскихъ Академіи и школъ стали стремиться въ среду реальной жизни, входновляясь не классическими идеалами и героями романовъ и поэмъ, а радостями, горемъ и трудами повседневной сѣрой жизни народныхъ массъ или старались выражать въ пластическихъ формахъ психическія настроенія. Это новое вѣяніе, съ его смѣлыми попытками, какъ это всегда бываетъ, шокировало, возбуждало и раздражало противъ себя представителей старой рутины, которые на пылкіе порывы молодежи отвѣчали не только не сочувственно, но гдѣ могли и репрессивными мѣрами, не допуская ихъ произведеній на выставки, лишая наградъ въ Академіи и школахъ и не упуская случая критиковать ихъ въ печати. Послѣднее, впрочемъ, рѣдко удавалось, такъ какъ печать почти всегда становилась на сторону всего живого и юнаго.

Всякая борьба способствуетъ выдѣленію изъ толпы выдающихся личностей, такъ и эта борьба въ мірѣ искусствъ выдвинула повсюду въ Европѣ талантливѣйшихъ художниковъ, которые внесли въ сокровищницу артистической дѣятельности человѣчества рядъ драгоцѣннѣйшихъ вкладовъ. Этому разрыву съ прошлымъ, этой художественной революціи, заключавшейся въ исканіи реальной правды во всѣхъ областяхъ и отрасляхъ искусства, обязаны всѣ страны своими лучшими художниками прошедшаго столѣтія.

Въ Европѣ она дала Мейсонье, Милле, Коро, Лейса, Альма, Тадему, Бернъ Джонса, Курбе, Вюрца и много др.

У насъ въ Россіи это движеніе тоже имѣло мѣсто, и ему мы

обязаны появленіемъ такихъ крупныхъ талантовъ, какъ Крамской, Рѣпинъ, Васнецовъ, Шишкинъ, Полѣновъ, Вас. Вас. Верещагинъ, Перовъ, братья Маковскіе и мн. др., которые огромнымъ трудомъ, могучимъ усиліемъ популяризировали искусство и, можно сказать, создали новую русскую школу. До нихъ, за нѣкоторыми единичными исключеніями, у насъ не было, собственно говоря, своей русской школы, у насъ были свои русскіе отдѣльные художники, какъ напр., Боровиковскій, Кипренскій, Ивановъ, Ѳедотовъ и нѣкоторые другіе, но рядомъ съ ними стояли Бруни, Нефъ, Венигъ, Виллевальде и мн. др., однѣ фамиліи которыхъ свидѣтельствовали о ихъ нерусскомъ происхожденіи. Нельзя сравнивать того положенія развитію, въ какомъ Россія находилась въ отношеніи къ художественному 50 лѣтъ тому назадъ и теперь. Полъ вѣка ранѣе искусство было достояніемъ небольшого кружка столичнаго высшаго общества и служило, главнымъ образомъ, для украшенія создаваемыхъ правительствомъ храмовъ и общественныхъ зданій, а также и для увѣковѣченія эпизодовъ боевой жизни различныхъ полковъ. Постоянныхъ и періодическихъ выставокъ, не только въ провинціальныхъ городахъ, но даже и въ Москвѣ, не было; музеевъ тоже не имѣлось. Въ Москвѣ существовало нѣсколько частныхъ собраній картинъ въ домахъ нѣкоторыхъ богатыхъ людей, какъ напр., у Кокорева, Левенштейна, (послѣдній преимущественно пріобрѣталъ картины иностранныхъ художниковъ) и князя Голицына, у котораго были собраны картины старинныхъ, преимущественно итальянскихъ, мастеровъ. Изрѣдка, впрочемъ, выставлялись отдѣльно въ залѣ зданія 1-ой гимназіи на Пречистенкѣ нѣкоторыя особенно выдающіяся картины; такъ была тамъ выставлена картина Иванова: «Явленіе Христа народу», поступившая затѣмъ въ собстенность Московскаго Румянцевскаго музея, и еще помнится мнѣ, что въ этой залѣ выставлялись нѣкоторыя картины Брюлова, Бруни и Моллера.

Постоянная выставка Общества любителей художества начала свое существованіе на моей памяти, равно какъ и Румянцевскій музей. Въ это же время среди московскихъ капиталистовъ стала все болѣе и болѣе развиваться любовь къ произведеніямъ искусства; развитію среди нихъ этого вкуса не мало способствовало ихъ сближеніе и знакомство съ художниками, которые нерѣдко руководили ихъ первыми шагами на этомъ поприщѣ. Почти у всякаго такого мецената былъ свой близкій ему художникъ: такъ, напр., Солдатенковъ, Кузьма Терентьевичъ, дружилъ съ Риццони; Павель Михайловичъ Третьяковъ, создавшій впослѣдствіи свою знаменитую Третьяковскую картинную галлерею, былъ

дружен съ Вас. Григ. Перовымъ. Борисовскій велъ знакомство съ Брызгаловымъ, котораго даже возилъ съ собой за границу. Мазурины дружили съ Николаемъ Васильевичемъ Невревымъ. У Дмитрія Петровича Боткина близкимъ человѣкомъ въ домѣ былъ художникъ Рачковъ.

Изъ числа этихъ любителей выдающимися лицами, увѣковѣчившими свои имена въ исторіи русскаго искусства, были оба брата Третьяковы, Павелъ и Сергѣй Михайловичи, и Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, завѣщавшій свое собраніе картинъ Румянцевскому музею. Вышеупомянутой плеядѣ талантливыхъ и энергичныхъ художниковъ отечественное искусство обязано не только возникновеніемъ Третьяковской галлереи, музея Александра III и ряда провинціальныхъ музеевъ, но и тому изобилію художественныхъ выставокъ, которыя устраиваются въ настоящее время, не только въ Москвѣ и Петербургѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ и начало которымъ было положено передвижными выставками дружнаго кружка энергичныхъ художниковъ, во главѣ которыхъ стояли Мясоѣдовъ, Ярошенко, Крамской, Рѣпинъ, Маковскіе, Шишкинъ, Киселевъ и мн. др.

Своего расцвѣта новое направленіе достигло не сразу: мое поступленіе въ Московскую школу относится къ началу этого движенія, такъ сказать къ зарожденію, къ его первымъ шагамъ на новомъ пути, съ легкой руки тогдашнихъ новаторовъ, изъ которыхъ въ то время многіе только что начали выступать на арену своей дальнѣйшей дѣятельности, а многіе еще учились и только готовились къ этой дѣятельности.

До поступленія въ Московскую школу Перова и Трутовскаго преподаваніе тамъ велось рутиннымъ способомъ. Поступавшіе ученики рисовали сначала съ оригиналовъ, потомъ съ натуры, съ гипсовыхъ орнаментовъ, гипсовыхъ же слѣпковъ рукъ, ногъ и частей лица, затѣмъ переходили въ гипсовый головной классъ, гдѣ рисовали съ гипсовыхъ головъ и изъ него въ гипсовый фигурный, въ которомъ, рисуя со статуй, начинали писать красками этюды съ головъ. За фигурнымъ слѣдовалъ натурный классъ, гдѣ рисовали и писали уже цѣлыя фигуры съ обнаженныхъ натурщиковъ. Въ компановкѣ эскизовъ и писанія картинъ почти не упражнялись, отъ себя никто ничего не умѣлъ рисовать. Женскихъ моделей совсѣмъ не было, а равнымъ образомъ при училищѣ не было ни костюмовъ и бутафорскихъ принадлежностей, ни библіотеки съ собраніемъ гравюръ и фотографій.

Новые преподаватели ввели при ежемѣсячныхъ экзаменахъ представленіе эскизовъ на задаваемые сюжеты, при чемъ за лучшій изъ нихъ выдавались денежныя преміи. Начинающимъ пи-

сать картины выдавали еще и вспомоществованіе. Кромѣ того, училище, войдя въ сношеніе съ театральной дирекціей, получило разрѣшеніе брать костюмы и бутафорскіе предметы изъ гардероба Большого театра для костюмныхъ классовъ. Все это придало жизнь училищу, и я, попавъ туда изъ гимназіи, сразу почувствовалъ, что попадаю въ совершенно новую среду, что тутъ люди собираются дѣйствительно, чтобы учиться и стремиться къ усовершенствованію, не дѣлая это ради отмѣтокъ, а работаютъ ради самой работы, что тутъ не работать нельзя, ибо безъ этого ничего не достигнешь, и какъ ни была въ то время еще плохо обставлена Московская школа, въ ней работали, и работали усердно и добросовѣстно, и я со своей стороны старался не отставать отъ другихъ.

Большинство учениковъ были люди бѣдные, принадлежащіе къ мѣщанскому и крестьянскому сословіямъ и обязанные лишь самимъ себѣ всѣмъ тѣмъ, чего они достигали. Среди нихъ были люди очень талантливые, которые потомъ заняли видное мѣсто въ художественномъ мірѣ. Среда, въ которую я попалъ, поступивъ въ школу живописи, была совершенно иная, чѣмъ та, въ которой я жилъ и вращался до тѣхъ поръ, и люди, съ которыми мнѣ пришлось соприкасаться въ школѣ, были совершенно иные.

До тѣхъ поръ я вращался всегда среди людей, привыкшихъ жить въ роскоши и довольствѣ, не имѣвшихъ понятія, что значитъ ежечасно думать о томъ, чѣмъ будешь жить завтрашній день. При чемъ многіе смотрѣли съ презрѣніемъ на личный трудъ, считая его ниже барскаго достоинства и, такъ сказать, принадлежностью пролетаріата. Хотя родители мои во многихъ отношеніяхъ имѣли болѣе широкіе взгляды, чѣмъ многіе другіе, но извѣстнаго рода барская щепитильность по отношенію къ практическимъ и матеріальнымъ сторонамъ жизни была и у нихъ. Такъ, напр., они не позволяли мнѣ брать заказы и вообще работать за деньги, считая это неприличнымъ. Многимъ лицамъ въ то время мое поступленіе въ школу живописи казалось извѣстнаго рода переходомъ въ низшее соціальное положеніе: всякихъ артистовъ тогда приравнивали къ чему-то въ родѣ фокусниковъ и уличныхъ акробатовъ. Послѣ того, какъ я, такимъ образомъ, попалъ изъ одной среды въ другую, діаметрально ей противоположную, во мнѣ не могло не произойти большой внутренней ломки. Я не могъ не увидѣть, что эта новая среда, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоялъ трудъ, вѣра въ него и надежда только на самого себя,—несравненно ближе къ истинной цѣли существованія, чѣмъ та другая, живущая трудомъ другихъ людей и у которой на первомъ планѣ стояло удовлетвореніе своихъ

узко-эгоистическихъ прихотей и фантазій. Это сознаніе, разъ зародившись, все больше и крѣпло, и развивалось и наложило отпечатокъ на всѣ мои дальнѣйшіе взгляды и дѣйствія.

Въ то время, вообще, въ лучшей средѣ учащейся молодежи преслѣдованіе личныхъ интересовъ и выгодъ считалось недостойнымъ и тотъ, кто, что-либо имѣлъ долженъ былъ дѣлиться съ неимущими.

Соціалистическія ученія, распространявшіяся тогда въ нашемъ обществѣ, находили хотя и слабый отголосокъ и въ нашей школѣ.

Къ этому же времени относится мое первое знакомство съ художникомъ Владиміромъ Егоровичемъ Маковскимъ, который въ то время былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, недавно окончившимъ Московскую школу живописи, и жилъ со своимъ отцомъ, извѣстнымъ Егоромъ Ивановичемъ Маковскимъ. Владиміръ Егоровичъ былъ приглашенъ моимъ отцомъ для рисованія первыхъ изданныхъ Комитетомъ грамотности картинъ для наглядnаго обученія въ сельскихъ школахъ. Изображали онѣ событія изъ священной и русской исторій и иллюстраціи къ «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ».

Всѣ дѣти старика Маковскаго отличались талантливостью, а двое изъ нихъ, Константинъ и Владиміръ Егоровичи, достигли большой извѣстности. Егоръ Ивановичъ служилъ въ Московской дворцовой конторѣ и всѣ свои досуги посвящалъ искусству. Самъ работая очень недурно, онъ собиралъ картины и гравюры и сближался съ художниками. У него въ домѣ бывали Брюловъ, Тропининъ, Зарянко и мн. другихъ выдающихся по своимъ талантамъ людей, и дѣти его росли окруженные артистической средой и художественными произведеніями.

Собраніе гравюръ Егора Ивановича считалось однимъ изъ лучшихъ въ Москвѣ; самъ онъ былъ привѣтливымъ, радушнымъ старикомъ, еще очень бодрымъ для своихъ преклонныхъ лѣтъ. Онъ скончался въ глубокой старости, имѣя утѣшеніе видѣть славу своихъ дѣтей.

По приглашенію Владиміра Егоровича мы ѣздили съ отцомъ нѣсколько разъ смотрѣть собраніе гравюръ Егора Ивановича, который всегда очень охотно показывалъ ихъ, объясняя, какъ истинный любитель, всѣ ихъ достоинства и недостатки.

Въ ту же пору я познакомился съ однимъ изъ представителей семьи не менѣе талантливой, чѣмъ Маковскіе, а именно съ Николаемъ Васильевичемъ Верещагинымъ, основателемъ русскаго сыроваренія, правильно организованныхъ молочныхъ хозяйствъ и сбыта молочныхъ продуктовъ.

Родной братъ Николая Васильевича былъ знаменитый художникъ, Василій Васильевичъ Верещагинъ.

Участвуя въ сраженіяхъ, онъ въ то же время усиленно работалъ, писалъ этюды и зарисовывалъ типы и сцены. Запасшись обильнымъ художественнымъ матеріаломъ, онъ уѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ и написалъ свою первую серію картинъ изъ туркестанской войны и туркестанскаго быта. Послѣ выставки ихъ за границей, между прочимъ и въ Лондонѣ, онъ привезъ эти картины и этюды въ Россію, гдѣ ихъ появленіе произвело большую сенсацію. Какъ всегда, у насъ прежде всего стали говорить, что онъ не самъ написалъ всѣ эти картины, а что ихъ ему помогали писать мюнхенскіе художники, а онъ только приводилъ ихъ въ общій тонъ, потомъ всѣ были удивлены тѣмъ, что онъ не соглашался продавать эти картины по одиночкѣ, а объявилъ, что продаетъ всю серію цѣликомъ и въ однѣ руки, ставя епце, какъ условіе при продажѣ, чтобы въ залахъ, гдѣ будутъ находиться эти картины, никакихъ иныхъ картинъ не находилось.

Такъ какъ все это собраніе представляло изъ себя дѣйствительно нѣчто вполнѣ цѣльное, изображающее природу, типы и жизнь края, то требованіе Верещагина было вполнѣ понятно. Ожидали, что картины эти будутъ куплены государемъ, но онъ ихъ не купилъ, найдя, что просимая за нихъ Верещагинымъ цѣна, сто тысячъ рублей, слишкомъ велика; тогда коллекція эта была пріобрѣтена Павломъ Михайловичемъ Третьяковымъ, который, купивъ эти картины, пожертвовалъ ихъ Московскому обществу любителей художествъ, съ тѣмъ условіемъ, что Общество обязано по истеченіи извѣстнаго срока построить для нихъ отдѣльное помѣщеніе, а пока такового не будетъ выстроено, и картины будутъ стоять въ помѣщеніи, занимаемомъ обыкновенно постоянными выставками, Общество обязывалось не выставлять въ этихъ помѣщеніяхъ никакихъ другихъ картинъ; въ случаѣ невыполненія этихъ условій Павелъ Михайловичъ оставилъ за собой право взять картины обратно, что, въ концѣ концовъ, и случилось, такъ какъ Общество помѣщенія для нихъ къ назначенному сроку не выстроило, а Павелъ Михайловичъ успѣлъ за это время расширить свою галлерею, выстроивъ для нея спеціальное зданіе. Кромѣ того Общество нарушило взятыя на себя обязательства еще и тѣмъ, что въ одной изъ залъ, гдѣ помѣщались картины Верещагина, разрѣшило антрепренеру, купившему извѣстную картину Габріеля Макса «Нерукотворенный ликъ Христа»—выставлять эту картину да еще при вечернемъ освѣщеніи, для чего потребовалось задрапировать всѣ находившіяся въ этомъ

залѣ картины Верещагина. Выставка эта, давшая хорошій доходъ Обществу, послужила въ то время и къ обвиненію Общества въ неисполненіи условій, такъ какъ картины Верещагина больше мѣсяца были закрыты.

Продавъ туркестанскія картины, В. В. Верещагинъ уѣхалъ въ Индію; тѣмъ временемъ совѣтъ Императорской Академіи Художествъ, на собраніи бывшемъ 30 апрѣля 1874 г., постановилъ за извѣстность и особые труды на художественномъ поприщѣ возвести В. В. Верещагина въ званіе профессора живописи, о чемъ и увѣдомить его офиціально. Извѣстіе о возведеніи его въ званіе профессора онъ получилъ уже въ Индіи и въ отвѣтъ на оказанную ему Академіей честь напечаталъ въ № 25 «Голоса» отъ 11 сентября 1874 г. слѣдующее письмо изъ Бомбея.

«Извѣстясь о томъ, что Императорская Академія Художествъ произвела меня въ профессора, я, считая всѣ чины и отличія въ искусствѣ безусловно вредными, начисто отказываюсь отъ этого званія».

Въ виду такого заявленія совѣтъ Академіи опредѣлилъ исключить Верещагина изъ списковъ членовъ Академіи.

Въ 1883 г. я имѣлъ удовольствіе видѣть выставку его индійскихъ картинъ въ Петербургѣ; для меня эта выставка была своего рода праздникомъ: на ней я увидѣлъ прекрасно вопроизведенными виды внутренности индійскихъ храмовъ, то причудливо роскошныхъ по украшающей ихъ скульптурѣ, то полныхъ таинственности и мрака, какъ тѣ изъ нихъ, которые высѣчены въ горахъ или устроены въ подземельяхъ. На этой выставкѣ картины богатой тропической природы чередовались съ изображеніемъ пышныхъ торжествъ, происходившихъ тогда въ честь посѣщенія Индіи принцемъ Уэльскимъ. Многія изъ индійскихъ картинъ по техническому выполненію мнѣ нравилось еще больше туркестанскихъ; на мой взглядъ въ творчествѣ Верещагина его туркестанскія и индійскія картины были лучшими изъ всего, что онъ писалъ. Въ то же время въ Москвѣ мнѣ пришлось видѣть и серію его картинъ изъ Русско-Турецкой войны 77-го года. Не ограничившись первой поѣздкой въ Индію, Верещагинъ ѣздилъ туда вторично и затѣмъ посѣтилъ Палестину и Сирію; результатомъ этого послѣдняго путешествія была серія картинъ, написанныхъ на сюжеты изъ Новаго Завѣта въ реалистическомъ духѣ, придерживаясь толкованія Ренана въ его книгѣ «Жизнь Іисуса». Будучи выставлены въ Вѣнѣ въ 1885 г., картины эти очень взволновали и возмутили католическое духовенство, потребовавшее, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ были сняты съ выставки. Шуму и полемики въ газетахъ по поводу ихъ было много, и, въ

концѣ концовъ Верещагину пришлось уступить требованіямъ духовенства и снять одну или двѣ изъ нихъ.

Въ Россіи онъ ихъ, конечно, не выставлялъ. Послѣдній разъ я видѣлъ Верещагина передъ его отъѣздомъ на Дальній Востокъ въ началѣ Русско-Японской войны. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ женою, онъ остановился въ Сѣверной гостиницѣ и, полный энергіи, мечталъ о своихъ новыхъ работахъ, и, конечно, мысль о скорой гибели была далека отъ него.

Какъ человѣка, Верещагина упрекали за его рѣзкость. Сестры милосердія, ухаживавшія за нимъ, когда онъ лежалъ раненый въ Бухарестскомъ госпиталѣ, жаловались на его грубость и неделикатность. Но это былъ человѣкъ съ такой громадной энергіей и такой невѣроятной работоспособностью, что очень можетъ быть, что этотъ избытокъ силъ и потребность къ дѣятельности проявлялись въ немъ въ нѣсколько грубой формѣ, когда онъ былъ лишенъ возможности примѣнять ихъ на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, это былъ выдающійся человѣкъ.

Въ школѣ живописи я занимался усердно. Инспекторомъ классовъ былъ въ то время талантливый жанристъ Константинъ Александровичъ Трутовскій.

Трутовскій ко мнѣ относился очень хорошо, и вскорѣ по моемъ поступленіи я сталъ довольно часто бывать у него. Онъ много работалъ въ это время, заимствуя сюжеты своихъ картинъ изъ малороссійской народной жизни. Имѣя огромный запасъ этюдовъ съ натуры и всевозможныхъ набросковъ и эскизовъ, онъ почти не пользовался живой натурой и всѣ свои картины писалъ со своихъ набросковъ и этюдовъ, вслѣдствіе чего картины его, не лишенныя поэзіи и юмора, нерѣдко грѣшили рисункомъ и техническимъ выполненіемъ. Работалъ онъ много, посвящая искусству все свое свободное время: по утрамъ писалъ масляными красками, а вечеромъ работалъ акварелью. Картины его охотно раскупались любителями, и на рукахъ у него ничего не оставалось. Большимъ охотникомъ до его картинъ былъ инженеръ Зиминъ, богатый человѣкъ и любитель искусства. Его квартира была настоящей небольшой картинной галлереей, заключавшей въ себѣ много хорошихъ произведеній современныхъ художниковъ. Въ то время, когда я его зналъ, это былъ уже пожилой человѣкъ; я не знаю, какая участь постигла это собраніе послѣ его кончины. Онъ былъ одинокъ и прямыхъ наслѣдниковъ у него не было.

Занимаясь въ школѣ, я скоро замѣтилъ, хотя неявный, старающійся не проявляться, разладъ, бывшій между ея преподавателями. Это въ сущности было не что иное, какъ своего рода

jalousie de métier, чувство, весьма распространенное среди насъ, русскихъ, и въ особенности въ артистическихъ кругахъ.

Какъ художники, Трутовскій, Перовъ, Сорокинъ и Прянишниковъ были всѣ хорошими художниками, но каждый въ своемъ родѣ: имъ нечего было ни завидовать другъ другу, ни пренебрегать одинъ другимъ, считая себя выше и талантливѣе. Они были различны какъ по роду творчества, такъ и по техническимъ пріемамъ передачи и воспроизведенія природы, такъ что сравненія между ними и быть не могло, подобно тому, какъ нельзя сравнивать Шекспира съ Кольцовымъ или Толстого съ Гоголемъ.

Трутовскій былъ поэтъ, вопроизводившій красоту природы Украйны и ея поэтическіе нравы, облекая свои сюжеты, то въ легкія и изящныя, то въ забавныя формы.

Перовъ былъ своего рода Островскій или Достоевскій въ живописи; въ своихъ картинахъ онъ обличалъ уродливыя явленія жизни, желая заставить зрителя задуматься надъ ними. Что касается Сорокина, то онъ былъ классикъ; у него на первомъ планѣ была красота и сила рисунка, античная величавость фигуръ и изящество одеждъ и драпировокъ. Это былъ нашъ русскій Ингръ. У нихъ у всѣхъ было чему поучиться, а потому въ школѣ я, собственно говоря, не поступалъ въ ученики ни къ кому изъ нихъ и занимался въ классѣ въ дежурство каждаго, работая кромѣ того еще и дома.

Василій Григорьевичъ Перовъ, какъ я сказалъ, составлялъ полную противоположность Трутовскому: насколько Константинъ Александровичъ, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ своихъ картинахъ, бралъ все съ веселой, свѣтлой стороны, такъ наоборотъ Перовъ видѣлъ во всемъ драматическую сторону и ко всему относился съ критическимъ анализомъ. Его картина «Тройка», находящаяся въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ, представляющая трехъ изможденныхъ, блѣдныхъ дѣтей, везущихъ въ гору по метели боченокъ съ водою въ морозный зимній день, есть какъ бы укоръ всему обществу, допускающему дѣтей исполнять такія тяжелыя работы. Такого же направленія его картина «Утопленница», представляющая молодую, скромно, но прилично одѣтую женщину, вытащенную на берегъ Москвы-рѣки: раннее туманное утро, утопленница лежитъ на песчаномъ берегу, и околонея на стоящей на сушѣ лодкѣ, сидитъ, завернувшись въ шинель, старикъ городовой, безучастно нуря свою трубку и ожидая прихода начальства. И въ этой картинѣ тотъ же упрекъ обществу, доводящему до самоубійства человѣческія личности, недостаточно закаленныя, а, быть можетъ, и недостаточно дурныя, чтобы бороться съ тѣмъ же человѣческимъ обществомъ, и въ случаѣ нужды умѣть

взять отъ него то, что нужно. Въ картинахъ «Обѣдъ монаховъ въ трапезной Троицко-Сергіевской Лавры» и «Крестный ходъ въ деревнѣ» онъ изобразилъ отрицательныя стороны нашего духовенства, его безобразное пьянство. Такого рода критическое направленіе проводитъ онъ почти во всѣхъ своихъ картинахъ. Подъ конецъ жизни Перовъ отдался исторической и религіозной живописи, но въ этихъ отрасляхъ искусства онъ оказался слабѣе, чѣмъ въ жанрѣ и въ портретахъ, что произошло, быть можетъ, отъ того, что преждевременная его смерть не дала ему возможности выработать, какъ онъ того желалъ, этотъ жанръ.

Смерть, похитившая такъ рано Василія Григорьевича, лишила русское искусство крупнаго художника и при томъ въ такое время, когда талантъ его достигъ своего полнаго развитія и когда онъ могъ еще такъ много сдѣлать, продолжая работать надъ своимъ самообразованіемъ и надъ развитіемъ и усовершенствованіемъ своей техники.

Евграфъ Семеновичъ Сорокинъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ той старой классической школы, создавшей Бруни, Брюлова, Иванова и мн. др. Это былъ прекрасный рисовальщикъ, знающій въ совершенствѣ строеніе человѣческаго тѣла и его анатомію и изучившій красоту классическихъ драпировокъ. Его образа, какъ напр., Распятіе, Воскресеніе Христа, Крещеніе и многіе др., представляютъ собою высокія произведенія искусства, вполнѣ удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ эстетики. Въ его иконахъ все велико, стильно, благородно, это дѣйствительно религіозныя изображенія, въ которыхъ нѣтъ ничего мелкаго, земного, болѣзненнаго и неестественнаго, какъ въ религіозныхъ изображеніяхъ Нестерова и Васнецова, изъ которыхъ первый старается поддѣлаться подъ духъ и стиль итальянскихъ прерафаэлитовъ, а второй въ своихъ иконахъ скорѣе сказоченъ, чѣмъ религіозенъ: его святыя женщины болѣе напоминаютъ своими неестественно расширенными и подведенными глазами какихъ-то языческихъ сказочныхъ царь-дѣвицъ и русалокъ, нежели христіанскихъ святыхъ.

Заговоривъ о художникахъ, я не могу не упомянуть о моемъ первомъ учителѣ Николаѣ Васильевичѣ Хотьковѣ, замѣчательномъ преподавателѣ и талантливомъ человѣкѣ, но котораго, къ сожалѣнію, какъ это у насъ часто бываетъ, заѣла нужда.

Будучи сыномъ бѣдныхъ родителей, онъ долженъ былъ содержать своего старика отца и мать, а потому, окончивъ свое художественное образованіе, отдался учительской дѣятельности, имѣя нѣсколько частныхъ уроковъ и преподавая рисованіе въ городскихъ школахъ. Невзирая на то, что онъ самъ почти что совсѣмъ не

работалъ, онъ прекрасно понималъ искусство и умѣлъ передавать своимъ ученикамъ его пріемы. Занятія съ нимъ заложили во мнѣ тотъ фундаментъ, на которомъ я затѣмъ строилъ зданіе своего художественнаго развитія. Въ немъ было то хорошо, что онъ былъ безпристрастнымъ и безпартійнымъ человѣкомъ и всегда отдавалъ должное заслугамъ другихъ художниковъ. Въ немъ совершенно не было того скрытаго недоброжелательства и того чувства зависти, которыми въ большинствѣ случаевъ заражены наши художники, что ихъ дѣлаетъ нерѣдко мелочными и односторонними. Хотьковъ сумѣлъ и во мнѣ развить этотъ взглядъ и сдѣлать то, что, смотря на художественное произведеніе, я не стремлюсь прежде всего найти его недостатки, а наоборотъ, вижу въ немъ то, въ чемъ сказался художникъ, въ чемъ онъ проявилъ искру своего таланта.

Въ первый же годъ моего поступленія въ школу я получилъ малую серебряную медаль за выставленныя картины и былъ переведенъ изъ гипсоваго фигурнаго класса въ натурный, гдѣ работало много талантливыхъ учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ то время, получивъ высшія награды въ Московской школѣ, уѣхали кончать свое художественное образованіе въ Петербургъ.

Изъ занимавшихся одновременно со мною выдѣлялись по своимъ способностямъ: Богатовъ, Пестровъ, два брата Коровиныхъ Матвѣевъ, Зарѣцкій, Новоскольцевъ, Лебедевъ, Левитанъ, Смирновъ, Рябушкинъ, Касаткинъ, Святославскій, Милорадовичъ, Яновъ, Яковлевъ, Волковъ, Киселевъ и Скадовскій.

Рядомъ съ этими, выдающимися по своимъ способностямъ молодыми людьми, въ натурномъ классѣ было много и другихъ учениковъ, менѣе талантливыхъ, и которые въ дальнѣйшемъ или посвятили себя церковной живописи, или заняли мѣста учителей рисованія. Были и такіе типы, которые и состарились учениками училища, посѣщая аккуратно классы, постоянно рисуя по вечерамъ съ натуры, а утромъ работая красками этюды. Это были странные люди, работавшіе, такъ сказать, только ради одного процесса работы, какъ читалъ гоголевскій Петрушка, но эти старички не долго оставались въ школѣ послѣ происшедшей въ ней перемѣны преподавателей.

Сойдясь какъ-то сразу съ нѣкоторыми изъ товарищей, какъ то: съ Богатовымъ, Пестовымъ, Матвѣевымъ и Лебедевымъ, мы стали усердно заниматься изученіемъ рисунка и, не ограничиваясь работой въ классѣ, устроили занятія еще у меня на дому. Съ этой цѣлью послѣ классовъ мы приглашали натурщика ко мнѣ на домъ и тамъ нерѣдко занимались до поздней ночи; работая красками

этюды днемъ, намъ тоже нерѣдко за особую плату натурщики позировали сверхъ обычныхъ казенныхъ часовъ.

Нашъ небольшой кружокъ сталъ мало-по-малу все расширяться и къ нему примыкали другія лица.

Скоро, не ограничиваясь рисованіемъ, мы стали работать по вечерамъ акварелью, въ этой работѣ въ особенности былъ силенъ Лебедевъ, Клавдій Васильевичъ. Его отецъ имѣлъ иконописную мастерскую, и передъ поступленіемъ въ Московскую школу живописи Клавдій Васильевичъ окончилъ курсъ Строгановскаго рисовальнаго училища, гдѣ много и хорошо работали акварелью, чего въ школѣ совершенно не дѣлалось. Кружокъ нашъ просуществовалъ все время, пока мы находились въ школѣ, невзирая на то, что лица, его составлявшія, мѣнялись за это время, но на мѣсто выходившихъ изъ него поступали новыя.

Нѣкоторые изъ товарищей пріѣзжали ко мнѣ лѣтомъ въ деревню, и мы писали этюды на солнцѣ.

Въ школѣ въ концѣ каждаго мѣсяца всѣ сдѣланные за это время рисунки и этюды выставлялись на разсмотрѣніе совѣта преподавателей, которые ставили на нихъ номера. На этихъ экзаменахъ выставлялись и эскизы на задаваемые сюжеты. Каждый мѣсяцъ задавалось по два эскиза: одинъ на историческій сюжетъ и одинъ на жанръ. За эскизы, получившимъ первые номера, выдавались денежныя награды отъ 5 до 15 рублей.

Три раза въ годъ бывали такъ называемые третные экзамены, на которыхъ совершались переводы учениковъ изъ класса въ классъ и присужденіе медалей.

Передъ третными экзаменами на вечернихъ классахъ ставился обыкновенно не одинъ натурщикъ, а два одновременно, составляя группу. Эти экзамены бывали для насъ цѣлымъ событіемъ. Мы въ эти дни обыкновенно собирались въ школу еще до 9 часовъ, осматривали, какъ вывѣшены въ классѣ рисунки и эскизы и какъ установлены этюды, переставляли и поправляли, что находили нужнымъ.

Въ десятомъ часу собирались преподаватели, и начинался экзаменъ. Насъ удаляли изъ классовъ, двери затворялись, и мы или ожидали оцѣнки нашей работы въ большомъ вестибюлѣ передъ канцеляріей, или уходили наверхъ въ мастерскія. Дольше всего преподаватели оставались обыкновенно въ натурномъ классѣ, тамъ у нихъ происходили нерѣдко горячіе споры, но вотъ, наконецъ, открывалась дверь, и едва успѣвалъ выйти совѣтъ, какъ ученики толпой врывались въ классъ, спѣша увидѣть выставленные на ихъ работахъ мѣломъ или краснымъ карандашомъ номера. И какъ радостно на душѣ становилось, если номера эти

были хорошіе и сопровождались вдобавокъ еще какой-нибудь наградою. Получившій таковыя сразу чувствовалъ себя до нѣкоторой степени авторитетомъ, у него развязывался языкъ, и онъ начиналъ громко высказывать свои мнѣнія о работахъ другихъ, получившіе же послѣдніе номера молча спѣшили снять свои работы, свернуть ихъ въ трубки, обвязать веревочкой и потихоньку ретироваться.

Первые же номера не спѣшили уходить; только поговоривши и поспоривши нѣкоторое время, рѣшали они, что пора итти въ трактиръ «Саратовъ», находящійся недалеко отъ школы, чтобы вспрыснуть результаты экзамена. Этотъ трактиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ нашимъ клубомъ, и мы довольно часто собирались въ немъ, чтобы за скромной закуской, состоящей изъ разстегаевъ съ рыбой или мясомъ, рябиновки съ селедкой и чая, вести горячіе споры объ искусствѣ и художникахъ. Прислуживалъ намъ всегда половой, котораго мы прозвали Наполеономъ за его сходство съ побѣжденнымъ прусаками французскимъ императоромъ.

Надо сказать, что, ведя тогда эти споры, мы такъ мало еще были знакомы съ искусствомъ, что, конечно, не могли въ нихъ высказывать никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ, а только выражали наши стремленія и пожеланія: артистическая жизнь Москвы была тогда еще такъ бѣдна, что прошлаго въ ней почти не было, и все должно было создаться въ будущемъ.

Большое на меня вліяніе имѣло знакомство съ Николаемъ Семеновичемъ Мосоловымъ.

Мосоловъ, сынъ богатыхъ родителей, былъ граверъ-офортистъ. За свои офорты съ находящихся въ Эрмитажѣ картинъ Рембранта онъ получилъ званіе академика. Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, онъ почти что совсѣмъ не работалъ, а занимался главнымъ образомъ собираніемъ оригинальныхъ офортовъ Рембранта и современныхъ офортистовъ и граверовъ. У него можно было видѣть снимки со всѣхъ картинъ выдающихся иностранныхъ художниковъ. Бывая ежегодно за границей, Мосоловъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ искусствѣ на Западѣ.

Мосоловы жили въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Лубянкѣ, составлявшемъ уголъ съ Лубянской площадью, недалеко отъ Кузнецкаго Моста. Послѣ смерти своихъ родителей Николай Семеновичъ продалъ этотъ домъ Страховому обществу, которое его совершенно перестроило, преобразивъ его изъ стараго барскаго дома въ доходный новѣйшаго типа. Много часовъ истиннаго художественнаго наслажденія проводилъ я въ роскошномъ кабинетѣ Николая Семеновича, разсматривая его богатыя собранія.

У него-то я впервые познакомился съ работами великихъ тогдашнихъ художниковъ, прославившихъ своими произведеніями минувшее столѣтіе. Я помню, что, послѣ проведенныхъ у него вечеровъ, я долго не могъ заснуть, находясь подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго. Мнѣ становилось яснымъ, чего должно добиваться русское искусство и чего ему не хватаетъ. Не хватало ему историческихъ знаній, не хватало самобытной оригинальности и того вольнаго порыва вдохновенія, той смѣлости, которою обладали иностранцы. Мы крутились около извѣстныхъ мотивовъ, не рискуя переступить ихъ, а они отдавались своей фантазіи, своему вдохновенію, ничѣмъ не стѣсняясь.

Говоря о Мосоловѣ не могу не упомянуть о его двоюродномъ братѣ, художникѣ Вячеславѣ Григорьевичѣ Шварцѣ. Лично я его, къ сожалѣнію, не зналъ и когда познакомился съ Мосоловымъ, то Шварца уже не было въ живыхъ, онъ умеръ на 31-мъ году жизни 29 марта 1869 г. Шварца можно назвать первымъ изъ русскихъ художниковъ, начавшимъ писать картины изъ русской исторіи съ тою реальной правдивостью и естественностью, которыя до него отсутствовали въ нашихъ историческихъ картинахъ, напоминавшихъ скорѣе театральныя сцены, чѣмъ событія реальной жизни. Будучи человѣкомъ образованнымъ, изучивъ прекрасно археологію и, главное, обладая въ высокой степени развитымъ пониманіемъ какъ историческихъ типовъ, такъ равно и тогдашней обстановки и тогдашняго пейзажа, всѣ его картины являются вполнѣ правдивыми и вѣрными воспроизведеніями жизни минувшаго времени, притомъ безо всякой утрировки, карикатурности или претензіи на какую-то тенденціозность и условность. Смотря на его произведенія, дѣйствительно переносишься въ изображаемое имъ время, видишь людей той эпохи.

Къ великому сожалѣнію, смерть преждевременно похитила этого талантливаго человѣка; онъ умеръ въ Курскѣ въ 1869 г., не успѣвъ, можно сказать, довести свои блестящія способности до полнаго развитія. Я говорю потому «не успѣвъ», что въ его техникѣ еще оставалась нѣкоторая сухость, съ которою онъ очевидно сильно боролся и которая все менѣе и менѣе замѣчалась въ его послѣднихъ работахъ. Зато никто, кромѣ него, не умѣлъ такъ поэтично и правдиво передавать свои сюжеты.

Возьмемъ, напр., его картину «Патріархъ Никонъ въ Воскресенскомъ монастырѣ». Въ солнечный ясный день патріархъ въ домашней одеждѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, вышелъ на прогулку въ монастырскій садъ, гдѣ слушаетъ донесенія монаха-наушника, говорящаго ему что-то на ухо. Солнце, пробиваясь сквозь древесную листву, яркими кружками свѣта играетъ

на одеждѣ гуляющихъ и на пескѣ дорожки, а вдали за деревьями видна освѣщенная солнцемъ часть монастырскааго зданія. Вся эта сцена носитъ на себѣ такой отпечатокъ правдивости и жизненности, что будто цѣликомъ взята съ натуры.

Или, напр., его картина, изображающая поѣздъ царицы, ѣдущей на богомолье въ загородный монастырь. Дѣйствіе, очевидно, происходитъ Великимъ постомъ, ранней весною. Деревня, черезъ которую проѣзжаетъ красный царскій возокъ, еще завалена снѣгомъ и возокъ ныряетъ въ глубокихъ ухабахъ, но въ сѣромъ облачномъ небѣ и по образующимся кое-гдѣ грязнымъ лужамъ на таящемъ снѣгу чувствуется уже дыханіе весны. Всякому, кто жилъ въ деревнѣ, этотъ пейзажъ близко знакомъ. Сколько естественной правды въ этихъ всадникахъ, сопровождающихъ царицу, какъ они всѣ типичны, и какъ характерно переданъ аллюръ ихъ степныхъ аргамаковъ, съ коротко подвязанными отъ грязи хвостами, сколько правды въ группахъ крестьянъ, подобострастно и почтительно смотрящихъ издали на проѣзжающихъ.

Не менѣе правдиво выдержана его картина «Посольскій приказъ», изображающая иностранныхъ посланниковъ, занятыхъ переговорами въ посольскомъ приказѣ съ боярами.

Картина «Іоаннъ Грозный у гроба убитаго имъ сына» полна глубокаго драматизма.

Во всѣхъ картинахъ Шварца видно, кромѣ пониманія духа и времени и типовъ тогдашнихъ людей, еще основательное знаніе археологіи и костюмовъ, что очень важно въ исторической живописи, ибо вѣрность изображенія обстановки одежды придаетъ ту рельефность исторической картинѣ, которая и составляетъ ея прелесть, то, что такъ цѣнно въ картинахъ Мейсонье, Альмы Тадемы и Лейса.

Н. Шатиловъ.

Изъ недавняго прошлаго [1]).

IV. Ген. губ. кн. В. А. Долгоруковъ.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ общественная жизнь всей страны стала замѣтно измѣняться; измѣнилась и московская жизнь. Москва 70-хъ годовъ уже сильно отличалась отъ Москвы 50-хъ и 60-хъ гг.: исчезли шлагбаумы и будки съ сонными будочниками, вооруженными аллебардами, исчезли старинныя колымаги, запряженныя цугомъ, съ форейторомъ, и извозщичьи колибри, пѣтушиные бои и продавцы сбитня. Какъ пережитокъ стараго оставались еще нѣкоторыя народныя гулянья, какъ-то: на Подновинскомъ на Масляницу и Пасху; на Красной площади въ Вербную субботу и 1 мая въ Сокольникахъ. Гулянье на Подновинскомъ во время Масляной и Пасхальной недѣль были очень многолюдны и оживленны, особенно въ послѣдніе три дня каждой изъ этихъ недѣль. Все московское дворянство и купечество считало своимъ долгомъ выѣзжать на это гулянье, щеголяя одни передъ другими красотой своихъ запряжекъ, богатствомъ дорогихъ мѣховъ и брильянтами. Нигдѣ потомъ мнѣ не приходилось видѣть такого количества великолѣпныхъ рысаковъ и экипажей и столько роскошныхъ собольихъ и лисьихъ чернобурыхъ мѣховъ, какъ на этихъ гуляньяхъ. Экипажи описывали кругъ: начиная отъ Никитскихъ воротъ, они тянулись одинъ за другимъ вдоль всей Большой Никитской по Подновинскому и Арбату до самой Арбатской площади и возвращались, поворачивая по Арбату, Подновинскому и Большой Никитской вновь къ Никитскимъ воротамъ.

Живя на Кудринской площади, въ концѣ Большой Никитской и въ началѣ Подновинской, мы послѣдніе три дня Масляной и Пасхи могли любоваться изъ своихъ оконъ отъ полудня до вечера лучшими московскими экипажами и лошадьми.

На самомъ Подновинскомъ, начиная отъ Кудринской площади до Смоленскаго рынка, строился рядъ балагановъ, каруселей и качелей. На балаганахъ вывѣшивались громадныя вывѣски съ изображенными на нихъ фантастическими сценами сраженій, возмущеній въ султанскихъ гаремахъ, продѣлокъ чертей и т. п.

[1]) См. „Гол. Мин.“ №№ 1, 4, 7—8.

Въ промежуткахъ между представленіями на устроенные на верху балагановъ открытые балконы выходила вся труппа въ своихъ костюмахъ; паяцы дурачились передъ собравшейся толпой и зазывали публику, размахивая своими колпаками и расхваливая даваемое у нихъ представленіе, нерѣдко при этомъ дрожа и ежась отъ холода. Въ особенности эти выходы были чувствительны для женскаго персонала балагановъ, появлявшихся въ декольте и въ бальныхъ костюмахъ.

Такъ какъ въ то время въ Москвѣ еще не существовало зоологическаго сада, то на Подновинскомъ всегда показывались заѣзжіе звѣринцы. Я помню, какъ однажды въ одномъ изъ нихъ взбѣсился слонъ. Находясь на цѣпи, онъ къ счастью не могъ сойти со своего возвышенія и начать разорять клѣтки съ остальными звѣрями, на зато онъ сталъ ломать самый балаганъ, разбивая и раскидывая хоботомъ ближайшія къ нему стѣнки и крышу. Публика въ страхѣ разбѣжалась; изъ балагана торопливо вывозили клѣтки съ другими звѣрями и была вызвана рота солдатъ, которые, сколько я помню, застрѣлили разбушевавшагося слона.

Не менѣе многолюдно бывало гулянье и на Красной площади въ Вербную субботу. Сюда тоже выѣзжала вся Москва, но это было больше катанье дѣтей, которыхъ привозили на Вербы покупать разныя игрушки и сдѣланныя изъ цвѣтной бумаги подобія какихъ-то вѣтокъ съ яркими бумажными цвѣтами и съ восковыми головами херувимовъ, съ размалеванными красными щеками.

Въ Сокольники на гулянье 1 мая вывозили въ прежнее время на показъ невѣстъ, и выѣзжали посмотрѣть на нихъ женихи. Почему-то московскій генералъ-губернаторъ со своими адъютантами, оберъ-полицмейстеръ и другіе начальствующіе лица изъ военныхъ появлялись на этомъ гуляньѣ всегда верхомъ, образуя собою блестящую своими мундирами кавалькаду, разъѣзжающую среди двойнаго ряда экипажей. Катающихся на 1-е мая бывало всегда масса, равно какъ и пѣшей публики, состоявшей по большей части изъ мастеровыхъ и фабричныхъ, справлявшихъ маевку по-своему, расположившись безчисленными группами среди лѣса и на полянкахъ съ самоварами и штофами водки.

Въ это время я началъ выѣзжать въ свѣтъ, хотя никогда не увлекался свѣтской жизнью, сознавая всю ея пустоту. Этимъ выѣздамъ способствовало то обстоятельство, что, по желанію моей матери, ея младшій братъ Вильгельмъ Вильгельмовичъ Оливъ, состоявшій тогда адъютантомъ при московскомъ генералъ-губернаторѣ Долгоруковѣ Владимирѣ Андреевичѣ, записалъ меня на службу въ генералъ-губернаторскую канцелярію.

Служа при генералъ-губернаторѣ, мнѣ пришлось видѣть все тогдашнее московское общество и бывать приглашеннымъ въ нѣкоторые дома, хотя я старался, сколь возможно, избѣгать выѣздовъ и свѣтскихъ знакомствъ, занимаясь въ школѣ и приберегая все свое время главнымъ образомъ для работы. Меня тогда звалъ поѣхать съ нимъ заграницу Н. С. Мосоловъ, но моя мать, не желая отпустить меня, настояла на моемъ опредѣленіи на службу. Что касается службы при князѣ Долгоруковомъ, то она была не изъ тяжелыхъ: насъ было нѣсколько человѣкъ, такимъ образомъ приписанныхъ къ канцеляріи. Кромѣ меня, былъ князь Алексѣй Ивановичъ Кудашевъ, Ватковскій, князь Эристовъ и еще нѣсколько другихъ, именъ которыхъ не помню. Обязанность наша состояла въ томъ, чтобы разъ въ недѣлю дежурить при князѣ въ его аппартаментахъ, и разъ или два въ мѣсяцъ отбывать дежурство по канцеляріи; но послѣдняго никто изъ насъ не отбывалъ, а уплачивалъ по три рубля за эти дежурства одному канцелярскому чиновнику.

Кромѣ дежурствъ, мы еще были обязаны являться для проводовъ и встрѣчъ князя при его поѣздкахъ и возвращеніяхъ изъ Петербурга, куда, впрочемъ, онъ ѣздилъ нечасто. Чтобы не терять времени для занятій, я всегда просилъ назначать меня на дежурство по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, чему, конечно, всѣ бывали очень рады, ибо дежурить въ такіе дни никому не было охоты, кромѣ меня. На дежурствахъ насъ бывало трое: адъютантъ, военный чиновникъ особыхъ порученій и канцелярскій чиновникъ; въ этомъ тріо главная роль принадлежала адъютанту, онъ принималъ просителей, ходилъ докладывать о нихъ князю, завтракалъ съ княземъ въ его кабинетѣ, ѣздилъ по его порученіямъ, обѣдалъ съ нимъ и сопровождалъ его въ театръ, въ циркъ и на разныя торжества.

Военныхъ чиновниковъ особыхъ порученій можно было скорѣе назвать лицами безо всякихъ порученій, такъ какъ таковыя давались имъ очень рѣдко. Что касается насъ, канцелярскихъ чиновниковъ, то наша роль заключалась въ пріемѣ посылаемыхъ изъ канцеляріи бумагъ, на которыхъ требовалась подпись князя, заграничныхъ паспортовъ и ежедневнаго рапорта государю о состояніи Москвы. Послѣдній посылался въ Петербургъ ежедневно и въ канцеляріи имѣлся особый чиновникъ, обладавшій замѣчательно красивымъ почеркомъ, который писалъ всѣ эти рапорты.

По окончаніи всѣхъ пріемовъ, когда адъютантъ объявлялъ, что князь требуетъ бумаги, канцелярскій чиновникъ шелъ съ ними въ кабинетъ и подавалъ ихъ для подписи князю, давая иногда

по нимъ необходимыя объясненія, по большей части ограничиваясь молчаливымъ прикладываніемъ кляксъ-папира на свѣжія подписи князя. Затѣмъ князь объявлялъ: «Можете ѣхать домой».— Чиновникъ раскланивался, выходилъ изъ кабинета, передавалъ бумаги курьеру и отправлялся домой. Что касается личности Владимира Андреевича Долгорукова,то это былъ добрый и хорошій человѣкъ, представлявшій собою уже тогда отживающій типъ вельможи прежняго времени; отчасти избалованный всеобщимъ поклоненіемъ и раболѣпствомъ, онъ былъ сибаритъ, любившій женщинъ, хорошій столъ, и не признающій поспѣшности и безпокойства, но въ то же время доступный для каждаго.

Привѣтливый, когда былъ въ духѣ, истинно благородный, онъ умѣлъ съ достоинствомъ себя держать передъ великими міра, не раболѣпствуя передъ ними.

Я не разъ видѣлъ его, какъ онъ принималъ у себя государя Александра II и другихъ царственныхъ особъ, оставаясь съ ними все тѣмъ же спокойнымъ, полнымъ собственнаго достоинства вельможей, чего далеко не умѣли сохранять многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ, превращавшіеся въ присутствіи высочайшихъ особъ изъ олимпійцевъ въ какихъ-то фельдфебелей или юнкеровъ. Я помню, какъ на одномъ балу у князя, на которомъ присутствовалъ государь, послѣдній, идя рядомъ съ княземъ въ большой залъ, у входа въ него замѣтилъ среди почтительно разступившейся группы генераловъ старика Гильденштубе, тогдашняго командующаго войсками московскаго военнаго округа. Государь, желая ему что-то сказать, сдѣлалъ ему знакъ рукой, подзывая его. Надо было видѣть, съ какимъ проворствомъ этотъ очень старый, тучный и важный человѣкъ буквально выскочилъ изъ-за стоявшихъ передъ нимъ и съ какимъ подобострастіемъ сталъ во фронтъ передъ государемъ. Какой это былъ контрастъ съ княземъ, принимавшимъ царя съ непринужденной вѣжливостью любезнаго хозяина.

Когда въ началѣ 80-хъ годовъ, послѣ ряда покушеній на жизнь Александра II и многихъ изъ сановниковъ, для охраны послѣднихъ были даны казаки, то и къ особѣ князя Долгорукова были прикомандированы таковые, чтобы сопровождать его во время выѣздовъ; но онъ никогда не бралъ ихъ и продолжалъ, какъ и прежде, ѣздить всегда одинъ, а казаковъ, назначаемыхъ къ нему, приказывалъ хорошо и сытно кормить и чуть ли не давалъ имъ еще на чай.

Въ Москвѣ Долгорукова любили, и онъ пользовался большою популярностью среди простого народа. Сколько мнѣ помнится, въ концѣ70-хъ и началѣ 80-хъ гг. были случаи, когда онъ

лично выѣзжалъ уговаривать бастующихъ фабричныхъ, которые успокаивались и становились на работу послѣ его простой и мирной бесѣды съ ними.

Тогда подъ вліяніемъ господствующихъ среди извѣстнаго круга молодежи идей, я не умѣлъ достаточно цѣнить хорошихъ сторонъ князя и сдѣлалъ, быть можетъ, большую ошибку, не оставшись служить при немъ, тѣмъ болѣе, что эта служба ничему не мѣшала; но тогда меня многое возмущало. Князь былъ вдовцомъ и, не взирая на свои тогда уже далеко не молодые года, любилъ молодиться; поэтому онъ проводилъ все утро, чуть ли не до 12 часовъ, за своимъ туалетомъ. Брить его, подкрашивать волоса и завивать приходилъ ежедневно молодой куаферъ, французъ Жюль, изъ французской парикмахерской Леона, находившейся неподалеку отъ генералъ-губернаторскаго дома на Тверской улицѣ. Такъ какъ я тоже брился и стригся у Леона, то и зналъ хорошо весь персоналъ его артистовъ, какъ они себя величали, и въ особенности Жюля, неистощимаго болтуна и балагура, хваставшаго тѣмъ, что забавляетъ князя своими анекдотами и двусмысленными бонмо. Между 12-ю и часомъ князю подавали завтракъ, и его старикъ камердинеръ входилъ въ залъ, гдѣ мы дежурили, просить къ завтраку адъютанта. Завтракъ этотъ продолжался довольно долго: князь не любилъ торопиться. Въ это время начинали уже обыкновенно съѣзжаться разные лица, бывавшіе съ ежедневными докладами.

Первымъ пріѣзжалъ обыкновенно оберъ-полицмейстеръ Николай Устиновичъ Араповъ, напыщенный и важный генералъ, имѣвшій крупную, представительную фигуру, но далеко не соотвѣтствовавшій ей умъ и распорядительность. Ему частенько приходилось ожидать аудіенеціи у князя въ гостиной, рядомъ съ залой, въ которой мы дежурили, и нерѣдко аудіенціи эти сопровождались, очевидно, выговорами, такъ какъ Араповъ выходилъ часто изъ кабинета разсерженнымъ.

Изъ обычныхъ посѣтителей бывалъ еще гражданскій чиновникъ Стрѣльцовъ, завѣдующій расчетной частью при постройкѣ храма Спасителя, и который чуть не ежедневно являлся къ князю для подписанія какихъ-то бумагъ, такъ какъ князь былъ предсѣдателемъ строительной комиссіи. Стрѣльцовъ былъ настоящимъ типомъ чиновника Николаевскаго времени; ему приходилось обыкновенно дольше всѣхъ ожидать пріема, и онъ очень этимъ возмущался, говоря, что его ждутъ, и онъ напрасно теряетъ время.

«Вотъ,—говаривалъ онъ,—то ли было дѣло при покойномъ гр. Закревскомъ; къ тому, когда, бывало, ни приди, хотя бы среди ночи,—сейчасъ приметъ, а этотъ до которыхъ поръ валян-

дается, небось по цѣлымъ часамъ вздоръ болтаетъ съ французомъ парикмахеромъ, да за завтракомъ сидить цѣлую вѣчность, слушая городскія сплетни адъютанта, а меня тамъ люди ждутъ».

Я вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Стрѣльцова, который обыкновенно изливалъ свое неудовольствіе мнѣ, не жалуя адъютантовъ и военныхъ чиновниковъ особыхъ порученій, которые постоянно надъ нимъ подсмѣивались и дразнили его, говоря, что и безъ него у князя много дѣла и что, «ничего, молъ, подождете, дѣло не медвѣдь и въ лѣсъ не убѣжитъ».

Кого всегда немедленно принимали, такъ это генерала Слезкина, начальника московской жандармеріи; впрочемъ онъ и пріѣзжалъ обыкновенно не рано, а послѣ завтрака, часа въ два или три. Мужчинъ князь принималъ въ своемъ кабинетѣ за гостиной, пріѣзжавшія же дамы и архіереи принимались въ гостиной; а по большимъ праздникамъ, когда служилась обѣдня въ домовой церкви генералъ-губернаторскаго дома, на которую съѣзжалось много разныхъ сановныхъ особъ со своими женами, заходившихъ послѣ богослуженія обыкновенно съ визитомъ къ князю, пріемъ ихъ происходилъ въ другой половинѣ перваго этажа генералъ-губернаторскаго дома, въ такъ называемой половинѣ княгини, въ большой гостиной, гдѣ гостямъ подавался шеколадъ и печенье.

Нерѣдко пріѣзжали къ князю извѣстные артисты и артистки, привозившіе ему билеты на свои бенефисы или желавшіе представиться ему передъ своими гастролями въ Москвѣ. Такъ бывала у него знаменитая Аделина Патти, бывшая тогда замужемъ за маркизомъ де-Ко, Нильсонъ и мн. др. Изъ нашихъ актрисъ мнѣ пришлось видѣть во время моихъ дежурствъ Федотову и Ермолову. Князь очень любезно принималъ ихъ и, вѣроятно, щедро платилъ за привозимые ему билеты.

Между прочимъ, былъ на пріемѣ и пріѣзжавшій въ Москву фокусникъ Эпштейнъ, съ которымъ въ Москвѣ произошелъ слѣдующій непріятный случай, характеризующій дикость тогдашнихъ нравовъ: въ числѣ показываемыхъ имъ на сценѣ Московскаго Большого театра фокусовъ былъ одинъ номеръ, въ которомъ онъ отрубалъ голову своему сотоварищу, и тотъ потомъ снова оживалъ. Въ одно изъ представленій, когда онъ показывалъ этотъ фокусъ и отрубилъ ему голову, изъ шеи которой полилась кровь, публика вдругъ пришла въ ярость и стала кричать, что ее обманываютъ, и что онъ вовсе не отрубилъ настоящей головы; на это Эпштейнъ съ любезной улыбкой вѣжливо заявилъ почтеннѣйшей публикѣ, что конечно это есть фокусъ, и что онъ не можетъ для удовольствія зрителей совершать передъ ними преступленія, убивая на самомъ дѣлѣ человѣка; но расходившаяся

публика не удовольствовалась этимъ логичнымъ объясненіемъ, и зрители съ крикомъ: бей его! устремились на сцену по сдѣланнымъ черезъ оркестръ изъ зрительнаго зала мосткамъ. Кто-то, увидя на сценѣ лежавшій обезглавленный трупъ, сталъ колоть его булавкой, отчего убитый быстро вскочилъ на ноги и бросился бѣжать со сцены, за нимъ послѣдовалъ и Эпштейнъ, выбѣжавшій со страху въ одномъ фракѣ и бѣлой жилеткѣ на театральную площадь. Представленіе было немедленно прекращено, и публику удалили; вслѣдъ за этимъ и Эпштейнъ покинулъ Москву. Вотъ на какія дикія выходки была способна наша публика въ 70-хъ годахъ.

Парадныя залы, гдѣ происходили рауты и балы, помѣщались въ верхнемъ этажѣ генералъ-губернаторскаго дома; къ нимъ вела мраморная лѣстница изъ большой прихожей парадnаго подъѣзда съ Тверской площади. Кромѣ этого большого подъѣзда, существовалъ другой, маленькій, во дворѣ около воротъ, выходившихъ въ переулокъ; на дверяхъ этого подъѣзда была придѣлана небольшая мѣдная дощечка съ французской и русской надписями «Le prince Dolgorоukow.—Князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ».

Это былъ, такъ сказать, интимный подъѣздъ, о существованіи котораго не подозрѣвало большинство смертныхъ. Черезъ него проникали въ аппартаменты князя его пріятельницы; въ мое время таковою была балерина Собещанская, красивая и симпатичная шатенка.

Такъ какъ на дежурства канцелярскіе чиновники должны были являться первыми для пріема бумагъ, то я обыкновенно пріѣзжалъ раньше адъютанта и военнаго чиновника, принималъ почту и бумаги и занимался чтеніемъ газетъ до прибытія этихъ господъ. Съ ихъ прибытіемъ начинались всевозможные разговоры, темами для которыхъ служили главнымъ образомъ городскія новости и сплетни, а также скабрезные анекдоты и разсказы о появляющихся на московскомъ горизонтѣ новыхъ дамахъ легкаго поведенія. По части послѣднихъ, т.-е. дамъ полусвѣта, былъ особенно свѣдущъ одинъ изъ военныхъ чиновниковъ, большой любитель прекраснаго пола, представлявшій изъ себя положительно справочное бюро по этой части. Въ подобной пустой болтовнѣ, прерываемой время отъ времени приходившими посѣтителями, проходило все время дежурства, и оно оставляло во мнѣ всегда впечатлѣніе безполезно потерянnаго времени. Живя одновременно въ двухъ, совершенно противоположныхъ, средахъ, я душою принадлежалъ къ артистической средѣ, а въ этой являлся постороннимъ наблюдателемъ, интересующимся,

какъ художникъ, ея разнообразными и блестящими внѣшними проявленіями. Служба при князѣ давала мнѣ возможность многое видѣть, чего иначе, конечно, я не видалъ бы.

Къ этому времени относится первый пріѣздъ въ Россію персидскаго шаха Насръ-Эдина. Встрѣчать его на русской границѣ выѣзжалъ князь Меньшиковъ. Шахъ по дорогѣ въ Петербургъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ Москвѣ. Для него было отведено помѣщеніе въ Кремлевскомъ дворцѣ, но такъ какъ оказалось, что его сопровождаютъ нѣсколько наложницъ, а послѣднихъ, согласно этикету, помѣщать во дворцѣ неудобно, то князь Меньшиковъ распорядился, чтобы для помѣщенія этихъ дамъ была приготовлена его дача въ Петровскомъ паркѣ, куда ихъ и провезли по прибытіи въ Москву. Самъ же шахъ со своей свитой помѣстился въ Кремлевскомъ дворцѣ. Много курьезовъ разсказывали тогда о некультурности этихъ восточныхъ гостей.

Долгоруковъ принялъ персидскихъ гостей со свойственнымъ ему гостепріимствомъ. Ихъ возили по театрамъ, и въ генералъ-губернаторскомъ домѣ въ верхнихъ парадныхъ покояхъ былъ данъ блестящій балъ.

Шаха все очень интересовало; въ особенности сильное впечатлѣніе произвелъ на него балетъ съ его эфектными декораціями и балеринами. Послѣ всѣхъ этихъ новыхъ для него зрѣлищъ онъ ѣздилъ въ Петровскій паркъ къ своимъ женамъ и разсказывалъ имъ обо всемъ видѣнномъ. Слыша его разсказы, султанши подняли, какъ говорятъ французы, знамя бунта и стали требовать, чтобы онъ и ихъ возилъ повсюду, гдѣ бываетъ. Шахъ сильно вознегодовалъ на нихъ за это и рѣшилъ, недолго думая, предать султаншъ смертной казни.

Когда же ему сказали, что въ Россіи смертной казни не существуетъ, и что поэтому произвести ее въ Москвѣ нельзя , потребовалъ немедленнаго отправленія своихъ женъ обратно въ Персію, что и было исполнено. Сопровождать этихъ дамъ до границы былъ назначенъ служившій по дѣламъ печати Зармаиръ Мсеровичъ Мессарьянцъ, армянинъ по происхожденію, хорошо знающій персидскій языкъ. Возвратясь изъ этой командировки, Мессарьянцъ разсказывалъ много забавныхъ случаевъ, бывшихъ съ нимъ въ пути. Евнухи, сопровождавшіе женъ шаха, строго охраняли ихъ. На одной станціи султанши вышли изъ вагона; когда онѣ стали вновь садиться, одна изъ нихъ оступилась, и Мессарьянцъ, какъ любезный кавалеръ, хотѣлъ было поддержать ее и помочь войти въ вагонъ, но старшій евнухъ, мгновенно очутившійся между султаншей и имъ, грозно оттолкнулъ его въ сторону, пригрозивъ ему при этомъ торчащимъ у него за поясомъ кинжаломъ. Другой

разъ, проѣзжая по живописной мѣстности, среди усѣянныхъ цвѣтами лѣсныхъ полянъ, султанши захотѣли остановиться погулять по лѣсу и нарвать цвѣтовъ. Онѣ сообщили о своемъ желаніи своему главному блюстителю, и, послѣдній, придя въ купэ къ Мессарьянцу, сказалъ ему, чтобы онъ велѣлъ остановить поѣздъ, такъ какъ султанши хотятъ погулять. Удивленный такимъ требованіемъ, Мессарьянцъ заявилъ старшему евнуху, что останавливать въ пути поѣзда нельзя, и что онъ, при всемъ своемъ желаніи угодить султаншамъ, не имѣетъ права этого сдѣлать. Старшій евнухъ остался очень недоволенъ такимъ отвѣтомъ и сказалъ Мессарьянцу:

«Какой же ты послѣ этого чиновникъ русскаго царя, коли даже не можешь приказать остановиться поѣзду на какой-нибудь часъ времени. У насъ не такіе порядки, у насъ всѣ повинуются, если мы, слуги шаха, что нибудь приказываемъ»,—при этомъ онъ помахалъ туда-сюда рукой, желая, вѣроятно, этимъ жестомъ выразить все ничтожество Мессарьянца, и недовольный вышелъ изъ купэ.

Другой разъ онъ заявилъ, что султанши желаютъ покушать мороженаго. Узнавъ объ этомъ, Зармаиръ Мсеровичъ съ первой же маленькой станціи телеграфировалъ на ближайшую большую, гдѣ былъ буфетъ, чтобы къ прибытію ихъ поѣзда было приготовлено мороженое для женъ шаха.

Когда султаншамъ было подано мороженое, старшій евнухъ остался такъ доволенъ, что, увидя Мессарьянца, подошелъ къ нему и, похлопавъ его рукой по головѣ, похвалилъ за распорядительность.

Не знаю, какая дальнѣйшая участь постигла непокорныхъ султаншъ по возвращеніи ихъ на родину, но въ слѣдующихъ своихъ поѣздкахъ въ Европу Насръ-Эдинъ своего гарема съ собою не бралъ. Быть можетъ и потому, что недостатка въ одалискахъ не было для него и въ Европѣ.

Во время бала, даннаго княземъ въ честь шаха, послѣдній смотрѣлъ на танцы изъ отдѣльной, спеціально для этого убранной и обставленной комнаты, дверь который выходила въ бальную залу, такъ какъ по персидскому этикету шахъ не могъ находиться среди простыхъ смертныхъ.

Въ наружности Насръ-Эдина, равно, какъ и въ наружности его приближенныхъ, несмотря на ихъ полуевропейскія одежды, проглядывало что-то дикое, необузданное; подъ ихъ человѣческой внѣшностью въ нихъ чувствовались звѣри.

Какъ характеристику взглядовъ и понятій Насръ-Эдина,

привожу эпизодъ во время его пребыванія въ Англіи въ эту же поѣздку въ Европу.

Одинъ изъ богатѣйшихъ аристократовъ Англіи, герцогъ Сутерландскій, устроилъ у себя во дворцѣ банкетъ въ честь короля Эдуарда, тогда еще принца Уэльскаго, и въ честь персидскаго шаха. Шахъ былъ очарованъ сказочнымъ великолѣпіемъ пріема и обстановки дворца герцога и шепотомъ сообщилъ принцу Эдуарду свое предположеніе, что этотъ его вельможа долженъ быть очень могущественъ и богатъ. На это принцъ ему отвѣтилъ, что то, что онъ видитъ во дворѣ лорда герцога, даетъ лишь слабое понятіе о богатствѣ послѣдняго, такъ герцогъ имѣетъ еще нѣсколько громадныхъ имѣній, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности представляетъ собою громадное состояніе. Услышавъ это, шахъ глубоко задумался, а затѣмъ, вдругъ повеселѣвъ, сказалъ на ухо принцу: «Если герцогъ такъ богатъ, какъ вы говорите, то могу васъ поздравить отъ всей души: когда престолъ перейдетъ къ вамъ, то вы его....» при этомъ шахъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою вокругъ шеи, желая пояснить принцу смыслъ своихъ словъ. Когда же принцъ, понявъ, что шахъ совѣтуетъ ему со временемъ задушить герцога, отвѣтилъ, что въ Англіи нельзя такъ поступать со своими подданными для присвоенія себѣ ихъ богатствъ; шахъ такъ удивился, что у него расширились даже глаза отъ удивленія.

Въ началѣ 70-хъ годовъ четвертый сынъ государя Алексѣй Александровичъ, увлекшись фрейлиной Александрой Васильевной Жуковской, дочерью поэта Жуковскаго, обвѣнчался съ ней заграницей, но бракъ этотъ не былъ признанъ Александромъ II. Жуковская была удалена отъ двора, а Алексѣй Александровичъ былъ отправленъ въ кругосвѣтное плаваніе. Какъ говорили, Александра Васильевна Жуковская, не будучи красавицей, отличалась умомъ и имѣла что-то обворожительное въ себѣ. Для нея было куплено имѣніе въ Италіи, съ которымъ было соединено право на титулъ герцогини Седжіано. У нея отъ великаго князя былъ сынъ Алексѣй, которому былъ данъ титулъ графа Бѣлевскаго. Впослѣдствіи графъ Бѣлевскій женился на дочери свѣтлѣйшей княгини Юрьевской, жены Александра II.

Во время своего тогдашняго кругосвѣтнаго плаванія великій князь Алексѣй Александровичъ посѣтилъ и Японію, въ то время только что начавшую возрождаться подъ мудрымъ управленіемъ своего молодого микадо, незадолго передъ тѣмъ захватившаго въ свои руки власть и побѣдившаго феодальныхъ князей. Алексѣй Александровичъ былъ первымъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ европейскимъ царственнымъ домамъ, высадившимся на берегъ

страны Восходящаго Солнца и радушно принятымъ ея властелиномъ.

Замѣчательною личностью была тогда въ Москвѣ княжна Екатерина Андреевна Гагарина, двоюродная сестра князя Гагарина, тогдашняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта, а равно и князя Долгорукова. Княжна Екатерина Андреевна въ молодости имѣла романъ, послѣдствіемъ котораго было рожденіе дочери; ея воспитанію она посвятила свою жизнь. Не взирая на это, она, благодаря своему уму, энергіи, добротѣ и остроумію, съумѣла заслужить всеобщее уваженіе, сохранить свое положеніе въ обществѣ и дѣлать массу добра. Она постоянно за кого нибудь хлопотала, кому нибудь и что нибудь устраивала. Пользуясь большимъ вліяніемъ, благодаря своимъ связямъ, она употребляла это вліяніе на помощь всѣмъ, кто только къ ней ни обращался, въ то же время безпощадно высмѣивая своимъ острымъ язычкомъ тѣхъ, кто этого заслуживалъ своею глупостью или напыщенностью. Лицамъ, посѣщавшимъ княжну, которые пользовались ея благоволеніемъ, она любила разсказывать свои всевозможныя филантропическія похожденія въ разныхъ сферахъ и среди различныхъ лицъ. Посѣтителей она принимала всегда полулежа на кушеткѣ въ широкомъ стариннаго покроя темномъ шелковомъ платьѣ, при чемъ, разсказывая объ особенно смѣшныхъ эпизодахъ, сама отъ души смѣялась, выразительно закрывая при этомъ глаза. Спуска она никому не давала: пріѣхалъ тогда въ Москву вновь назначенный на мѣсто Перфильева губернаторъ Дурново, человѣкъ очень богатый, съ большими связями, еще молодой, но чрезвычайно дерзкій и надменный. Онъ былъ женатъ на Кочубей и передъ тѣмъ, какъ занять мѣсто губернатора въ Москвѣ, былъ губернаторомъ въ одномъ изъ нашихъ южныхъ городовъ, не помню теперь, въ какомъ именно. Тамъ у него былъ романъ съ одной актрисой, о которомъ въ свое время много говорили, такъ какъ онъ имѣлъ трагическій исходъ: предметъ его страсти умеръ, и, чтобы почтить ея память, онъ обратилъ въ домовую церковь или часовню домъ, въ которомъ она скончалась. Прибывъ въ Москву, Дурново своимъ высокомѣріемъ сразу возстановилъ московское общество противъ себя. Первымъ къ этому поводу послужилъ пріемъ, оказанный имъ тогда московскому городскому головѣ Шумахеру, которому онъ позволилъ себѣ сдѣлать рѣзкій выговоръ за то, что онъ явился къ нему не въ мундирѣ, а во фракѣ. Кромѣ этого случая съ Шумахеромъ, были и другіе, обнаружившіе москвичамъ, не привыкшимъ къ такому съ собой обращенію, грубость и высокомѣріе Дурново. Едва занявъ свой постъ, онъ сталъ удалять прежнихъ служащихъ; между прочими уволилъ совер-

шенно незаслуженно и одного незначительнаго чиновника, человѣка бѣднаго, жившаго исключительно своею службой. Мать этого чиновника обратилась къ княжнѣ Гагариной съ просьбой заступиться за него. Дурново, слыхавшій много о княжнѣ, по пріѣздѣ въ Москву искалъ случая познакомиться съ нею, но княжна, знавшая объ его обращеніи съ людьми, избѣгала до поры до времени этого знакомства. Когда же по просьбѣ матери удаленнаго со службы чиновника явилась необходимость въ ея свиданіи съ Дурново, она рѣшила лично поѣхать къ послѣднему, и въ назначенные губернаторомъ для пріема часы скромно подъѣхала къ губернаторскому дому на извозчикѣ въ старой потертой лисьей ротондѣ, въ капорѣ и сѣромъ оренбургскомъ платкѣ. Не сказавъ своего имени, она, раздѣвшись въ передней, вошла въ комнату, гдѣ ожидали просители, и въ своемъ неизмѣнномъ темномъ платьѣ стараго фасона сѣла среди другихъ просителей и просительницъ.

Назначенный для пріема часъ уже давно прошелъ, но его превосходительство все не выходилъ, несмотря на то, что давно отзавтракалъ и ничѣмъ не былъ занятъ, такъ какъ, судя по доносившимся въ пріемную изъ сосѣдней комнаты звукамъ, забавлялся со своими собачками. Только послѣ долгаго ожиданія, наконецъ, растворилась дверь сосѣдней комнаты, и въ пріемную вошелъ молодой генералъ съ сѣрымъ цвѣтомъ лица и холодными свѣтлыми глазами. Обходя просителей и подойдя къ княжнѣ, онъ спросилъ у нея, что ей нужно; когда же она обратилась къ нему съ просьбой объ уволенномъ чиновникѣ, Дурново разсердился и закричалъ на княжну, какъ она смѣетъ и по какому праву обращается къ нему съ подобной просьбой; на это она спокойно отвѣчала, что она до сихъ поръ не знала, что для того, чтобы о комъ нибудь просить требуется какое-то особое право. Этотъ отвѣтъ еще больше разсердилъ желчнаго сановника, который послѣ нѣсколькихъ фразъ, выражающихъ его негодованіе, крикнулъ, наконецъ, на княжну: «Да кто вы такая?» На что послѣдняя ему отвѣтила: «Je suis la princesse Catherine Gagarine. Jusqu'a prèsent Moscou savait, comment vous recevez les hommes et maintenant elle saura la manière, dont vous recevez les femmes». Послѣ чего она повернулась и направилась къ выходу, оставивъ безъ вниманія извиненія сконфуженнаго и растерявшагося генерала, всѣ попытки котораго лично повидаться съ нею послѣ этого инцидента остались тщетны.

Онъ недолго пробылъ въ Москвѣ и очень скоро покинулъ свой постъ, на которомъ такъ неудачно выступилъ на первыхъ же шагахъ.

Княжна Гагарина умерла въ преклонныхъ годахъ и, несмотря

на тяжелыя потери, которыя имѣла въ жизни (она потеряла свою дочь, умершую въ расцвѣтѣ лѣтъ, любимаго племянника и другихъ родственниковъ), до конца дней сохранила бодрость духа и рядомъ со своимъ острымъ умомъ доброе, отзывчивое ко всѣмъ нуждающимся сердце. Всякій, кто нуждался, какъ бы скромно ни было его соціальное положеніе, могъ быть увѣренъ, что найдетъ въ ней горячую заступницу и покровительницу. Много людей вспоминаетъ о ней съ глубокою благодарностью.

Къ воспоминаніямъ, соединеннымъ со временемъ моей службы у князя Долгорукова, относится и пріѣздъ Высочайшаго Двора въ Москву передъ свадьбой великой княжны Маріи Александровны съ принцемъ Эдинбургскимъ, вторымъ сыномъ королевы Викторіи.

Съ государемъ, великою княжной и ея женихомъ, и великими князьями пріѣхали тогда въ первопрестольную и братья жениха,—принцъ Уэльскій, наслѣдникъ англійскаго престола, и его младшій братъ, а также какой-то нѣмецкій принцъ, имени котораго не помню.

Въ этотъ пріѣздъ Дворъ провелъ нѣсколько дней въ Москвѣ. Въ честь гостей былъ данъ дворянствомъ балъ въ Дворянскомъ собраніи, на которомъ присутствовалъ государь со всей своей семьей и иностранные принцы. Въ числѣ чествованій былъ, между прочимъ, наканунѣ этого бала ужинъ у князя Долгорукова, на которомъ присутствовали англійскіе принцы и молодые великіе князья, сыновья государя, за исключеніемъ наслѣдника Александра Александровича. Во время ужина пѣли цыгане. Ужинъ этотъ, по словамъ очевидцевъ, былъ очень веселый: молодежь такъ разошлась, увлеченная и наэлектризованная удалыми цыганскими пѣснями, что приняла участіе въ пляскахъ, при чемъ сынъ англійскаго посланника, молодой лордъ Лофтусъ, такъ неудачно упалъ и настолько серьезно повредилъ себѣ ногу, что былъ принужденъ на другой же день уѣхать обратно въ Петербургъ. Я помню, что тогда вызвала много разговоровъ въ Москвѣ свободная манера себя держать англійскихъ принцевъ, которые запросто выходили изъ дворца, нанимали извозчиковъ и одни разъѣзжали по городу.

Во время моей службы князь Долгоруковъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, и по случаю этой награды всѣ служащіе при немъ рѣшили отпраздновать монаршую милость, оказанную ихъ начальнику, обѣдомъ въ ресторанѣ Эрмитажъ, считавшимся тогда лучшимъ въ Москвѣ. Его владѣльцемъ былъ въ ту пору французъ Оливье. Я помню этотъ ресторанъ еще въ дѣтствѣ, но тогда это былъ не первокласный ресторанъ, а первобытный

трактиръ, обычнаго старо-московскаго типа. Мы ѣздили туда смотрѣть панораму американскихъ видовъ, которую показывалъ заѣзжій антрепренеръ въ одной изъ его залъ. Чтобы попасть въ помѣщеніе панорамы, надо было проходить черезъ общую залу трактира, и я запомнилъ ее, благодаря тому, что посреди нея въ большомъ кустѣ, устроенномъ изъ какихъ-то вѣчно зеленыхъ растеній, посаженныхъ въ большія зеленыя кадки, сидѣло три или четыре человѣка, свиставшихъ для услажденія посѣтителей по соловьиному, при посредствѣ особыхъ машинокъ.

Взявъ этотъ ресторанъ, Оливье совершенно преобразилъ его: простая некомфортабельная обстановка и помѣщенія были передѣланы имъ на манеръ первоклассныхъ парижскихъ ресторановъ, залы украсились зеркалами, позолотой и лѣпкой на стѣнахъ, появились бархатные удобные диваны, изящная посуда и серебро, а кустъ, со свистѣвшими по соловьиному евреями, былъ замѣненъ прекраснымъ органомъ.

Кромѣ того, для полнаго удовольствія и удобства веселящихся москвичей онъ устроилъ въ отдѣльной пристройкѣ, примыкающей къ ресторану, рядъ очень чисто и уютно обставленныхъ номеровъ для тайныхъ свиданій и интимныхъ пирушекъ, при чемъ входъ и выходъ изъ этихъ номеровъ былъ такъ комбинированъ, чтобы предупредить случайности непріятныхъ встрѣчъ.

Вотъ у этого-то Оливье и состоялся обѣдъ служащихъ при генералъ-губернаторѣ, памятный для меня тѣмъ, что я впервые тогда познакомился съ изнанкой чиновничьяго міра. Среди съѣхавшихся къ обѣду лицъ находился архитекторъ Зыковъ, служащій архитекторомъ при генералъ-губернаторскомъ домѣ. Этотъ Зыковъ былъ въ то же время и преподавателемъ архитектуры въ Московской школѣ живописи, гдѣ учился и его сынъ, студентъ московскаго университета, талантливый и симпатичный молодой человѣкъ, котораго я хорошо зналъ по школѣ, работая одновременно съ нимъ въ натурномъ классѣ. Будучи знакомъ и съ его отцомъ, я за обѣдомъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, а недалеко отъ насъ на противоположной сторонѣ стола помѣстился завѣдующій хозяйственной частью генералъ-губернаторскаго дома Вельтищевъ. Съ начала обѣда все шло, какъ нельзя лучше: провозглашались тосты, говорили о городскихъ новостяхъ, о театрахъ, разсказывали анекдоты; словомъ, все было такъ , какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; но къ концу обѣда, послѣ того, что было выпито немалое количество разныхъ винъ и шампанскаго, настроеніе, измѣнилось, и вмѣсто прежнихъ безобидныхъ разговоровъ среди нѣкоторыхъ собравшихся, имѣвшихъ повидимому, какъ говорятъ французы, le vin mauvais, начали сводиться разные счеты, и начало этого

положили мои сосѣди Зыковъ и Вельтищевъ. Слово за слово, они начали самую беззастѣнчивую перебранку, сопровождаемую площадной бранью и упреками другъ друга въ томъ, сколько каждый изъ нихъ при различныхъ обстоятельствахъ положилъ себѣ въ карманъ казенныхъ денегъ,и это во всеуслышаніе, не стѣсняясь присутствіемъ адъютантовъ, правителя канцеляріи и иныхъ постороннихъ лицъ. При моей тогдашней еще наивности и неопытности, я не вѣрилъ своимъ ушамъ и пришелъ въ ужасъ; мнѣ сразу представилось, какъ будетъ непріятно молодому Зыкову, если его отца отдадутъ подъ судъ, благодаря такимъ публичнымъ упрекамъ и разоблаченіямъ Вельтищева, такъ страшно, на мой взглядъ, его копрометирующимъ, и, дабы положить конецъ этой ожесточенной перебранкѣ, я сталъ уговаривать Зыкова пойти послушать органъ въ общей залѣ ресторана; но Зыковъ не хотѣлъ уступать своему противнику и, въ свою очередь, не стѣсняясь, сыпалъ фактами мошенническихъ продѣлокъ Вельтищева, приправляя свою рѣчь самыми отборными эпитетами россійскаго ругательнаго краснорѣчія, за которыя, я думалъ, Вельтищевъ по меньшей мѣрѣ вызоветъ его сейчасъ же на дуэль, и все время ожидалъ момента, когда они оба отъ словъ перейдутъ къ дѣлу и, подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ своихъ языковъ, бросятся другъ на друга въ рукопашный бой; уже всѣ, сидящіе ближе къ намъ, бросили свои споры и съ любопытствомъ ожидали, чѣмъ все это кончится, но наконецъ, мнѣ все-таки удалось увести изъ-за стола расходившагося Зыкова. Я отвелъ его въ одинъ изъ небольшихъ кабинетовъ и, спросивъ шампанскаго, продержалъ его тамъ, пока онъ не успокоился; но каково же было мое удивленіе, когда мы вновь вернулись къ покинутой компаніи, видѣть, что оба противника встрѣтились, какъ будто между ними ничего не бывало; невольно мнѣ вспомнилась поговорка, что воронъ у ворона глаза не выклюетъ. Съ тяжелымъ чувствомъ вернулся я тогда домой; немало времени прошло съ тѣхъ поръ, но этика русской бюрократіи не измѣнилась, и если бы и сейчасъ въ своей компаніи развязались языки многихъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ, то немало поучительныхъ свѣдѣній можно было бы получить о томъ, какимъ образомъ прокормленіе одного казеннаго воробья даетъ возможность обзаводиться доходными домами и собирать кругленькіе капитальчики. У Зыкова и Вельтищева были тоже домики; у перваго нѣсколько домовъ на Тверскомъ бульварѣ, а у второго на Большой Никитской, при чемъ въ одномъ изъ нихъ помѣщалась женская гимназія.

Не могу не разсказать здѣсь и о томъ, какъ Василій Григорьевичъ Перовъ писалъ портретъ съ князя Долгорукова. Это писаніе

княжескаго портрета было цѣлымъ событіемъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ и не лишено интереса, характеризуя отношеніе къ художникамъ и пониманіе искусства многихъ лицъ тогдашняго высшаго общества, виднымъ представителемъ котораго являлся князь. Не помню теперь, для какого учрежденія потребовался княжескій портретъ, и такъ какъ Перовъ считался въ то время лучшимъ портретистомъ въ Москвѣ, написавъ рядъ прекрасныхъ портретовъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись портреты писателей Островскаго, Достоевскаго и историка Погодина, то исполненіе этого портрета было поручено ему. Въ данномъ случаѣ это оказалось крупной ошибкой. Перовъ могъ превосходно увѣковѣчить Островскаго, Достоевскаго, Погодина, Даля и др. лицъ, имъ подобныхъ, понимавшихъ искусство, и самихъ художниковъ слова, которые позировали ему, какъ хорошіе натурщики, не мѣшая улавливать ихъ характерныя черты и ихъ индивидуальность, но, какъ модный живописецъ, умѣющій подлаживаться подъ вкусъ и требованія заказчиковъ, онъ никуда не годился; въ данномъ же случаѣ требовалось именно послѣднее.

Перовъ началъ писать портретъ въ одной изъ залъ, въ такъ называемой половинѣ княгини. Уже съ самаго начала своей работы онъ встрѣтился съ весьма непріятными для всякаго художника условіями, а именно съ непослѣдовательностью и неаккуратностью сеансовъ со стороны князя, который то опаздывалъ, и, вмѣсто двухъ часовъ сидѣлъ только полчаса, то совсѣмъ не могъ позировать, и Перовъ, пріѣхавъ и прождавъ понапрасну, уѣзжалъ, потерявъ время и ничего не сдѣлавъ.

Надо быть художникомъ, чтобы понять, насколько работа при такихъ условіяхъ дѣйствуетъ энервирующе и раздражительно. Съ этимъ, впрочемъ, можно было бы еще кое-какъ мириться, но главныя мученія для художника начались, когда онъ сталъ писать красками; бойко и реально проложенный портретъ не понравился князю, который, любя молодиться, находилъ, что портретъ его старитъ и непохожъ на него. Ища подтвержденія своему мнѣнію, онъ показывалъ портретъ всѣмъ лицамъ своего антуража, начиная со своего камердинера, который, конечно, ему въ угоду находилъ въ портретѣ именно всѣ тѣ недостатки, на которые указывалъ ему князь. Онъ бывало скажетъ кому нибудь изъ такихъ лицъ: «Вѣдь неправда-ли я на портретѣ гораздо старше?» и лицо, приглашенное смотрѣть портретъ, спѣшитъ подтвердить его слова, говоря: «Портретъ даже совсѣмъ непохожъ на ваше сіятельство; на портретѣ художникъ сдѣлалъ вамъ лицо гораздо полнѣе, да и цвѣтъ лица совсѣмъ не тотъ, оно какое-то желтоватое», или: «Волосы у вашего сіятельства совсѣмъ другіе,

да и морщинъ у вашего сіятельства никакихъ нѣтъ, а онъ вонъ какія морщины сдѣлалъ.». и т. д. И вотъ на слѣдующій день послѣ такой экспертизы князь начинаетъ говорить Перову то, что ему сказалъ его камердинеръ или какой нибудь угодливый чиновникъ, и Перовъ, проклиная въ душѣ всѣхъ и вся, принужденъ по вкусу князя портить тонко подмѣченныя характерныя черты и виртуозно вылѣпленныя мѣста.

Мнѣ было извѣстно отъ самого Перова, что онъ началъ писать княжескій портретъ, но ихъ сеансы бывали обыкновенно по окончаніи пріемовъ и, слѣдовательно, когда насъ отпускали съ дежурства, мнѣ не приходилось встрѣчаться съ Василіемъ Григорьевичемъ, чему въ душѣ я былъ очень радъ, такъ какъ мнѣ было бы крайне неловко являться въ ролѣ критика работы своего же преподавателя, но этой моей радости не суждено было быть продолжительной: въ одно изъ моихъ дежурствъ, послѣ того, что князь кончилъ подписывать поданныя ему бумаги, и я уже хотѣлъ уходить, онъ остановилъ меня вопросомъ, видѣлъ ли я его портретъ, а когда я отвѣтилъ, что не видѣлъ его, то сказалъ: «Скоро Перовъ пріѣдетъ, пойдите посмотрите, что онъ дѣлаетъ. Всѣ говорятъ, что я на портретѣ совсѣмъ непохожъ».

Дѣлать было нечего, и я отправился на половину княгини, гдѣ дѣйствительно засталъ уже Перова, приготовляющагося приняться за работу. Когда онъ увидѣлъ меня, на его лицѣ появилось выраженіе неудовольствія, и прежде чѣмъ поздороваться со мной, онъ еще издали встрѣтилъ меня словами:—«Что, и васъ онъ прислалъ меня контролировать? Тутъ, батюшка мой, онъ всѣхъ лакеевъ спрашиваетъ, похожъ ли на него портретъ, а тѣ ему въ угоду говорятъ, что въ натурѣ онъ гораздо моложе. Это прямо чертъ знаетъ что! я не радъ, что взялся его дѣлать; да какъ съ него и писать, когда онъ красится!? вотъ хотя бы волоса,—то они у него одного тона, то другого; я прямо брошу работать, такъ работать я не могу».

Хорошо зная пылкій характеръ Василія Григорьевича, который въ то же время былъ добрѣйшимъ человѣкомъ, я старался его успокоить, и, когда черезъ нѣсколько минутъ пришелъ князь, Перовъ встрѣтилъ его довольно спокойно, хотя въ его живыхъ и умныхъ карихъ глазахъ мелькало хорошо мнѣ знакомое выраженіе неудовольствія, въ особенности, когдя князь при немъ сталъ спрашивать меня, какого я мнѣнія о портретѣ и не нахожу ли, что онъ на немъ выглядитъ старше, чѣмъ въ натурѣ, хотя на самомъ дѣлѣ Перовъ сдѣлалъ его гораздо моложе.

Стараясь быть въ данномъ случаѣ хорошимъ дипломатомъ, я сказалъ, что портретъ мнѣ нравится, и что тѣ рѣзкости, которыя

въ немъ находитъ князь, происходятъ оттого, что онъ еще не вполнѣ законченъ, и что мѣстами краска вжухла;когда же онъ покроется лакомъ, который равномѣрно вызоветъ всѣ тона лица, то этихъ рѣзкостей не будетъ; на самомъ дѣлѣ ихъ и тогда не было, но нельзя же было, чтобы лицо уже почти 70-тилѣтняго старика, даже при помощи самаго искуснаго примѣненія косметическихъ средствъ, походило на лицо 20-тилѣтняго юноши, что очевидно было желательно князю. Когда начался сеансъ, я откланялся и уѣхалъ домой.

На слѣдующій же день я узналъ, что Перовъ бросилъ писать портретъ и пересталъ ѣздить въ генералъ-губернаторскій домъ. Въ ближайшее мое дежурство, когда я явился къ князю съ бумагами для подписи, онъ спросилъ меня: «Почему Перовъ не кончаетъ моего портрета? Онъ, говорятъ, боленъ, поѣзжайте и узнайте, что съ нимъ такое. Всѣ говорятъ, что портретъ не хорошъ».

Ну, подумалъ я, это порученіе еще хуже перваго. Какъ узнаетъ Василій Григорьевичъ, что я посланъ для того, чтобы узнать, дѣйствительно ли онъ боленъ, то онъ еще больше разсердится и не станетъ кончать портрета. Но такъ какъ отказываться я не могъ, то въ тотъ же день поѣхалъ къ Перову. Меня встрѣтила его жена Елисавета Егоровна и на мой вопросъ, могу ли я видѣть Василья Григорьевича, отвѣтила, что онъ боленъ и лежитъ въ постели,—«впрочемъ, сказала она,—я пойду спрошу его, можетъ ли онъ васъ принять».

Черезъ минуту она позвала меня въ спальную, гдѣ я увидѣлъ Перова, лежащаго въ халатѣ на постели; въ глазахъ его бѣгали зловѣщіе огоньки, и мрачное выраженіе лица предвѣщало бурю. Появленіе мое было встрѣчено словами: «Что, онъ прислалъ васъ меня провѣрять? не вѣритъ, что я боленъ. Скажите ему, что я больше къ нему не поѣду и кончать портрета не буду».

Я сѣлъ на стулъ рядомъ съ нимъ и началъ уговаривать его, говоря, что князь вовсе не посылалъ меня за тѣмъ, чтобы провѣрить, боленъ ли онъ, а просилъ меня, зная, что я у него бываю, зайти и узнать, какъ онъ себя чуствуетъ, и что это доказываетъ, насколько онъ къ нему хорошо относится.

«Нечего говорить: хорошее отношеніе! онъ ровно ничего не понимаетъ и слушаетъ всѣхъ, кто бы что ни сказалъ. Нѣтъ, батюшка, не стану я больше съ него писать, я и такъ заболѣлъ отъ всего этого, пускай князь обращается къ кому нибудь другому, а я не поѣду».

Продолжая разговоръ въ томъ же примирительномъ тонѣ я скоро увидѣлъ, какъ мало по малу злобное выраженіе карихъ глазъ смягчилось и, наконецъ, приняло свое обычное добродушное

выраженіе, хотя гнѣвные огоньки и продолжали вспыхивать въ нихъ, когда онъ вспоминалъ всѣ перипетіи писанія этого злосчастнаго портрета. При одной такой вспышкѣ онъ воскликнулъ: «Скажите ему, что если онъ хочетъ, чтобы я кончилъ корпусъ, то пусть присылаетъ за мной свою карету, иначе я не поѣду», но тутъ же самъ улыбнулся своей фантазіи. Теперь я былъ вполнѣ спокоенъ, что онъ окончитъ портретъ и безъ присылки за нимъ княжеской кареты, какъ только поправится отъ простуды.

На слѣдующій день я доложилъ князю, что Перовъ дѣйствительно нездоровъ и что онъ кончитъ портретъ, какъ только поправится, что и произошло черезъ нѣсколько дней. Портретъ былъ оконченъ, и хотя продолжалъ не нравиться князю и его ближайшему антуражу, поддакивавшему ему, какъ это и подобало истымъ куртизанамъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ, оплаченъ и сданъ по назначенію.

Вотъ черезъ какія испытанія приходится проходить художникамъ и какъ мало часто понимаютъ въ искусствѣ лица, принадлежащіе даже къ высшимъ кругамъ общества. Впрочемъ, я не могу не отдать справедливости князю Долгорукову, что хотя онъ имѣлъ своеобразныя понятія объ исскусствѣ, тѣмъ не менѣе, будучи предсѣдателемъ Московскаго художественнаго общества, основавшаго и поддерживавшаго Московскую школу живописи, ваянія и задчества, онъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вмѣшательство его могло быть полезно для учащейся въ ней молодежи, бралъ ея сторону и отстаивалъ ея интересы, даже наперекоръ рѣшенію совѣта. Такъ исключительно его настоянію ученики школы были обязаны, что имъ разрѣшили устраивать ежегодно выставку ихъ работъ въ помѣщеніи школы.

Н. Шатиловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ недавняго прошлаго [1]).

IV.

I. Н. Шатиловъ.—Московское общество сельскаго хозяйства. — Н. В. Верещагинъ.—Нравы свѣтскаго общества въ 70 г.г.—Спиритизмъ.—У Л. Н. Толстого.

Начало 70-хъ годовъ было временемъ пробужденія усиленной дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ: у всѣхъ чувствовалась потребность къ переустройству всего на новый ладъ послѣ застоя, царившаго во время крѣпостного права. Не мало содѣйствовало повсемѣстному пробужденію жизни въ глухой провинціи проведеніе желѣзныхъ дорогъ и развитіе всевозможныхъ предпріятій и акціонерныхъ обществъ. Помѣщики старались перейти къ новымъ способамъ хозяйства, послѣднее впрочемъ не всѣмъ и не всегда удавалось. Большинство, проживъ деньги, полученныя за размѣнъ выкупныхъ свидѣтельствъ, которые они вначалѣ мѣняли съ потерей до 18 процентовъ, ускорили еще свое разореніе, благодаря неопытности въ веденіи хозяйства или начиная предпріятія, о которыхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія. Эти неудачныя попытки живо описаны у Сергѣя Атавы въ его Оскудѣніи, но рядомъ съ этими неудачными попытками и нелѣпыми предпріятіями, шла серьезная работа. Сельско-хозяйственныя общества проявляли усиленную дѣятельность, возникали новыя отрасли хозяйства: молочное дѣло, сыровареніе и сахарные заводы. Въ Петербургѣ былъ устроенъ Черняевымъ сельско-хозяйственный музей, появились склады земледѣльческихъ машинъ и орудій и начали устраивать сельско-хозяйственныя выставки.

---

[1]) См. Гол. Мин. №№ 1, 4, 5—6. 7—8, 9.

Какъ разъ ко времени развитія всеобщаго интереса къ сельскому хозяйству относится и выборъ моего отца въ президенты Московскаго общества сельскаго хозяйства. Постъ этотъ онъ занималъ до своей кончины; онъ умеръ почти наканунѣ празднованія 25-лѣтняго юбилея своей предсѣдательской дѣятельности.

Вице-предсѣдателемъ общества былъ тогда Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, а секретаремъ Горбуновъ, оба они служили въ Удѣльномъ вѣдомствѣ, но хотя отецъ мой обладалъ весьма обширными для того времени агрономическими познаніями и заслужилъ всеобщую извѣстность, онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ ошибокъ, неблагопріятно отозвавшихся на нашихъ дѣлахъ; ошибки эти были неизбѣжны и вызваны совокупностью обстоятельствъ и условій того времени.

Первою такой ошибкой былъ вывозъ нѣмцевъ для Крымскаго имѣнія, второю—устройство фермъ на бельгійскій ладъ съ бельгійскими рабочими въ Тульской губерніи. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Пріѣхалъ въ Москву бельгіецъ m-r Арондаръ, ученый агрономъ. Не знаю, какимъ образомъ познакомился онъ съ бывшимъ гувернеромъ моего отца Вильдомъ, который въ свою очередь познакомилъ его съ моимъ дѣдомъ Иваномъ Васильевичемъ, находившимся въ то время въ Москвѣ. Арондаръ былъ видный мужчина съ располагающей въ его пользу наружностью и большимъ апломбомъ. Онъ вѣроятно зналъ свое дѣло, какъ оно примѣнялось въ Бельгіи. Дѣдушка, поддавшись его убѣжденіямъ, уѣзжая весной изъ Москвы въ имѣніе, взялъ его съ собой. Въ Моховомъ Арондаръ, обладавшій способностью убѣдительно говорить, сумѣлъ обворожить моего отца, и было рѣшено воспользоваться однимъ оставшимся послѣ надѣла крестьянъ запольнымъ участкомъ земли, въ количествѣ 500 десятинъ, чтобы создать въ немъ образцовую ферму наподобіе бельгійской.

Такъ какъ въ то лѣто мы уѣзжали въ Крымъ, то отецъ мой пригласилъ и Арондара поѣхать вмѣстѣ съ нами, на что послѣдній съ удовольствіемъ согласился. Я помню, что во время этой поѣздки, которую мы совершали еще на лошадяхъ, его удивляла наша запряжка цугомъ съ форейторомъ, и онъ увѣрялъ, что и бельгійскій король такъ не ѣздитъ.

Хотя за время этого нашего пребыванія въ Тамакѣ выяснилась вся непригодность вывезенныхъ изъ Баваріи рабочихъ, половина которыхъ успѣла уже разойтись, а остальные были уволены при насъ, тѣмъ не менѣе проектъ выписки бельгійцевъ остался въ своей силѣ, и когда мы осенью вернулись обратно въ Моховое, то было приступлено, подъ руководствомъ Арондара, къ постройкѣ

временныхъ бараковъ на избранномъ для фермы участкѣ, носившемъ названіе Каменный бугоръ. Было выбрано и мѣсто, гдѣ должно было быть построено настоящее зданіе фермы, планъ которой Арондаръ долженъ былъ привезти къ веснѣ изъ Бельгіи вмѣстѣ съ нанятымъ тамъ штатомъ служащихъ и рабочихъ.

Уѣхавъ въ Бельгію позднею осенью, Арондаръ вернулся къ веснѣ, привезя съ собой бухгалтера Грегуара, старосту или, какъ онъ его называлъ, chef de culture Видара, пріѣхавшаго вдвоемъ со своимъ братомъ, овцевода Жазона, конюха Генри и еще десятокъ бельгійскихъ рабочихъ, а также цѣлый транспортъ машинъ сельско-хозяйственныхъ орудій и конскихъ и воловьихъ сбруй. Нечего и говорить, что этотъ пріѣздъ чужеземцевъ съ ихъ различными новшествами былъ встрѣченъ очень недружелюбно со стороны мѣстныхъ жителей и старыхъ служащихъ, отнесшихся очень скептически къ этой, какъ они считали, барской затѣѣ, каковою предпріятіе это въ дѣйствительности въ концѣ концовъ и оказалось.

Не прошло и года, и не успѣли еще достроить начатое каменное зданіе фермы по планамъ, составленнымъ Арондаромъ, какъ у него стали возникать разныя столкновенія съ привезенными имъ рабочими, изъ которыхъ многіе оказались горькими пьяницами и буянами; этими свойствами особенно отличался уже пожилой рабочій, типъ бельгійскаго блузника, котораго называли le père Hanrot. Этотъ папа Ганротъ, напиваясь пьянымъ, гонялся съ ножемъ за другими и производилъ всякія безчинства, почему и былъ ликвидированъ однимъ изъ первыхъ. Относясь свысока къ крестьянамъ сосѣднихъ деревень и ухаживая за ихъ бабами и дѣвушками, бельгійцы вскорѣ возстановили ихъ противъ себя, стали происходить драки и поступать жалобы; впрочемъ среди бельгійцевъ были и хорошіе люди; къ числу послѣднихъ принадлежалъ Грегуаръ, весьма порядочный и воспитанный молодой человѣкъ, оба брата Видары и овцеводъ Жазонъ, человѣкъ тихій и скромный, занятый исключительно своимъ дѣломъ. Что касается самого Арондара, то и онъ былъ недурной человѣкъ, но обладалъ большимъ самомнѣніемъ и относился очень свысока къ мѣстному населенію, считая его за какую-то низшую расу, распоряжаться которой можно только при посредствѣ кнута, и въ его разговорахъ, а также и на дѣлѣ его бичъ «le long fouet», какъ онъ его называлъ, игралъ немалую роль, не взирая на предостереженія моего отца и матери, которые никогда не были сторонниками такихъ расправъ, даже и во время крѣпостного права. Впрочемъ подвиги длиннаго кнута прекратились довольно скоро послѣ того, какъ Арондара за такую расправу поколотили

сосѣдніе мужики деревни Носоновки. Произошло это слѣдующимъ образомъ: доложили ему, что носоновскіе крестьяне, выѣхавшіе косить на смежный съ нашей землей сѣнокосъ, перепустили за нашу межу своихъ лошадей. Яковъ Варѳоломѣевичъ,—такъ окрестили Арондара на русскій ладъ,—велѣлъ немедленно осѣдлать себѣ лошадь и, вооружившись своимъ длиннымъ кнутомъ и револьверомъ, взявъ съ собою еще кого-то изъ своихъ бельгійцевъ, поскакалъ къ мѣсту сѣнокоса. Мужики, увидя издали скачущихъ французовъ, какъ они ихъ называли, стали конечно сгонять своихъ лошадей съ нашей стороны луга, но Арондаръ тѣмъ не менѣе произвелъ на нихъ кавалерійскую атаку, при которой былъ пущенъ въ ходъ le long fouet. Мужики, сознавая, что сила на ихъ сторонѣ, вмѣсто того, чтобы обратиться въ бѣгство, встрѣтили атакующихъ вилами и дали имъ такой энергичный отпоръ, что французы, разбитые на голову, обратились въ бѣгство. Выраженіе «разбитые на-голову» здѣсь вполнѣ умѣстно, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ пострадали не только бока и спина Арондара, но и его большой энергичный орлиный носъ, получившій здоровую ссадину, принудившую его обладателя потомъ долго ходить съ пластыремъ на немъ. Это неудачное дѣло съ носоновскими крестьянами имѣло ту хорошую сторону, что значительно успокоило воинственный пылъ Арондара и заставило его забыть о своемъ long fouet, чуть было не доведшимъ его до бѣды, ибо, не ускачи онъ тогда отъ разъяренныхъ мужиковъ, они пожалуй уходили бы его до смерти.

Въ другой разъ вздумалось ему испытать смѣлость и бдительность нанятаго имъ сторожа, изъ отставныхъ солдатъ еще николаевскаго времени, котораго онъ поставилъ сторожить ночью накопанную съ вечера кормовую свеклу, которую не успѣлъ до ночи перевезти на ферму. Позвавъ съ собой Грегуара, они оба одѣлись привидѣніями: надѣли на себя бѣлыя простыни и поставили на головы пустыя тыквы съ вырѣзанными въ нихъ страшными лицами и вставленными внутрь зажженными огарками, а для того, чтобы еще болѣе усилить страшное впечатлѣніе, которое желали произвести, нацѣпили на себя желѣзныя плужныя цѣпи, бряцавшія при ходьбѣ. Въ такомъ видѣ, никѣмъ не замѣченные, отправились они къ сосѣднему небольшому лѣсу, за которымъ находилось поле, гдѣ сторожъ, сидя у разведеннаго костра, караулилъ накопанную свекловицу. Замѣтивъ появившіяся странныя фигуры, солдатъ еще издали окликнулъ ихъ, а когда онѣ, не взирая на этотъ окликъ, молча стали приближаться къ нему, то онъ, не долго думая, схватилъ бывшій при немъ желѣзный ломъ и пошелъ навстрѣчу къ подходившимъ. Увидя, что тутъ шутки

плохія, привидѣнія бросились бѣжать со всѣхъ ногъ къ лѣсу, обронивъ на мѣстѣ происшествія свои тыквенныя головы; при бѣгствѣ, какъ они потомъ говорили, имъ не мало мѣшали навѣшанныя на нихъ цѣпи.

Любя пугать другихъ, самъ Аронларъ при этомъ былъ очень суевѣрнымъ человѣкомъ и боялся привидѣній. Въ это время умеръ старикъ Егоръ Ивановичъ Гибсенъ, завѣдывавшій нашимъ Паньковскимъ коннымъ заводомъ, незадолго передъ тѣмъ ликвидированнымъ моимъ отцомъ, отчасти по совѣту Аронларa, убѣждавшаго его завести вмѣсто рысистыхъ лошадей тонкорунное овцеводство. Приписывая смерть Гибсена уничтоженію завода, Аронларъ увѣрялъ, что духъ Гибсена по ночамъ приходитъ на террасу передъ его квартирой и стонетъ и охаетъ; поэтому, боясь оставаться ночью одинъ, онъ клалъ спать на полу въ своей комнатѣ кого-нибудь изъ служащихъ.

Какъ я уже говорилъ выше, въ первый же годъ нѣкоторые изъ привезенныхъ бельгійцевъ были отправлены обратно самимъ же Аронларомъ, а къ концу второго года остались только младшій изъ братьевъ Видаровъ и Жазонъ, которые прослужили у насъ довольно долго, что же касается самого Аронларa, то онъ, проживъ у насъ нѣсколько лѣтъ, женился на сестрѣ сосѣдняго помѣщика Федора Ивановича Данилова и, отойдя отъ насъ, снялъ въ аренду землю у княгини Кочубей, гдѣ впослѣдствіи завелъ конскій заводъ чистокровныхъ арденовъ или першероновъ, точно не помню. Заводъ этотъ пользовался извѣстностью и получалъ награды на конскихъ выставкахъ. Что касается Грегуара, то онъ, перенеся сильный тифъ, вскорѣ послѣ этой болѣзни вернулся въ Бельгію и поступилъ на службу въ Брюсселѣ въ какое-то торговое дѣло.

За это же время былъ выстроенъ въ Моховомъ новый двухъэтажный домъ; постройкой этой завѣдывала главнымъ образомъ моя мать: она составляла для него планы и обдумывала всякую подробность его постройки. Въ этой работѣ ей помогалъ нашъ доморощенный техникъ, механикъ и строитель, Михаилъ Гордѣевичъ Покатаевъ. Онъ былъ изъ нашихъ крѣпостныхъ людей и отличался своей даровитостью; если бы этому человѣку дано было образованіе, то онъ вѣроятно былъ бы знаменитымъ архитекторомъ или механикомъ. Въ то время у насъ было нѣсколько такихъ талантливыхъ служащихъ по разнымъ отраслямъ: такъ нѣкій Николай Васильевичъ Кузнецовъ было прекраснымъ землемѣромъ и чертежникомъ, рисовавшимъ очень хорошо планы; эти люди были учениками покойнаго Франца Христіановича Мейера, обязанные своими познаніями этому замѣчательному человѣку.

Къ сожалѣнію Михаилъ Гордѣевичъ имѣлъ слабость къ водкѣ, такъ что одно время его пришлось совсѣмъ уволить, тогда онъ поѣхалъ къ князю Голицыну, тому самому, въ имѣніи котораго началъ свою службу Мейеръ. Князь Голицынъ, тогда уже старикъ, лечилъ отъ запоя и дѣйствительно на время вылечилъ и Покатаева, который послѣ его леченія много лѣтъ не пилъ и какъ разъ поступивъ къ намъ въ этотъ періодъ, строилъ Моховскій домъ. Съ окончаніемъ этой постройки и съ уничтоженіемъ стараго дома, столь оригинальнаго и своеобразнаго, измѣнился не только наружный видъ Мохового, но и весь строй жизни. Началась какъ-бы новая эра, точно вмѣстѣ со старымъ домомъ канули въ вѣчность и старые порядки и старыя традиціи. Многіе изъ старыхъ служащихъ тогда уже умерли, другіе состарились и жили на покоѣ, будучи замѣнены новыми, молодыми, съ иными взглядами и понятіями.

---

20 декабря 1870 г. праздновался 50-тилѣтній юбилей Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства.

Личныя дѣла и пребываніе наше въ Крыму не позволяли отцу принимать активнаго участія въ дѣятельности Общества до 1860 года, въ 1860 году онъ выступилъ въ Обществѣ съ докладомъ о вольно-наемномъ трудѣ, являвшимся необходимымъ послѣдствіемъ уничтоженія крѣпостного права и насущной потребностью для наступающей новой эры экономической жизни страны. Предвидя недоразумѣнія, которыя необходимо будутъ происходить при этихъ новыхъ непривычныхъ отношеніяхъ между работодателями и нанимаемыми ими рабочими, онъ тогда еще предлагалъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ правилъ о взаимныхъ отношеніяхъ, правахъ и обязанностяхъ между рабочими и хозяевами и о введеніи утверждаемыхъ правительствомъ расчетныхъ книжекъ для рабочихъ, могущихъ имъ замѣнять паспорта. Онъ говорилъ и о необходимости открытія правительствомъ кредита для нуждъ сельскаго хозяйства. Всѣ эти вопросы являлись тогда назрѣвшими и злободневными. Экономическое положеніе страны и ея земледѣльческаго населенія могло бы быть совсѣмъ иное, если бы правительство тогда обращало больше вниманія на требованія, выдвигаемыя жизнью.

Уже тогда онъ сталъ проводить мысль о необходимости для страны въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ низшихъ, такъ равно и высшихъ.

Наряду съ вопросомъ о сельско-хозяйственныхъ школахъ былъ возбужденъ отцомъ и вопросъ объ устройствѣ въ различ-

ныхъ мѣстностяхъ Россіи опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій или, какъ онъ ихъ тогда называлъ, учебныхъ фермъ, гдѣ бы наглядно демонстрировались усовершенствованные пріемы хозяйства, свойственные данной мѣстности; по этому поводу онъ дѣлалъ докладъ въ Обществѣ въ 1862 году, но тогда его не слушали, и первая такая станція была устроена правительствомъ тридцать съ лишнимъ лѣтъ спустя, когда отца уже не было въ живыхъ, на участкѣ земли, переданномъ казнѣ моимъ братомъ, при его имѣніи Моховомъ и носящемъ названіе «Шатиловской опытной станціи».

Въ 1865 г. отецъ былъ избранъ президентомъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства и съ этого времени всецѣло посвятилъ себя служенію русскому сельскому хозяйству, возбуждая постоянно вопросы въ О-вѣ, имѣющіе для него жизненное значеніе. Такъ онъ указывалъ на безотлагательную потребность скорѣйшаго проведенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, не имѣющихъ исключительно лишь стратегическаго значенія, а долженствующихъ удовлетворять сельско-хозяйственныя и коммерческія нужды населенія и заявлялъ о необходимости созданія отдѣльнаго Министерства Земледѣлія.

Не мало труда и времени посвятилъ онъ народному образованію; комитету грамотности, состоящему при Обществѣ, обязана Россія возникновенію народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, а равно и изданію учебниковъ и правильной постановки дѣла обученія.

Вотъ что говорится въ адресѣ отъ членовъ комитета грамотности, предназначенномъ къ 25-тилѣтнему юбилею президенства моего отца, который долженъ былъ праздноваться 7 января 1890 г., и до котораго ему не суждено было дожить всего только нѣсколько дней.

«Въ 1845 году былъ открытъ при М. О. С. Х. комитетъ грамотности, поставившій для себя цѣлью распространять мысль о необходимости для народа грамотности и соединеннаго съ нею религіозно-нравственнаго просвѣщенія и при томъ не только для мужскаго, но и женскаго населенія; но не скоро эта живая и новая мысль сдѣлалась общимъ достояніемъ. Только съ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ обновленіемъ народной жизни, дарованіемъ возможной свободы, съ учрежденіемъ земства, движеніе въ пользу всеобщаго народнаго просвѣщенія проявилось во всей силѣ, послышались голоса о заведеніи школъ, объ учителяхъ для нихъ, о лучшихъ методахъ обученія и, такъ какъ ничего этого не было, то и не знали, какъ приняться за дѣло. Въ это время великую службу народному образованію сослужилъ Московскій комитетъ грамотности, руководимый президентомъ М. О. С. Х.,

достоуважаемымъ нашимъ юбиляромъ Іосифомъ Николаевичемъ Шатиловымъ. Нѣсколько лѣтъ неутомимой, неослабной дѣятельности Іосифа Николаевича положили начало тому широкому и плодотворному развитію народнаго образованія, какое мы видимъ теперь въ земскихъ школахъ. Живая, кипучая дѣятельность комитета грамотности въ то время была возбуждаема непосредственнымъ, неутомимымъ личнымъ воздѣйствіемъ нашего достоуважаемаго предсѣдателя. Прежде всего нужно было создать учителей для народныхъ школъ; при участіи и содѣйствіи комитета грамотности составленъ проектъ Московской учительской семинаріи, послужившій примѣромъ и образцомъ для другихъ иногороднихъ семинарій. Но время не терпѣло, нужны были сейчасъ учителя; комитетъ грамотности выработалъ программу по всѣмъ предметамъ народной школы, составилъ руководства, указалъ новѣйшіе облегченные методы для преподаванія, для подготовки учителей по выработаннымъ методамъ и программамъ; комитетъ предложилъ земствамъ открыть педагогическіе курсы, на которые и назначилъ своихъ членовъ для руководства и ознакомленія съ новою постановкою учебнаго дѣла. Всѣ эти мѣропріятія были вполнѣ успѣшны: очень важнымъ факторомъ въ дѣлѣ народнаго образованія было признано комитетомъ наглядное обученіе и туманныя картины. Комитетъ составилъ и напечаталъ картины для объяснительнаго чтенія, для преподаванія Закона Божьяго, русской исторіи и къ картинамъ издалъ руководства съ текстомъ. Для туманныхъ картинъ была выработана программа картинъ изъ священной, церковной и русской гражданской исторіи.

Въ первый разъ туманныя картины съ объяснительнымъ текстомъ были показаны во время политехнической выставки, на которую со всей Россіи съѣхались начальники учебныхъ заведеній, учителя и законоучителя. Въ то же время съѣхавшемуся учебному персоналу членами комитета были объясняемы методы преподаванія и способы пользованія картинами для наглядnаго обученія. Кромѣ этого, комитетъ озаботился и выборомъ книгъ для внѣкласснаго чтенія и составленъ былъ нормальный каталогъ по всѣмъ предметамъ знаній, доступныхъ простому человѣку.

Такимъ образомъ, Московскій комитетъ грамотности, благодаря неутомимому просвѣщенному руководительству своего предсѣдателя, выполнилъ многотрудную свою задачу и безъ преувеличенія можно сказать, вызвалъ къ жизни тѣ народныя школы, какія мы видимъ теперь широко распространенными по лицу земли русской».

Еще болѣе непосредственное и живое участіе въ развитіи

школьнаго дѣла принималъ отецъ въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Онъ не только на свой счетъ выстроилъ, обставилъ и содержалъ двѣ школы въ обоихъ своихъ имѣніяхъ въ Тульской губерніи и третью въ крымскомъ, но и заботился о постоянномъ увеличеніи числа школъ въ уѣздѣ, лично ежегодно объѣзжалъ ихъ, присутствовалъ на экзаменахъ и заботился о подборѣ хорошихъ учителей и объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія, которое вначалѣ было очень плохо, такъ какъ земство не имѣло еще достаточныхъ средствъ, а крестьяне относились несочувственно къ обученію ихъ дѣтей, считая ихъ помощь въ хозяйствѣ полезнѣе грамотности, вслѣдствіе чего не только не посылали своихъ дѣтей въ школы, но сплошь и рядомъ не выполняли взятыхъ на себя обязательствъ по уплатѣ жалованья учителямъ, доставкѣ отопленія и ремонту въ школьныхъ помѣщеніяхъ.

Сельскіе учителя этого времени часто являлись положительно мучениками: имъ приходилось существовать впроголодь на гроши, которые еще при этомъ платились крайне неаккуратно, жить въ помѣщеніяхъ, сквозь стѣны и окна которыхъ набивался снѣгъ во время зимнихъ мстелей, а лѣтомъ проникалъ дождь, безъ топлива, такъ что во время занятій учителю и ученикамъ приходилось сидѣть въ полушубкахъ.

Я знаю случай, когда инспекторъ народныхъ училищъ, пріѣхавъ зимой въ одну изъ такихъ сельскихъ школъ, засталъ учителя, дающаго урокъ изъ русской печки, куда залѣзъ отъ холода, царящаго въ классѣ. Сопутствуя иногда отца въ его объѣздахъ, я помню то удручающее своею безотрадностью впечатлѣніе, которое производили нѣкоторыя училища въ глухихъ деревняхъ. Они часто помѣщались въ полусгнившихъ церковныхъ сторожкахъ или приспособленныхъ подъ школу старыхъ общественныхъ амбарахъ, съ крошечными тусклыми окнами, сплошь запушенными толстымъ слоемъ инея, который бѣлѣлъ по пазамъ стѣнныхъ бревенъ, черныхъ отъ копоти, съ грязными, кое-какъ сколоченными столами и лавками и съ блѣдной и изможженной фигурой учителя, ежащейся отъ холода въ какомъ-нибудь старомъ пальтишкѣ.

Да, эти первые учителя нашихъ сельскихъ школъ были по истинѣ мучениками, сколько изъ нихъ не выдержало и умерло отъ чахотки и другихъ болѣзней, пріобрѣтенныхъ благодаря невозможнымъ условіямъ жизни, голоду и холоду.

Отецъ всячески старался улучшить ихъ положеніе, настаивалъ на постройкѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію школьныхъ помѣщеній, на увеличеніи имъ жалованья и на выдачѣ

имъ наградныхъ. Къ концу своей жизни онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть плоды своихъ трудовъ.

Новосильскій уѣздъ былъ однимъ изъ первыхъ не только по количеству имѣющихся въ немъ школъ, но и по тому, какъ въ нихъ велось преподаваніе и какъ въ нихъ были обставлены учителя, жалованье которымъ съ первоначальныхъ 80 и 100 рублей въ годъ возрасло до 300 и 400 рублей.

Въ 1866 г. отецъ возбуждаетъ въ М. О. С. Х. вопросъ о сохраненіи лѣсовъ, которые до тѣхъ поръ нещадно уничтожались.

Искусственное лѣсонасажденіе, начатое въ нашихъ имѣніяхъ Францемъ Христіановичемъ Мейеромъ, продолжалось отцомъ моимъ постоянно.

Вотъ какъ отзывался о его дѣятельности предсѣдатель Московскаго лѣснаго общества, профессоръ Петровской академіи Н. К. Турскій въ своей рѣчи на засѣданіи М. О. С. Х. 19 января 1890 г., посвященномъ памяти отца.

«Іосифъ Николаевичъ путемъ печати и своимъ собственнымъ примѣромъ вызвалъ въ сельскомъ хозяйствѣ серьезное отношеніе къ лѣсу: онъ открылъ широко двери своего имѣнія для желающихъ ознакомиться въ немъ съ результатами по лѣсоразведенію. Іосифъ Николаевичъ давалъ возможность учиться у него въ его имѣніи лѣсоводству многимъ питомцамъ Петровской академіи, пріѣзжавшимъ для этого въ Моховое или въ одиночку или группами съ профессорами своими. Всѣ эти лица распространяютъ теперь по Россіи лѣсоводственныя знанія, добытыя у знатока лѣсоводства Іосифа Николаевича въ Моховомъ».

Но какъ и во всемъ, въ чемъ требовалось со стороны правительства его вмѣшательство для проведенія въ законодательномъ порядкѣ мѣропріятій, клонящихся къ улучшенію экономическаго положенія страны, приходилось встрѣчаться съ его индеферентнымъ отношеніемъ къ самымъ насущнымъ потребностямъ сельскаго хозяйства, такъ и въ дѣлѣ охраненія лѣсовъ правительство не спѣшило обратить на нихъ своего вниманія, и лѣсоохранительные законы появились только много лѣтъ спустя послѣ того, какъ лѣса были почти уже совсѣмъ истреблены въ центральныхъ губерніяхъ.

Съ начала 60-хъ г.г. М. О. С. Х. начинаетъ обращать серьезное вниманіе на скотоводство и молочное хозяйство. Николай Васильевичъ Верещагинъ, братъ извѣстнаго художника, при своемъ многотрудномъ начинаніи создать въ Россіи раціональное молочное хозяйство, развить сыроваренное дѣло и организовать торговлю молочными продуктами, встрѣтилъ въ отцѣ живое сочувствіе.

По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ Николай Васильевичъ

на практикѣ изучалъ маслодѣліе и сыровареніе, отецъ ссудилъ его деньгами изъ собственныхъ средствъ для начала дѣла и принялъ личное участіе въ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью выдавать ссуды на устройство крестьянскихъ молоченъ и сыроваренъ.

Во время своего пребыванія за границей Верещагинъ, изучая сыровареніе и маслодѣліе, въ то же время старался организовать сбытъ нашихъ молочныхъ продуктовъ на иностранные рынки, при чемъ оказалось, что для этого надо совершенно измѣнить существовавшіе у насъ способы приготовленія масла, замѣнивъ ихъ гольштинскимъ способомъ. Съ цѣлью дать возможность желающимъ изучить европейскіе пріемы въ обработкѣ молочныхъ продуктовъ, имъ была открыта первая въ Россіи школа маслодѣлія и сыроваренія въ селѣ Едимоновѣ, Карачевскаго уѣзда, Тверской губерніи. Кромѣ того онъ предлагалъ М. О. С. Х. открыть при комитетѣ скотоводства ссудную кассу для содѣйствія крестьянамъ въ устройствѣ артельныхъ сыроваренъ, но проектъ этотъ, хотя и былъ сочувственно принятъ Обществомъ, не былъ разрѣшенъ нашимъ правительствомъ, которое во всякомъ благомъ начинаніи, во всякомъ проявленіи самодѣятельности усматривало крамолу и вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу требованіямъ времени, всячески задерживало, какъ умственное, такъ и матеріальное развитіе народа.

Дѣло, начатое Н. В. Верещагинымъ, разрослось теперь въ громадное многомилліонное дѣло, дающее благосостояніе цѣлымъ мѣстностямъ Россіи.

Не взирая на то, что правительство не разрѣшило Обществу открытія вышеупомянутой ссудной кассы, артельное сыровареніе стало все-таки развиваться, благодаря примѣру Едимоновской школы, и уже въ 1870 году одинъ изъ первыхъ учениковъ Верещагина, В. И. Бландовъ, дѣлалъ докладъ о возможности широкаго развитія артельнаго молочнаго хозяйства въ губерніяхъ Ярославской, Вологодской и Костромской. Въ этомъ докладѣ онъ указалъ на достоинства мѣстныхъ породъ скота, и съ этихъ поръ началась слава Ярославской молочной породы.

Въ это же время въ Обществѣ много занимались разными вопросами по овцеводству, и по иниціативѣ Общества было выписано изъ Ташкента первое небольшое стадо чистокровныхъ каракулевыхъ овецъ, разводимыхъ теперь въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ хозяйствахъ, какъ напр. въ Атманаѣ, имѣніи Николая Амедеевича Филибера, находящемся въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

До 60-хъ годовъ сельскохозяйственнымъ обществамъ не позволялось касаться многихъ вопросовъ, обсуждать которые считалось

дѣломъ не компетенціи общества, а правительства, и обществамъ ставилось въ вину, если они позволяли себѣ затрагивать такіе вопросы, какъ конокрадство, лѣсныя порубки или говорить о падежахъ скота и мѣрахъ, принимаемыхъ администраціей и полиціей къ ихъ предупрежденію и пресѣченію. Не разрѣшалось и обсужденіе вопросовъ, относящихся къ организаціи спеціальныхъ кредитныхъ учрежденій, долженствующихъ удовлетворять нуждамъ сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, самые существенные вопросы, выдвигаемые жизнью, считались запретными.

Отцу моему пришлось бороться, чтобы хоть отчасти или въ далекомъ будущемъ достигнуть намѣченныхъ результатовъ. За первоначальнымъ очарованіемъ и рядомъ свѣтлыхъ надеждъ, въ лучахъ которыхъ начиналось царствованіе Александра II, довольно скоро наступило время общаго разочарованія на всѣхъ поприщахъ дѣятельности пробудившейся было къ новой жизни Россіи. Очень скоро страна увидѣла себя обманутой въ своихъ надеждахъ, и мало-по-малу терялась вѣра въ это свѣтлое будущее, а съ нею и интересъ къ дѣлу и работѣ, у многихъ опускались руки. Настойчивость и энергія уступили мѣсто индиферентизму. Большая заслуга отца заключается именно въ томъ, что онъ сумѣлъ, не взирая на всѣ встрѣчавшіяся препятствія, поддержать во всѣ 25 лѣтъ своего президенства бодрый духъ въ Обществѣ, его прогрессивныя стремленія и культурную работу для развитія и улучшенія отечественнаго сельскаго хозяйства, а съ нимъ вмѣстѣ и экономическаго благосостоянія страны.

Возвращаюсь вновь къ московской жизни 70-хъ годовъ и скажу, что въ то время въ хорошихъ семьяхъ старались развивать въ дѣтяхъ порядочность, уваженіе къ старшимъ и иныя добродѣтели, совершенно оставляя въ сторонѣ развитіе практическаго духа и самодѣятельности.

Благодаря такому воспитанію подъ родительскими крылышками выходили люди, неподготовленные не только къ жизненной борьбѣ, но и къ борьбѣ съ самими собою и со своими страстями.

Преслѣдованіе въ то время правительствомъ всякихъ болѣе или менѣе возвышенныхъ стремленій молодежи поневолѣ толкало ее къ пустому времяпрепровожденію и заставляло расходовать избытокъ жизненной энергіи на кутежи, женщинъ и свѣтскіе выѣзды, но такъ какъ послѣдніе скоро надоѣдали, то оставались первые, въ особенности женщины, и при томъ въ большинствѣ случаевъ не романическія увлеченія, а исключительно физическое половое удовлетвореніе. Какъ многіе изъ тогдашней молодежи, и я не

избѣгнулъ этихъ соблазновъ и предавался культу богини любви съ тѣмъ увлеченіемъ, которое свойственно извѣстному возрасту. Въ объектахъ для этого и въ удобствахъ недостатка не было. Въ особенности излюбленной нами, я говорю нами, такъ какъ ее посѣщалъ извѣстный кружокъ молодежи, къ которому принадлежалъ и я, была одна посредница, нѣкая Прасковья Филипповна, жена купца, покинувшая своего мужа и занявшаяся сводничествомъ. Это была еще молодая и довольно красивая женщина, бывшая на содержаніи тоже у купца и въ то же время занимавшаяся тѣмъ, что знакомила своихъ посѣтителей съ женщинами, искавшими знакомства. Такихъ женщинъ, какъ Прасковья Филипповна, было нѣсколько: между прочимъ, и нѣкая Мавра Петровна, но та была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Эта «Мавра», какъ ее называли, была здоровенная русская баба, обращавшаяся со своими посѣтителями запросто. Всего оригинальнѣе было то, что, занимаясь такимъ не душеспасительнымъ дѣломъ, она въ то же время была очень набожна и подъ праздникъ не пускала къ себѣ посѣтителей.

Но изъ всѣхъ этихъ особъ Прасковья Филипповна пользовалась самой большой и лучшей репутаціей. Это была особа съ нѣкоторымъ образованіемъ, она кончила женскую гимназію, была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи своимъ содержателемъ, а потому не обижала своихъ кліентокъ и не выманивала подъ всякими предлогами денегъ у посѣтителей. У нея существовала извѣстная такса, свыше которой она не брала, и знакомила своихъ посѣтителей только съ женщинами, которыхъ хорошо знала и за здоровье которыхъ ручалась.

Кутежи тогда были излюбленнымъ занятіемъ какъ дворянства, такъ равно и богатаго купечества и фабрикантовъ; изъ послѣднихъ въ то время особенно усердно подвизался на этомъ поприщѣ фабрикантъ Хлудовъ, у котораго имѣлся даже собственный гаремъ. Что касается дворянства, то помѣщики, пріѣзжавшіе въ Москву, въ особенности изъ Приволжскихъ губерній, тоже не упускали случая развернуться и показать свою широкую натуру. Когда они пріѣзжали въ губернскій городъ, насидѣвшись въ своихъ имѣніяхъ и, заставъ трактиры и рестораны уже закрытыми въ виду поздняго ночного времени, они нерѣдко ѣхали прямо къ полицмейстеру, будили его, забирали съ собой, и этотъ представитель власти, не меньше ихъ любившій кутежи, приказывалъ открывать трактиръ или ресторанъ, особенно излюбленный компаніей, распоряжался о доставленіи цыганъ, и начинался кутежъ, длившійся иногда съ небольшими перерывами для необходимаго отдыха нѣсколько дней подрядъ.

Одинъ мой знакомый помѣщикъ изъ Поволжья, пріѣзжая въ Москву, первымъ дѣломъ собиралъ нѣсколько знакомыхъ и затѣмъ предпринималъ объѣздъ ресторановъ. Обыкновенно начиналось съ обѣдовъ и ужиновъ въ Эрмитажѣ, у Тѣстова или въ Московскомъ трактирѣ и затѣмъ нанималась тройка и ѣхали доканчивать ночь за городъ въ Стрѣльну или Яръ, при этомъ онъ всегда на время своего пребыванія въ Москвѣ обзаводился женщиной. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ онъ увезъ изъ шведскаго хора, пѣвшаго тогда въ Стрѣльнѣ, очень хорошенькую шведку, не говорящую ни слова но-русски. Изъ-за этого чуть не вышла пренепріятная исторія, такъ какъ антрепренеръ этого хора сталъ разыскивать похищенную у него артистку и, не знаю уже какъ, разыскавъ ее, сталъ требовать ея возвращенія въ хоръ, но оно совершилось только послѣ отъѣзда моего знакомаго изъ Москвы. Такого рода похищенія изъ хора артистокъ или цыганокъ доставляли многимъ особое удовольствіе. Это считалось проявленіемъ особаго молодечества и составляло извѣстнаго рода спортъ.

Распущенности нравовъ отчасти содѣйствовало само общество, въ которомъ не было свободнаго простого общенія между дѣвушками и молодыми людьми. Стоило молодому человѣку нѣсколько разъ побывать въ домѣ, гдѣ были барышни, какъ начинались разговоры о томъ, что онъ должно быть имѣетъ виды на одну изъ нихъ. На него начинали смотрѣть, какъ на жениха, и матери поручали кому-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ или родственниковъ узнать у молодого человѣка, каковы его намѣренія, а если никакихъ намѣреній не оказывалось, то считали, что его частыя посѣщенія компрометируютъ дѣвушку. Такое отношеніе и взгляды общества поневолѣ раздѣляли молодежь на два лагеря и заставляли молодыхъ людей искать общества женщинъ полусвѣта, не представлявшихъ для нихъ опасности преждевременнаго наложенія на себя цѣпей Гименея. Но такое времяпрепровожденіе съ женщинами легкаго поведенія дѣйствовало развращающе, роняло въ молодежи уваженіе къ женщинѣ и пріучало смотрѣть на нихъ, какъ на предметъ удовольствія. Впослѣдствіе это не могло не отзываться на супружеской вѣрности мужей.

Въ Москвѣ тогда было много домовъ, въ которыхъ давались балы и вечера. Два бала въ зиму давалъ князь Долгоруковъ: одинъ, носившій названіе раута, бывалъ обыкновенно во время Рождественскихъ праздниковъ, а другой, извѣстный подъ названіемъ folle journée, происходилъ въ послѣднее воскресенье наМасляницѣ; начинаясь днемъ онъ оканчивался въ 12 часовъ ночи.

Изъ частныхъ лицъ славился своими пріемами баронъ Михаилъ Львовичъ Боде. Наружностью своею баронъ Боде напоминалъ

маркиза временъ Людовика XVI: бритый, съ зачесанными назадъ сѣдыми волосами и любезной привѣтливой наружностью, ему недоставало только расшитаго камзола и кружевного жабо для полнаго сходства съ кавалерами XVIII вѣка, недаромъ его называли московскимъ гауптъ-аристократомъ. На него даже были сочинены стихи, начинавшіеся такъ:

Баронъ Михаилъ Львовичъ Боде,
Московскій гауптъ-аристократъ,
Похожъ на короля въ колодѣ
И всѣхъ важнѣе во сто кратъ...

Большинство молодежи ѣздило на балы не столько, чтобы танцовать, сколько ради хорошихъ ужиновъ и буфета съ шампанскимъ. Посѣщая свѣтскіе вечера изрѣдка, я большую часть времени посвящалъ искусству и, кромѣ школьныхъ занятій, какъ я уже говорилъ раньше, у меня по вечерамъ собирались работать нѣкоторые товарищи. Такіе же рисовальные вечера устраивались и у Николая Алексѣевича Толстого, когда онъ поступилъ въ школу. Мать Толстого, Надежда Александровна, урожденная Козлова, имѣла свой домъ на Тверскомъ бульварѣ; это была очень умная, милая и образованная женщина, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая. Ея мужъ, занимавшій мѣсто директора Нижегородскаго банка, умеръ, простудившись во время одной изъ своихъ дѣловыхъ поѣздокъ. У Надежды Александровны было трое дѣтей: два сына и одна дочь. Старшій ея сынъ, Николай Алексѣевичъ, былъ моимъ товарищемъ по школѣ живописи. Это былъ очень талантливый молодой человѣкъ и, если бы онъ продолжалъ, какъ слѣдуетъ, заниматься искусствомъ и серьезно бы работалъ, то изъ него могъ бы выйти очень хорошій художникъ, но къ сожалѣнію у него не было усидчивости и терпѣнія, вслѣдствіе чего онъ остался диллетантомъ.

У Толстого мы работали большею частью акварелью съ различныхъ костюмовъ, доставаемыхъ или изъ театровъ, или отъ костюмеровъ. Лучше всѣхъ работалъ акварелью К. В. Лебедевъ, дѣлавшійся потомъ хорошимъ историческимъ художникомъ и бывшій одно время преподавателемъ въ Академіи Художествъ [1]).

Былъ у меня еще одинъ товарищъ по школѣ, принадлежащій къ московскому свѣтскому обществу, Иванъ Васильевичъ Коптевъ. Это былъ добрый малый, не лишенный способностей, но страшный лѣнтяй. Будучи единственнымъ сыномъ богатыхъ родителей, онъ занимался искусствомъ больше отъ нечего дѣлать, и, такъ какъ его отецъ, генералъ Коптевъ, служилъ по коннозаводству, то писалъ большею частью портреты разныхъ лошадей.

[1]) Умеръ въ сентябрѣ нынѣшняго года.

Эти портреты его отецъ потомъ расхваливалъ въ газетѣ. Старикъ Коптевъ былъ большимъ оригиналомъ и представлялъ собой типъ Грибоѣдовской эпохи. Онъ имѣлъ страсть къ орденамъ и всячески старался ихъ получать, при чемъ даже передѣлывалъ нѣкоторые на свой ладъ. Получивъ французскій орденъ Почетнаго Легіона за доставку императору Наполеону III русскихъ рысаковъ, посланныхъ ему въ подарокъ Александромъ II, онъ сдѣлалъ себѣ второй экземпляръ этого креста, украшенный брилліантами и надѣвалъ его въ деревнѣ, гдѣ конечно никто не могъ провѣрить подлинность этого фантастическаго ордена. Его страсть ко всякимъ внѣшнимъ отличіямъ была такъ велика, что онъ сумѣлъ получить право на ношеніе стихаря, и у себя въ деревнѣ, во время богослуженія, надѣвалъ парчевые стихари, какъ говорятъ, тоже увѣшанные орденами, и выходилъ въ такомъ видѣ читать Апостоловъ. Сына онъ воспитывалъ дома, и послѣдній чуть ли не до 20 лѣтъ находился подъ наблюденіемъ няньки, что не помѣшало Ивану Васильевичу, выйдя изъ-подъ женскаго надзора, предаться съ увлеченіемъ культу богини любви, приведшаго его къ преждевременной кончинѣ.

Мой дядя, братъ моей матери, Вильгельмъ Вильгельмовичъ Оливъ, служившій адъютантомъ при князѣ Долгоруковомъ, былъ женатъ на Елисаветѣ Николаевнѣ Щербачевой. У нея было четыре брата: старшій изъ нихъ Александръ Николаевичъ и теперь сенаторъ, второй, Михаилъ былъ военнымъ, а оба младшихъ, Сергѣй и Юрій, въ описываемое мною время были на послѣднемъ курсѣ юридическаго факультета Московскаго университета.

Въ числѣ профессоровъ этого факультета былъ въ то время всѣмъ извѣстный своими чудачествами Никита Ивановичъ Крыловъ, читавшій римское право. Это былъ большой оригиналъ. Свои лекціи и экзамены онъ сплошь и рядомъ сопровождалъ разными прибаутками, шутками и выходками. Особенно онъ любилъ высмѣивать студентовъ армянъ и евреевъ, которыхъ не долюбливалъ и надъ которыми нерѣдко издѣвался на экзаменахъ. Послушать, какъ Никита Ивановичъ балагуритъ, ходили иногда и посторонніе лица изъ молодежи; это тѣмъ болѣе было удобно, что тогда у студентовъ не было формы и доступъ въ университетъ былъ свободенъ. Я тоже ходилъ съ Сергѣемъ Щербачевымъ послушать Никиту Крылова, какъ онъ самъ себя называлъ. Войдя въ аудиторію, мы застали Крылова, сидящимъ какъ-то бокомъ за своей кафедрой. Это былъ уже пожилой человѣкъ съ бритымъ лицомъ, въ старомодномъ сюртукѣ, съ шеей, повязанной широкимъ атласнымъ галстукомъ, изъ-подъ котораго около

подбородка выглядывали бѣлые уголки стоячаго воротника рубашки, такъ называемые Vatermörder'ы: такіе рубашки и галстуки были еще остаткомъ модъ Николаевскаго времени.

Не помню теперь всѣхъ прибаутокъ, которыми Никита Ивановичъ разнообразилъ эту лекцію, помню только, что, объясняя какія-то права владѣнія, онъ бралъ стоящую передъ нимъ чернильницу и, сойдя съ нею съ каѳедры, ставилъ ее посреди аудиторіи на полъ и съ забавной жестикуляціей излагалъ эти права: затѣмъ, говоря, что однородныя дѣйствія имѣютъ различныя цѣли, задавалъ вопросъ: одинаковыя ли цѣли преслѣдуются, напримѣръ, генераломъ и мужикомъ, залѣзающими ночью на чужой дворъ въ подворотню. «Дѣйствіе у нихъ одно, но цѣли различныя, говорилъ онъ,—генералъ лѣзетъ потому, что у него завелись тамъ любовныя шашни, а мужикъ, чтобы воровать».

Никита Ивановичъ представлялъ собою остатокъ прошлаго и былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ, какъ говорятъ, любилъ и выпить. Своею фигурой и лицомъ Крыловъ напоминалъ скорѣе какого-нибудь чиновника изъ Управы благочинія или дворовaго человѣка, чѣмъ представителя науки, пользовавшагося репутаціей знатока римскаго права.

Заговоривъ о Щербачевыхъ, припоминается мнѣ одинъ вечеръ, когда у нихъ собралась компанія молодежи. Университетскіе экзамены только что кончились, и въ числѣ присутствующихъ было много лицъ, покончившихъ навсегда съ лекціями и экзаменами, и потому настроеніе собравшихся было особенно веселое. Среди гостей былъ князь А. А. Цертелевъ, извѣстный въ Москвѣ подъ прозвищемъ le prince lutin. Это былъ замѣчательно живой и остроумный молодой человѣкъ, обладавшій къ тому еще очень красивой наружностью. Впослѣдствіи, будучи первымъ секретаремъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, онъ во время Турецкой войны 1877—78 г.г. поступилъ въ армію въ качествѣ рядового и провелъ наши войска черезъ Балканы, такъ какъ хорошо зналъ эти мѣстности, дѣлая раньше частыя экскурсіи въ горы. Получивъ нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ за войну, онъ по окончаніи ея вновь поступилъ на дипломатическую службу. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть лишила Россію этого храбраго, энергичнаго и талантливаго человѣка, который среди нашихъ дипломатовъ такъ рѣзко выдѣлялся на фонѣ общей ихъ бездарности.

Его младшій братъ, Д. А. Цертелевъ, представлялъ собою совершенную противоположность съ братомъ по складу и свойствамъ своего ума. Большой любитель поэзіи и философіи, это былъ спокойный, малоразговорчивый человѣкъ. Въ описываемое

мною время онъ былъ еще студентомъ Московскаго университета, тогда, какъ его братъ поступилъ уже на службу и долженъ былъ ѣхать въ Константинополь.

Въ тотъ вечеръ у Щербачевыхъ былъ еще П. П. Зиловъ, впослѣдствіи профессоръ математики и попечитель одного изъ южныхъ округовъ. Изъ братьевъ Щербачевыхъ двое младшихъ, Юрій и Сергѣй, праздновали окончаніе своего университетскаго курса; изъ нихъ Юрій былъ большимъ пріятелемъ старшаго Цертелева и по складу своего ума, живого и остроумнаго, очень походилъ на него. Они одновременно начали службу въ Константинополѣ, и впослѣдствіи Юрій былъ посланникомъ въ Греціи.

Послѣ чая и закуски насъ всѣхъ потянуло на свѣжій воздухъ; ночь была свѣтлая и прекрасная, и мы всей компаніей рѣшили пройтись погулять по бульвару. Не помню теперь, кто именно подалъ мысль, которою сейчасъ же воспользовались Цертелевъ и Юрій Щербачевъ, устроить шествіе на бульварахъ, какъ это устраиваютъ нѣмецкіе и французскіе студенты, такъ называемый Gänsemarsch или по-французски Monome, заключающійся въ томъ, что всѣ присутствующіе молча ходятъ одинъ за другимъ длинной вереницей, то вытягиваясь въ прямую линію, то дѣлая змѣеподобные зигзаги, окружая встрѣчающихся къ ихъ великому недоумѣнію и перепрыгивая одинъ за другимъ черезъ попадающія на дорогѣ преграды, какъ-то: извозчичьи пролетки или бульварныя скамейки (въ то время на бульварахъ не было еще желѣзныхъ скамеекъ со спинками). Предложеніе устроить Gänsemarsch было единогласно принято. Князь Цертелевъ для вящшаго эффекта предложилъ еще всѣмъ взять по какому-нибудь пищику или другому инструменту, подражающему голосу разныхъ птицъ и животныхъ, употребляемыхъ при охотѣ для подманиванія дичи. У Щербачевыхъ имѣлось большое разнообразное собраніе такихъ пищиковъ, подражающихъ крику перепеловъ, дикихъ утокъ, зайцевъ и т. д. Самъ же Цертелевъ вооружился большимъ охотничьимъ рогомъ, сдѣланнымъ изъ огромнаго рога дикаго африканскаго буйвола. Надѣтый имъ себѣ на спину подъ лѣтнее пальто, онъ придавалъ его фигурѣ комическій видъ уродливаго горбуна. Хотя было уже за полночь, но гуляющихъ на улицахъ, а въ особенности на бульварахъ было еще много. Мы начали свое шествіе съ Никитскаго бульвара, въ глубокомъ молчаніи шествуя одинъ за другимъ, то длинной вереницей, то зигзагами, перепрыгивая черезъ скамейки, то вдругъ описывая большой кругъ, захватывая въ его середину группы гуляющихъ, которые при этомъ маневрѣ въ недоумѣніи останавливались, не зная, что имъ дѣлать, сердиться или смѣяться. Цертелевъ, шедшій впереди,

время отъ времени издавалъ своимъ рогомъ ревущіе звуки, на которые отвѣчали птичьи и заячьи голоса, подъ аккомпанементъ смѣха гуляющей публики.

На бульварахъ мы встрѣтили еще нѣсколько знакомыхъ студентовъ, которые тотчасъ же примкнули къ намъ, такъ что, чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ число наше увеличивалось. Проходя черезъ Никитскую площадь, намъ попались на дорогѣ пустые извозчики, мы стали одинъ за другимъ перепрыгивать черезъ ихъ пролетки, вскакивая на подножку и быстро соскакивая съ другой стороны. Изумленные извозчики останавливали лошадь и съ открытыми ртами смотрѣли, что это такое, и скоро ли настанетъ конецъ этой напасти. Городовыхъ тогда было немного, и тѣ два-три фараона, которыхъ мы видѣли одиноко стоящими на своихъ постахъ, не сочли нужнымъ привязываться къ намъ, тѣмъ болѣе, что насъ было много. Самый большой эффектъ произвело наше шествіе и птичьи голоса на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ больше всего было гуляющихъ, со стороны которыхъ мы встрѣчали полное сочувствіе, не взирая на то, что порою мы заставляли ихъ останавливаться и уступать намъ дорогу. Такова была тогда патріархальность Москвы, что, несмотря на то, что домъ оберъ-полицмейстера находился на Тверскомъ бульварѣ, никто не помѣшалъ намъ въ нашей прогулкѣ. Попробовала бы молодежь продѣлать такую штуку теперь, живо бы явились вооруженные винтовками конные и пѣшіе городовые, и всѣ участники «монома» очутились бы въ ближайшемъ участкѣ.

Какъ я уже сказалъ, оба брата Цертелевы мало походили другъ на друга. Дмитрій Цертелевъ, съ которымъ я былъ ближе знакомъ и чаще видѣлся, занимался поэзіей и философіей. Онъ былъ знакомъ съ поэтомъ гр. Алексѣемъ Толстымъ, произведенія котораго очень любилъ и благодаря которому одно время увлекался спиритизмомъ. Извѣстный въ то время, какъ очень сильный медіумъ, американецъ Юмъ приходился сродни Толстому по женѣ; если не ошибаюсь, Юмъ былъ женатъ на сестрѣ графини и, пріѣзжая въ Россію, гостилъ въ имѣніи графа. Цертелевъ говорилъ мнѣ, что Толстой разсказывалъ ему удивительныя вещи о медіумической силѣ Юма. У него въ домѣ даже послѣ отъѣзда послѣдняго продолжались нѣкоторое время явленія самопроизвольнаго передвиженія мебели и другихъ предметовъ, и слышались разные стуки. Самому Цертелеву не случалось видѣть Юма и присутствовать при его сеансахъ, зато онъ посѣщалъ въ Москвѣ нѣкоторыхъ лицъ, интересовавшихся спиритизмомъ, между прочимъ одного Аксакова, очень убѣжденнаго и вѣрующаго спирита. Я помню, какую сенсацію произвело тогда извѣстіе, что въ Парижѣ по-

явился фотографъ медіумъ, дѣлавшій снимки съ живыхъ людей съ призраками тѣхъ лицъ, о которыхъ они думали во время сниманія. Аксаковъ, слѣдившій за всѣмъ, что совершалось въ этой области, получилъ въ то время нѣсколько такихъ снимковъ и показывалъ ихъ Цертелеву, чѣмъ еще больше укрѣпилъ его вѣру въ спиритизмъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что эти снимки съ матеріализовавшихся призраковъ не что иное, какъ самый грубый обманъ легковѣрной публики. Слушая разсказы Цертелева, я заинтересовался спиритизмомъ, хотя никогда въ него не вѣрилъ.

Собираясь у Цертелева, мы дѣлали опыты, впрочемъ всегда неудачные. Кромѣ меня интересовался этимъ вопросомъ и Владимиръ Соловьевъ. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ у Цертелева; онъ только что тогда кончилъ Московскій университетъ, но уже выдѣлялся среди молодежи, какъ по своей наружности, такъ и по своимъ взглядамъ. Это былъ высокій и очень худощавый молодой человѣкъ, казавшійся еще выше, благодаря своей худобѣ, съ задумчивымъ блѣднымъ лицомъ, съ небольшой бородкой и длинными волосами. Въ его лицѣ больше всего поражали большіе, выразительные, темные глаза, глубоко сидящіе подъ густыми, очень широкими, почти сходящимися надъ переносицей въ одну сплошную черную полосу, бровями. Такихъ бровей я ни у кого послѣ не видалъ; онѣ придавали странный видъ его лицу и какъ бы увеличивали и усиливали выразительность и размѣры его глазъ. Съ него можно было бы писать или библейскаго пророка, или демона; не даромъ, какъ онъ разсказывалъ, во время его поѣздки по Египту, нѣсколько феллаховъ, увидавъ его однажды одиноко расхаживающимъ среди развалинъ какого-то древняго храма, приняли его за чорта и разбѣжались съ крикомъ: «Шайтанъ, шайтанъ!»

Черезъ Цертелева познакомился я въ ту пору и съ графомъ Соллогубомъ, женатымъ на старшей дочери бар. Боде, Натальѣ Михайловнѣ, очень остроумной и красивой женщинѣ, представлявшей по своему характеру полную противоположность со своей сестрой Марьей Михайловной: насколько послѣдняя была тиха и скромна, настолько Наталья Михайловна была бойка и, еще будучи дѣвушкой, пользовалась репутаціей enfant terrible. Мужъ ея, гр. Соллогубъ, обладалъ большой фантазіей и очень талантливо рисовалъ всякую чертовщину: вѣдьмъ, лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ и всевозможныхъ чертей, которыхъ называлъ епишками и увѣрялъ, что часто видитъ ихъ «выдувающимися», какъ онъ выражался, изъ стѣнъ, мебели и др. предметовъ, и дѣйствительно, изображаемые имъ епишки были неподражаемы по своему разнообразію и выразительности.

У Соллогуба встрѣчался я съ молодыми гр. Барановыми, изъ которыхъ старшій былъ замѣчателенъ своей красивой наружностью, огромнымъ ростомъ и большой силой. Онъ наноминалъ портреты Петра Великаго въ юные годы. Бывалъ у Соллогуба и камеръ-юнкеръ Мерлинъ, тоже большой силачъ, занимавшійся окультизмомъ и, какъ онъ увѣрялъ, вѣрившій въ колдовство и въ существованіе различной нечистой силы.

Это былъ очень несимпатичный и злой человѣкъ, получившій, какъ ходилъ слухъ, камеръ-юнкерство за предательство Ишутина, пострадавшаго по дѣлу Каракозова.

Не зная еще тогда этого подвига Мерлина, онъ производилъ на меня всегда какое-то отталкивающее впечатлѣніе.

Къ этому же времени относится и мое знакомство съ семьей князя Львова. Его старшій сынъ, Владимиръ Евгеніевичъ, одно время посѣщалъ Московскую школу живописи, но скоро ее бросилъ, очевидно, не имѣя истиннаго влеченія къ искусству. Второй его братъ, Алексѣй, часто бывалъ у насъ въ домѣ и хотя ничего общаго съ искусствомъ не имѣлъ, но со временемъ занялъ мѣсто директора Московской школы живописи. Я ихъ обоихъ впослѣдствіи какъ-то потерялъ изъ вида и только съ ихъ третьимъ братомъ, Георгіемъ, встрѣтился по прошествіи многихъ лѣтъ въ Тулѣ на поприщѣ общественной дѣятельности, когда былъ выбираемъ губернскимъ гласнымъ отъ Новосильскаго уѣзда.

По воскресеньямъ бывалъ у насъ въ Москвѣ и Мих. Ив. Пыляевъ, извѣстный впослѣдствіи своею литературною дѣятельностью. Онъ былъ авторомъ книгъ: «Старая Москва», «Старый Петербургъ»,«Забытое прошлое окрестностей Петербурга»и мн. др., содержащихъ въ себѣ очень интересныя историческія и бытовыя свѣдѣнія. Будучи большимъ любителемъ драгоцѣнныхъ камней, онъ составилъ ихъ подробное описаніе, приводя въ немъ и исторію нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. алмаза санси, принадежащаго еще Карлу Смѣлому, англійскаго коинура и русскаго Орлова. Книга эта называется «Драгоцѣнные камни». Приходя къ намъ Михаилъ Ивановичъ всегда имѣлъ въ карманѣ завернутые въ бумажки «камешки», какъ онъ ихъ называлъ. Онъ любилъ ихъ показывать и разсказывать исторіи драгоцѣнныхъ камней, которыя впослѣдствіи и помѣстилъ въ своей книгѣ.

Обладая удивительной памятью и большими познаніями бытовой и анекдотической стороны нашей исторіи, Пыляевъ въ обществѣ былъ чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ, оживлявшимъ всегда своими разсказами наши воскресные вечера. Бывалъ

онъ у насъ и въ Моховомъ съ помѣщикомъ Орловской губерніи Мацневымъ, пріѣзжавшимъ къ намъ на осеннія охоты со своими гончими и борзыми собаками. Говорили, что Пыляеву одно время былъ воспрещенъ въѣздъ въ столицы, вслѣдствіе чего онъ жилъ долгое время у Мацнева, въ его имѣніи Малоархангельскаго уѣзда, носившее тоже названіе Мохового.

Въ Москвѣ Михаилъ Ивановичъ сталъ у насъ бывать только впослѣдствіи, въ 70-хъ г.г., а въ Петербургѣ я видѣлъ его уже въ 90-хъ г.г., незадолго до его смерти. О себѣ и о своемъ прошломъ онъ никогда не говорилъ, равнымъ образомъ онъ никогда и никому не давалъ своего адреса, такъ что, несмотря на долговременное знакомство съ нимъ, его личность и жизнь оставались окруженными какой-то таинственностью.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ мнѣ пришлось нѣсколько разъ побывать въ Ясной Полянѣ у графа Льва Николаевича Толстого.

Еще въ 60-хъ г.г. онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Моховое вмѣстѣ съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Дьяковымъ. Въ то время онъ началъ писать «Войну и Миръ» и собиралъ матеріалы для этого романа.

Полагая, что въ моховской библіотекѣ найдутся еще старыя газеты временъ Освободительной войны, онъ интересовался познакомиться съ ними. Не помню, нашелъ ли онъ то, чего искалъ или нѣтъ.

Въ 70-хъ г.г. съ нимъ познакомился Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ, съ которымъ я въ первый разъ и былъ въ Ясной Полянѣ. Въ это время Левъ Николаевичъ начиналъ писать «Анну Каренину».

Поѣхали мы въ Ясную Поляну зимой, на второй или третій день Новаго года. Эта поѣздка, какъ и двѣ остальныя, оставила во мнѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. На полустанкѣ Козловская Засѣка насъ ожидали лошади графа. Сколько мнѣ помнится, мы пріѣхали вечеромъ и были встрѣчены самымъ радушнымъ образомъ, какъ графомъ, такъ и его супругой. Графу тогда было, вѣроятно, лѣтъ 47 или 48, онъ былъ высокаго роста, худощавый, широкоплечій и съ хорошо развитыми мышцами человѣкъ. Что больше всего привлекало въ его наружности, такъ это выразительные, глубоко сидящіе подъ густыми бровями темно-голубые глаза, въ которыхъ отражались всѣ испытываемыя имъ впечатлѣнія; при спокойномъ состояніи выраженіе ихъ было задумчивое и доброе. Хотя тогда графъ и не увлекался еще тѣми идеями, которыя сталъ проповѣдывать впослѣдствіи, но уже и тогда онъ

жилъ очень просто и обыкновенно ходилъ въ сѣрой суконной блузѣ, подпоясанной ремнемъ.

Когда-то въ Ясной Полянѣ былъ большой барскій домъ, стоявшій среди двухъ, расположенныхъ по его бокамъ, флигелей, но затѣмъ во дни юности графа, онъ былъ имъ проданъ на сносъ, а графъ перебрался для жизни въ одинъ изъ флигелей; въ другомъ флигелѣ лѣтомъ жили пріѣзжавшіе гостить въ Ясную Поляну родственники графа и его жены.

По мѣрѣ того, какъ увеличивалась семья Льва Николаевича, дѣлались и пристройки къ занимаемому имъ флигелю, и надо полагать, что въ настоящее время онъ имѣетъ совершенно иную внѣшность, чѣмъ тогда, когда я его видѣлъ.

Въ то время это было двухъэтажное зданіе, лишенное всякой наружной архитектуры: однимъ фасадомъ оно выходило въ садъ, а другимъ на дворъ, съ растущимъ посрединѣ его передъ домомъ большимъ деревомъ, подъ которымъ были поставлены коновязи. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался кабинетъ графа, а наверху, во второмъ этажѣ была большая зала, служащая и столовою,и гостиная съ балкономъ, выходящимъ въ садъ. Мебель и обстановка въ домѣ были очень просты, безъ малѣйшей роскоши. Стѣны зала украшало нѣсколько семейныхъ портретовъ.

Мы провели въ нашъ пріѣздъ въ Ясной Полянѣ два или три дня. Меня помѣстили въ кабинетѣ графа, я и сейчасъ припоминаю испытанное мною чувство благоговѣнія, когда я впервые вошелъ въ этотъ, такъ просто обставленный, кабинетъ, съ письменнымъ столомъ около окна, на которомъ ничего не было лишняго, съ полками книгъ и висящими на стѣнѣ охотничьими принадлежностями. Графъ тогда еще любилъ охоту, какъ съ ружьемъ, такъ и съ борзыми собаками.

На другой день послѣ нашего пріѣзда вечеромъ, когда мы послѣ обѣда сидѣли въ гостиной и разговаривали, слуга доложилъ графу, что пришли ряженые, и графъ сказалъ позвать ихъ въ залъ, куда мы всѣ вышли и куда черезъ мгновеніе ввалилась толпа ряженыхъ дворовыхъ людей и рабочихъ. Графъ и графиня приняли ихъ ласково и просто. Ряженые плясали, выкидывали всякія колѣнца и веселились, какъ у себя дома безо всякаго стѣсненія. Въ пляскѣ особенно отличалась своимъ проворствомъ и ухарствомъ небольшого роста худенькая женщина, лица которой не было видно, изъ-за надѣтой на нее какой-то размалеванной маски. Левъ Николаевичъ сказалъ намъ, что эта неутомимая плясунья, служащая у него скотницей, 60-тилѣтняя старуха. Смотрѣть на ряженыхъ собрались и всѣ дѣти Льва Николаевича, которые тогда были еще очень юны.

Ряженые веселились отъ души, хозяева шутили съ ними и смѣялись ихъ остротамъ и прибауткамъ. Графу очевидно нравилось ихъ веселье, и онъ говорилъ, что на Святкахъ ряженые всегда приходятъ къ нимъ.

При разговорахъ графъ любилъ разспрашивать своихъ собесѣдниковъ и узнавать ихъ взгляды на различные вопросы. Въ немъ была замѣтна большая наблюдательность, и онъ интересовался даже разными мелкими деталями. Такъ, я помню, что онъ разспрашивалъ меня, изъ какихъ классовъ общества происходятъ нѣкоторые выдающіеся художники. Отвѣчая на его вопросъ, я тогда, между прочимъ, сказалъ ему, что одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ Московской школы живописи сынъ швейцара Кремлевскаго дворца, и Левъ Николаевичъ, описывая художника въ Аннѣ Карениной, говоритъ, что онъ былъ сыномъ придворнаго лакея.

Мнѣ думается, что въ то время онъ больше заставлялъ говорить своихъ собесѣдниковъ, чѣмъ говорилъ самъ.

Кромѣ этого посѣщенія Ясной Поляны, я былъ у графа еще два раза: одинъ разъ подъ осень и другой разъ весною. Будучи у него въ концѣ августа, я засталъ въ Ясной Полянѣ большое общество. Въ этотъ мой пріѣздъ мы ѣздили съ Львомъ Николаевичемъ и съ мужемъ его племянницы, Нагорнымъ, на охоту на болотную дичь, и я сопутствовалъ графу въ его обычныхъ прогулкахъ верхомъ. Ѣздили мы въ казенный лѣсъ, такъ называемую Тульскую засѣку, начинавшійся недалеко отъ имѣнія графа.

Разговорясь со мной какъ-то объ охотѣ съ борзыми, Левъ Николаевичъ, узнавъ, что я люблю и этотъ родъ охоты, подарилъ мнѣ прекрасную борзую собаку англійской породы, которую звали Змѣйкой. Это была граціозная и красивая сука, черной масти, она долго жила у меня въ Моховомъ. Въ ту пору его уже начинали занимать религіозные вопросы, и онъ часто наводилъ на нихъ разговоръ.

Мнѣ особенно памятенъ одинъ изъ нихъ, происшедшій между нами вечеромъ, подъ звѣзднымъ небомъ, на балконѣ передъ гостиной. Выйдя со мной на этотъ балконъ, Левъ Николаевичъ заговорилъ о вѣрѣ въ безсмертіе души, загробную жизнь и о томъ, что говоритъ объ этомъ церковь, сказавъ, что, здраво размышляя, не можетъ всему этому вѣрить; затѣмъ онъ спросилъ меня, какъ я смотрю на эти вопросы. Мнѣ было тогда 23 или 24 года: воспитанный въ традиціяхъ внѣшней обрядовой религіозности, я въ это время мало вдумывался въ сущность этихъ вопросовъ, и тотъ болѣзненный процессъ нравственной ломки, сопровождающій исканіе божественныхъ истинъ и осмысленной, не основанной на

самообманахъ, вѣры, который повидимому начинался въ душѣ Льва Николаевича, тогда еще не коснулся меня; онъ насталъ для меня много лѣтъ спустя послѣ этого разговора.

На заданный мнѣ вопросъ я тогда отвѣтилъ Льву Николаевичу, что, вѣря въ существованіе божества и не будучи въ состояніи разобраться въ религіозныхъ вопросахъ самостоятельно, я стараюсь принимать ученія церкви, не анализируя ихъ, опасаясь такого анализа, могущаго привести меня къ полному безвѣрію. Мой отвѣтъ заставилъ его задуматься.

Въ появившихся впослѣдствіи главахъ продолженія Анны Карениной разговоръ Левина съ крестьяниномъ, въ которомъ послѣдній высказываетъ обуреваемому сомнѣніями Левину простоту своихъ религіозныхъ воззрѣній, заставившихъ Левина измѣнить свой прежній образъ мыслей, очень напомнилъ мнѣ нашъ разговоръ съ графомъ, измѣнившимъ вскорѣ послѣ этого и свое отношеніе къ церкви.

Много лѣтъ спустя, когда я былъ по дѣламъ въ Тулѣ, среди прислуги гостиницы, въ которой я остановился, оказался нѣкій Огурцовъ, служившій лакеемъ у графа Толстого въ ту пору, когда я бывалъ въ Ясной Полянѣ. Этотъ Огурцовъ узналъ меня, и я разговорился съ нимъ о графѣ и его семьѣ. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ окончанія изданія Анны Карениной Левъ Николаевичъ очень измѣнился, сталъ посѣщать церковныя богослуженія, ѣздилъ даже къ заутренѣ въ сосѣднее село, при чемъ, чтобы никого не безпокоить, вставалъ до свѣта, самъ ходилъ въ конюшню, сѣдлалъ свою верховую лошадь, не будя конюховъ, и одинъ уѣзжалъ въ церковь.

Затѣмъ, однажды взявъ съ собою Огурцова, совершилъ даже пѣшкомъ паломничество въ какой-то монастырь, если не ошибаюсь, въ Оптину Пустынь. Отправились они въ это паломничество въ крестьянской одеждѣ, при чемъ въ одномъ селѣ возбудили подозрѣніе старшины, который потребовалъ отъ нихъ ихъ документы и пришелъ въ большое недоумѣніе, когда узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Но этотъ періодъ исканія разрѣшенія своихъ сомнѣній во внѣшней церковной обрядности и у духовенства длился недолго, и Левъ Николаевичъ, не найдя того, что искалъ, обратилъ свои взгляды въ другую сторону, а, именно, въ глубину своей собственной души и своей совѣсти, удаляясь окончательно отъ нашей казенной церкви, такъ мало дающей тому, кто жаждетъ истины.

Что касается меня, который тогда на балконѣ яснополянскаго дома, не задумываясь и вполнѣ искренно изложилъ Льву Николаевичу свою profession de foi, то со мной произошло то же самое.

Чѣмъ больше развивалось во мнѣ сознательное отношеніе къ жизни и ко всему окружающему, тѣмъ сильнѣе возникала и потребность анализа, тѣмъ ярче выступали несоотвѣтствія ученія церкви съ законами природы и жизни, и я пришелъ къ тому же, къ чему пришелъ и Толстой.

Встрѣтивъ въ тульской гостиницѣ Огурцова, я очень заинтересовался вопросомъ, насколько искренни были стремленія Толстого къ опрощенію; многіе считали это съ его стороны извѣстнаго рода рисовкой; полагая, согласно французской пословицѣ: il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre, я сталъ разспрашивать по этому поводу Огурцова, но въ данномъ случаѣ поговорка эта оказалась невѣрной: несмотря на то, что Огурцовъ былъ удаленъ изъ Ясной Поляны за свою любовь къ водкѣ, тѣмъ не менѣе для него личность графа являлась выше всякой критики, и изъ его словъ я могъ заключить, что онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что графъ измѣнилъ свой образъ жизни и прежнія привычки исключительно изъ желанія «жить по-Божьи». Этимъ онъ объяснялъ хожденіе графа на деревню исполнять различныя работы для бѣдныхъ вдовъ, одинокихъ старухъ. Такъ онъ чинилъ имъ развалившіяся печи и убиралъ ихъ полосы хлѣба, при чемъ старухи нерѣдко даже командовали имъ и бывали въ претензіи, когда онъ опаздывалъ приходомъ на работу. На мое замѣчаніе, что вмѣсто того, чтобы самому работать, Левъ Николаевичъ могъ бы давать имъ на это деньги или нанимать имъ рабочихъ, Огурцовъ возражалъ, что это было бы совсѣмъ другое дѣло, и что графъ, поступая такъ, какъ онъ поступалъ, дѣлалъ не только доброе дѣло, но совершалъ еще подвигъ христіанскаго смиренія.

Въ заключеніе нашей бесѣды Огурцовъ принесъ мнѣ прочитать начатыя имъ записки, въ которыхъ онъ хотѣлъ изложить свои воспоминанія о Львѣ Николаевичѣ за время пребыванія въ Ясной Полянѣ. Читая эту, конечно, очень безграмотно и наивно написанную рукопись, я опять вспомнилъ вышеприведенную французскую поговорку, и насколько она не вѣрна по отношенію къ русскому простому человѣку, всегда отзывчивому ко всему искреннему и хорошему. Я очень сожалѣю, что не переписалъ тогда этой рукописи, имѣвшей бы теперь для меня большую цѣнность, будучи въ нѣкоторомъ родѣ гласомъ народа, а не сдѣлалъ я это потому, что Огурцовъ еще хотѣлъ продолжать свои воспоминанія.

Я поддержалъ его тогда въ этомъ намѣреніи, предложивъ ему, когда онъ окончитъ, пересмотрѣть и исправить его рукопись, но когда черезъ нѣкоторое время мнѣ вновь пришлось быть въ Тулѣ,

то Огурцова въ гостиницѣ уже не оказалось, вѣроятно и тутъ ему отказали изъ-за его слабости къ водкѣ.

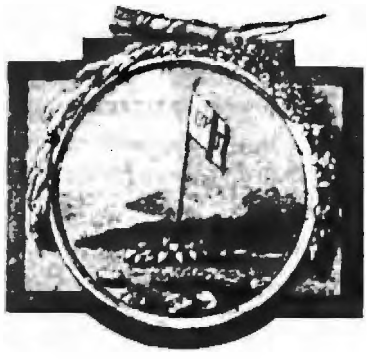
Во время моего вторичнаго посѣщенія Ясной Поляны я видѣлъ у Толстого его сосѣда-помѣщика, жена котораго изъ ревности къ мужу покончила съ собой, бросившись подъ поѣздъ; эта семейная драма и дала графу мысль о такомъ же концѣ для Анны Карениной.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось быть въ Ясной Полянѣ весною. По пути изъ Москвы въ Моховое я заѣхалъ къ Льву Николаевичу, гдѣ, какъ всегда я встрѣтилъ радушный и ласковый пріемъ. Лѣтомъ обыкновенно онъ отдыхалъ и не занимался литературой; этой работѣ онъ посвящалъ осенніе и зимніе мѣсяцы. Онъ и тогда любилъ принимать лѣтомъ участіе въ сельскихъ работахъ и иногда выходилъ косить траву и выѣзжалъ въ поле съ сохою. Въ Москву онъ ѣздилъ рѣдко и не принималъ участія въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ и обществахъ, придерживаясь того мнѣнія, что художники кисти или слова должны работая изолироваться, дабы сохранить свою полную оригинальность и не подпадать подъ постороннее вліяніе.

Въ разговорѣ какъ-то съ графомъ объ Айвазовскомъ, на мои слова, что послѣдній большую часть своихъ произведеній пишетъ въ Ѳеодосіи или въ своемъ имѣніи Шахъ-Мамаѣ, что лишаетъ его возможности сравнивать свою работу съ работами другихъ художниковъ, Левъ Николаевичъ сказалъ, что Айвазовскій хорошо дѣлаетъ, и что если бы онъ самъ былъ живописцемъ, то никому бы не показывалъ своихъ работъ до ихъ окончанія.

Говоря о процессѣ своего творчества, онъ сознавался, что не всегда работаетъ съ одинаковой охотой и увлеченіемъ, что бываютъ дни, когда онъ принужденъ заставлять себя работать.

П. Шатиловъ.

Изъ недавняго прошлаго [1]).

Общество любителей художествъ.—Д. П. Боткинъ.—Е. А. Лансере.—Таврическій губернаторъ Всеволожскій;—Болгарская колонія.—И. К. Айвазовскій.—Ѳеодосійское общество.

Зимою 1877 г. я былъ избранъ секретаремъ Московскаго общества любителей художествъ и съ увлеченіемъ занялся дѣлами общества, стараясь пробудить его къ новой жизни, расширивъ его задачи и кругъ дѣятельности. До моего поступленія въ число членовъ этого общества, дѣятельность его ограничивалась, не взирая на обладаніе довольно значительнымъ капиталомъ, лишь тѣмъ, что оно имѣло постоянную выставку картинъ, мѣнявшуюся нѣсколько разъ въ годъ, на которую художники ставили свои произведенія, а любители выставляли пріобрѣтенныя ими картины какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ мастеровъ. Время отъ времени обществомъ устраивались для поощренія художниковъ конкурсы обыкновенно по тремъ родамъ живописи: исторической, жанровой и пейзажной. За лучшія произведенія по этимъ тремъ родамъ живописи авторамъ ихъ выдавались денежныя преміи, кромѣ того разъ въ годъ устраивались аукціоны, на которые члены-художники могли представлять свои работы и на которыхъ продавались картины, представляемыя въ общество, какъ членскіе взносы художниковъ, такъ какъ послѣдніе ежегоднаго членскаго взноса въ размѣрѣ 10 руб.не платили, а, желая стать членами общества, должны были дать въ собственность общества какую-нибудь картину, которая и зачислялась имъ, какъ единовременный и пожизненный взносъ.

Если эта дѣятельность общества могла удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись ему въ началѣ его существованія, то ко времени моего поступленія, наряду съ измѣнившимися условіями, измѣнились и потребности, возникла

---

[1]) См. Гол. Мин. №№ 1, 4, 5—6, 7—8 9, 10.

нужда въ проявленіи иной дѣятельности со стороны общества, имѣвшаго задачей развитіе и поощреніе отечественнаго искусства. Одной изъ главныхъ такихъ потребностей явилась помощь какъ престарѣлымъ и больнымъ художникамъ, такъ равно и молодымъ начинающимъ талантамъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до моего поступленія въ члены общества и избранія въ секретари, я организовалъ частнымъ образомъ небольшую вспомогательную кассу, оказывавшую, хотя и незначительную, но все-таки порой очень своевременную, помощь нуждающимся товарищамъ. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ много помогъ Михаилъ Романовичъ Романовъ, о которомъ я уже упоминалъ выше. Какъ студентъ, онъ былъ знакомъ съ подобнаго рода организаціями среди университетской молодежи и помогъ мнѣ поставить это дѣло на болѣе или менѣе правильныя начала. Главнымъ источникомъ доходовъ для нашей кассы служили домашнія лотереи, которыя мы устраивали среди знакомыхъ и на которыхъ разыгрывались картины участниковъ кассы.

Дѣло это шло настолько удачно, что ко времени моего избранія въ секретари общества, у насъ имѣлся уже небольшой капиталъ въ нѣсколько тысячъ рублей и своего рода частный уставъ, выработавшійся изъ практики дѣла и вполнѣ пригодный для представленія его на утвержденіе.

Занявъ мѣсто секретаря Московскаго общества любителей художествъ, первой моей заботой было образовать при немъ и кассу для вспомоществованія художникамъ, какъ престарѣлымъ и лишившимся способности работать, такъ и молодымъ начинающимъ. Надо сказать, что комитетъ общества состоялъ тогда изъ нѣсколькихъ богатыхъ людей, преимущественно изъ купечества и нѣсколькихъ художниковъ, приближенныхъ къ этимъ лицамъ и до извѣстной степени зависящихъ отъ нихъ.

Предсѣдателемъ общества былъ въ то время Дмитрій Петровичъ Боткинъ, родной братъ писателя Боткина, лейбъ-медика проф. Боткина и недавно умершаго художника Боткина.

Дмитрій Петровичъ, какъ и всѣ Боткины, богатый человѣкъ, былъ большимъ любителемъ картинъ, но, въ противоположность Павлу Михайловичу Третьякову и Кузьмѣ Терентьевичу Солдатенкову, покупалъ исключительно картины иностранныхъ художниковъ: его домъ, особнякъ на Покровкѣ, представлялъ собою, хотя и не особенно большое, но зато прекрасно подобранное собраніе произведеній иностранныхъ мастеровъ, среди которыхъ можно было видѣть работы всѣхъ выдающихся иностранныхъ художниковъ того времени.

Картинъ русскихъ художниковъ Боткинъ не покупалъ и

вообще при пріобрѣтеніи картинъ больше руководствовался именами, чѣмъ своимъ личнымъ вкусомъ и пониманіемъ. Благодаря этому, онъ нерѣдко дѣлалъ ошибку, заказывая нѣкоторымъ художникамъ повтореніе съ ихъ картинъ, имѣвшихъ особенный успѣхъ. Настоящій любитель никогда этого не сдѣлаетъ, ибо всякое повтореніе художникомъ его картины будетъ всегда слабѣе оригинала, въ который онъ вкладываетъ первый порывъ своего вдохновенія.

Какъ человѣкъ, Дмитрій Петровичъ былъ, что называется, себѣ на умѣ, съ порядочной дозой хитрости. Въ немъ совершенно отсутствовало живое и теплое отношеніе къ дѣлу, во главѣ котораго онъ стоялъ, вслѣдствіе чего онъ не сочувствовалъ моимъ взглядамъ и находилъ, что никакихъ нововведеній въ обществѣ не требуется, такое же отношеніе проявляли и большинство остальныхъ членовъ комитета не-художниковъ, считавшихъ, что обществу надо продолжать свое существованіе такъ же, какъ оно существовало до тѣхъ поръ. Что касается художниковъ, то Рачковъ напр. и Черкасовъ (послѣдній служилъ смотрителемъ и завѣдующимъ постоянными выставками) были рѣшительными противниками всякаго новшества и крайне недружелюбно смотрѣли на молодежь; при такомъ настроеніи комитета я увидѣлъ, что нелегко будетъ провести тѣ измѣненія въ дѣятельности и уставѣ общества, которыя я предполагалъ, и что достичь этого можно будетъ только при измѣненіи состава членовъ комитета и при проведеніи въ члены общества новыхъ лицъ, иначе смотрящихъ на дѣло.

Съ помощью гравера академика Николая Семеновича Мосолова, художника Николая Васильевича Неврева и Михаила Романовича Романова, который въ то время уже окончилъ университетъ и служилъ при Московскомъ Окружномъ Судѣ, намъ удалось привести въ исполненіе эту первую часть нашей программы. Предложенный нами на общемъ собраніи членовъ общества проектъ измѣненія устава съ добавленіемъ къ нему и благотворительной дѣятельности, не взирая на оппозицію нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета, былъ принятъ общимъ собраніемъ, равно какъ и предложеніе, истекающее изъ измѣненія устава объ увеличеніи числа членовъ комитета нѣсколькими новыми лицами.

При этомъ въ число членовъ комитета попалъ и Романовъ, принявшій самое дѣятельное и полезное участіе въ редакціи новаго устава общества, и, когда послѣдній былъ законченъ, поѣхавшій со мной въ Петербургъ для представленіе его на утвержденіе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и для доклада

объ этомъ покровительницѣ общества, цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Въ этотъ мой пріѣздъ въ Петербургъ я познакомился въ домѣ дяди Константина Вильгельмовича Олива съ покойнымъ скульпторомъ Евгеніемъ Александровичемъ Лансере, высокоталантливымъ художникомъ и очень симпатичнымъ человѣкомъ. За свою, къ сожалѣнію, кратковременную жизнь (онъ умеръ 39 лѣтъ 23 мая 1887 г.) имъ было сдѣлано до 400 вещей. Его произведенія въ большинствѣ случаевъ пріобрѣтались фабрикантами серебряныхъ и бронзовыхъ вещей. Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ уже женатъ на дѣвушкѣ, происходившей тоже изъ очень талантливой семьи, она была урожденная Бенуа.

Семьи Бенуа и Маковскихъ представляютъ собою рѣдкій случай передающейся изъ рода въ родъ наслѣдственной талантливости.

Евгеній Александровичъ жилъ въ то время въ домѣ своего тестя и работалъ неутомимо. Его всегда можно было застать за работой, въ которой ему не мѣшали и многочисленные посѣтители. Обладая огромной памятью и знаніемъ, онъ работалъ, прибѣгая рѣдко къ натурѣ, которой пользовался только для предварительнаго изученія: такъ, я помню, когда онъ лѣпилъ араба, поймавшаго маленькихъ львятъ, онъ нарочно пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ въ то время въ одномъ звѣринцѣ львица стала счастливой матерью.

Крупныхъ вещей Лансере почти не работалъ; я помню только двѣ довольно крупныя фигуры, приблизительно въ треть натуральной величины: это были два соколиныхъ охотника, которыхъ онъ дѣлалъ по заказу для греческой королевы Ольги Константиновны. Изъ нихъ одинъ изображалъ сокольничаго времени московскихъ царей, а другой киргиза, охотящагося съ беркутомъ. Всѣ свои вещи Лансере лѣпилъ изъ воска и они были небольшого размѣра. Постоянно изучая въ своихъ поѣздкахъ по Европѣ, Россіи и Алжиру типы различныхъ породъ лошадей и подмѣчая свойственныя имъ при разныхъ обстоятельствахъ положенія и аллюры, онъ воспроизводилъ ихъ съ необычайной жизненностью, правдой и разнообразіемъ.

Его отдѣльныя фигурки и цѣлыя группы были полны той тонко подмѣченной и изящной реальностью, которою отличались картины Деталя и Мейсонье. Да, я могу сравнить Лансере только съ этими художниками, онъ въ нашей скульптурѣ былъ тѣмъ, чѣмъ они были въ живописи.

Съ какой любовью, вкусомъ и знаніемъ передавались имъ въ его статуэткахъ не только характерныя черты людей и лоша-

дей, но и всякая складка одежды, всякій ремешокъ, украшеніе сбруи или военной аммуниціи. Изъ его вещей я въ особенности помню: «Табунъ степныхъ киргизскихъ лошадей съ гоняющимъ ихъ табунщикомъ», сколько жизни и движенія въ этой группѣ! Затѣмъ запорожца, обтирающаго саблю гривой своей лошади, которая въ то время спокойно чешетъ мордой свою колѣнку, тогда, какъ захваченный казакомъ, какъ добыча, стоящій рядомъ съ нимъ породистый турецкій жеребецъ, ржетъ, глядя вдаль, куда исчезли его товарищи. Помню также не менѣе поэтичную группу молодой казачки, прощающейся съ казакомъ, привставшей, чтобы его обнять, къ нему на стремя. Изъ произведеній Лансере я не знаю ни одного, которое не было бы вполнѣ художественно, какъ по мысли, такъ равно и по исполненію.

Въ домѣ у Лансере и у Бенуа искусство царило, всѣ его любили, всѣ интересовались имъ и хотя братья жены Лансере были по большей части архитекторами, какъ ихъ отецъ, но въ то же время занимались и художествомъ, какъ напр. извѣстный кавалеристъ Альбертъ Николаевичъ Бенуа, ставшій однимъ изъ нашихъ лучшихъ пейзажистовъ, и Александръ Николаевичъ, оригинальный художникъ, избравшій себѣ спеціальностью сюжеты изъ жизни XVII и XVIII вв.

У Лансере встрѣчалъ я и другого скульптора Обера, пріятеля Евгенія Александровича. Онъ лѣпилъ преимущественно животныхъ и, хотя былъ весьма талантливымъ скульпторомъ, но далеко не пользовался той популярностью, какъ Лансере. Одно время Оберъ занялся было и живописью и сталъ пробовать писать лошадей, но его опыты въ этомъ направленіи не были удачны. Какъ скульпторъ, онъ хорошо рисовалъ и передавалъ рельефъ и лѣпку мышцъ, но совершенно не чувствовалъ колорита, вслѣдствіе чего живопись его была черна и суха. Евгенію Александровичу я обязанъ полученіемъ академическихъ званій. Навѣстивъ меня въ Москвѣ, онъ видѣлъ мои работы, въ то время я мало писалъ картинъ, а занимался больше изученіемъ техники рисунка и живописи, считая себя не обладающимъ еще въ достаточной степени техникой, чтобы браться за картины.

Увидѣвъ мои работы, Лансере нашелъ, что мнѣ пора приняться писать и выставлять картины, а не заниматься только одними этюдами, и при этомъ любезно предложилъ мнѣ выставить на первой предстоящей весенней выставкѣ въ Академіи Художествъ большой, въ натуральную величину, вполнѣ законченный этюдъ съ молодой смѣющейся крестьянки въ яркомъ и живописномъ костюмѣ, который крестьянскія женщины тогда еще носили въ нашихъ мѣстахъ. Лансере увѣрилъ меня, что Академія дастъ

мнѣ за нее званіе класснаго художника. Я конечно воспользовался этимъ предложеніемъ и дѣйствительно не только получилъ званіе и дипломъ изъ Академіи, но кромѣ того картина эта продалась въ Петербургѣ. Такой успѣхъ меня очень поощрилъ и, побывавъ послѣ женитьбы въ Крыму, я задумалъ написать рядъ картинъ изъ прошлаго этого края.

Съ этою цѣлью, проводя зиму въ Москвѣ, я занялся ознакомленіемъ съ историческими свѣдѣніями о времени татарскаго владычества въ Крыму и съ археологіей этой эпохи. Посѣщая библіотеку Румянцевскаго музея и Оружейную палату, я заготовлялъ эскизы для задуманныхъ картинъ, не переставая въ то же время работать этюды, какъ масляными красками, такъ равно и акварелью.

Для происходившихъ у меня акварельныхъ вечеровъ я бралъ натурщика изъ школы живописи, а костюмы изъ гардероба Большого театра. Разрѣшеніе пользоваться театральными костюмами мы имѣли, благодаря инспектору школы Константину Александровичу Трутовскому, выхлопотавшему на это позволеніе у театральной дирекціи.

Гардеробомъ въ Большомъ театрѣ завѣдывали тогда два лица, представлявшіе изъ себя въ полномъ смыслѣ Гоголевскіе типы, словно, какъ на неприступномъ островѣ уцѣлѣвшіе среди моря несмѣтнаго множества театральнаго тряпья, гдѣ-то на самомъ верху театральнаго зданія. Это были главный смотритель за костюмами и его помощникъ.

Первый изъ нихъ былъ толстый, неопрятный, кривой на одинъ глазъ, человѣкъ, къ которому, какъ нельзя болѣе кстати, могла быть примѣнена поговорка, что Богъ шельму мѣтитъ; всякій разъ, когда приходилось совершать безконечный подъемъ по узенькой желѣзной лѣстницѣ на высь театра, чтобы получить отъ него костюмъ, онъ старался выманить себѣ какую-нибудь подачку, то начиная жаловаться на свою бѣдность, то на причиняемыя ему безпокойства нашей разборчивостью при выборѣ костюма. Сопровождавшій его сильный запахъ сивухи, какъ нельзя лучше свидѣтельствовалъ, къ какой конечной цѣли клонились эти выпрашиванія.

Полною ему противоположностью являлся его помощникъ, извѣстный въ гардеробной подъ именемъ Кудимыча: маленькій, худощавый и тихій человѣкъ, онъ когда-то хотѣлъ стать живописцемъ, и одно время учился у какого-то иконописца, но очевидно, за полнымъ отсутствіемъ таланта, принужденъ былъ бросить это занятіе, къ которому тѣмъ не менѣе сохранилъ большую любовь и въ свободное время писалъ съ фотографій и съ разныхъ

картинокъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ довольно-таки отчаянныя копіи; но главное примѣненіе своихъ познаній въ живописи, дававшее ему даже нѣкоторый заработокъ, онъ нашелъ въ закрашиваніи синяковъ и кровоподтековъ на физіономіяхъ гостинодворскихъ приказчиковъ и купеческихъ сынковъ послѣ ихъ буйныхъ похожденій въ праздничные дни.

Живя недалеко отъ Большого театра, въ торговомъ центрѣ Москвы, онъ имѣлъ весьма обширную практику. Каждый понедѣльникъ съ ранняго утра являлись къ нему лица, нуждавшіеся въ его искусствѣ, не смѣющіе предстать предъ грозными очами своихъ патроновъ съ поврежденными физіономіями или, какъ они выражались, «съ испорченными портретами», и Кудимычъ, посадивъ такого кліента передъ собой, тщательно реставрировалъ ему физіономію, взимая плату по рублю за лицо. Доходъ этотъ, какъ онъ говорилъ, въ особенности возрасталъ послѣ большихъ праздниковъ, а главное во время Масляницы, Рождества и Пасхи.

Однажды, не желая подыматься на верхъ театра, чтобы сдать взятый костюмъ, я завезъ послѣдній къ нему на квартиру и засталъ Кудимыча какъ разъ за работой. Среди занимаемой имъ небольшой комнаты, противъ окна, сидѣлъ молодой, очевидно не лишенный удали, гостинодворскій приказчикъ съ большимъ сине-зеленымъ пятномъ подъ глазомъ и на скулѣ, а противъ него съ палитрой и муштабелемъ помѣщалась маленькая худая фигурка Кудимыча, закрашивающаго въ тонъ окружающаго тѣла эти слѣды сильныхъ ощущеній весело проведенной ночи. Нѣсколько другихъ лицъ съ повязанными физіономіями, молча и мрачно, сидѣли вдоль одной изъ стѣнъ комнаты въ ожиданіи своей очереди. Эту картину во вкусѣ голландскихъ жанристовъ довершала супруга Кудимыча, высокая дородная женщина, съ большими претензіями на бонтонность, проявлявшуюся у нея въ куреніи папиросъ и въ командованіи надъ своимъ тишайшимъ супругомъ, котораго она держала въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ моментъ моего появленія она его за что-то отчитывала громкимъ и властнымъ голосомъ, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ его кліентовъ, изъ чего я заключилъ, что это была женщина, принадлежащая къ разряду непріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что семейная жизнь скромнаго Кудимыча была не изъ розовыхъ.

Вернувшись въ Москву къ началу осени, увидя во время моихъ лѣтнихъ работъ, что я слабъ въ пейзажѣ и въ особенности въ передачѣ эффектовъ неба и освѣщенія облаковъ, я на зиму поступилъ ученикомъ къ очень хорошему пейзажисту Александру Александровичу Киселеву.

Киселевъ, обладавшій большимъ талантомъ, прежде чѣмъ посвятить себя совершенно искусству, былъ студентомъ университета, но не задолго до окончанія курса, будучи замѣшанъ въ одну изъ такъ часто повторявшихся тогда университетскихъ исторій, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость, послѣ освобожденія изъ которой, въ виду невозможности продолжать своихъ научныхъ занятій, отдался всецѣло искусству. Въ то время, когда я у него занимался, онъ состоялъ уже членомъ передвижной выставки и впослѣдствіи получилъ мѣсто преподавателя въ Академіи художествъ въ Петербургѣ и занималъ его до своей кончины.

Въ Крыму мною были написаны три картины: Старикъ мулла, читающій Коранъ; Вечерняя молитва, изображающая двухъ татарскихъ всадниковъ, которые при заходѣ солнца, сойдя со своихъ коней, молятся въ степи на вершинѣ кургана, и двухъ татарскихъ воиновъ, слѣдящихъ на берегу Сиваша за движеніемъ русскихъ войскъ на Арабатской стрѣлкѣ, во время похода на Крымъ фельдмаршала Ласси. Картины эти были мною тоже выставлены и проданы въ Петербургѣ, и за нихъ я получилъ званіе класснаго художника второй степени.

Въ обществѣ любителей художествъ былъ тѣмъ временемъ полученъ новоучрежденный уставъ, и мы внесли въ кассу общества имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи для вспомоществованія молодымъ художникамъ деньги. Сумму эту я пополнилъ еще пятью тысячами, пожертвованными мною изъ собственныхъ средствъ. Первому, кому пришлось воспользоваться устройствомъ при обществѣ вспомогательной кассы, былъ престарѣлый и совершенно въ то время больной профессоръ живописи Пукиревъ, авторъ извѣстной картины, находящейся въ Третьяковской галлереѣ «Неравный бракъ». Изъ молодыхъ художниковъ получили между прочимъ вспомоществованіе на поѣздки для работы этюдовъ и извѣстные впослѣдствіи пейзажисты Левитанъ и Святославскій.

Горячо интересуясь дѣлами общества и желая, сколь возможно, расширить его дѣятельность и возбудить въ публикѣ интересъ къ произведеніямъ искусства, я продолжалъ встрѣчать на этомъ пути постоянныя, до нѣкоторой степени скрытыя, сопротивленія со стороны старыхъ членовъ комитета и предсѣдателя общества.

Не желая допускать никакихъ новшествъ, они пользовались для отклоненія всякихъ предложеній аргументомъ, что главныя три залы выставки заняты пожертвованной обществу Павломъ Михайловичемъ Третьяковымъ серіей картинъ Вас. Вас. Вере-

щагина изъ Туркестанской войны, и что согласно условію, на основаніи котораго картины эти были пожертвованы, общество не имѣетъ права выставлять въ этихъ залахъ никакихъ другихъ картинъ, пока въ нихъ будутъ находиться картины Верещагина, для которыхъ общество въ теченіе 10 лѣтъ должно было выстроить отдѣльное помѣщеніе. Если же условіе это не будетъ выполнено, то Павлу Михайловичу предоставлялось право взять картины обратно. Условіе это было крайне стѣснительно для общества, парализуя совершенно его дѣятельность, такъ какъ для выставки другихъ новыхъ картинъ, представляющихъ для публики болѣе живой интересъ, у него оставалась только одна небольшая и темная зала, гдѣ обыкновенно происходили аукціоны, выставлялись конкурсныя работы и собирались засѣданія.

Ничуть не желая конечно умалять заслугу Павла Михайловича по отношенію къ русскому искусству, его прекрасная картинная галлерея, этотъ драгоцѣнный музей, завѣщанный Москвѣ, навсегда прославилъ и обезсмертилъ его имя, и въ будущемъ историки русскаго искусства будутъ говорить о немъ, какъ о первомъ русскомъ человѣкѣ, опередившемъ правительство въ дѣлѣ созданія хранилища для отечественнаго искусства; но въ дѣлѣ съ Верещагинской коллекціей, онъ былъ себѣ на умѣ. Когда онъ ее пріобрѣлъ, галлерея его еще не существовала, и онъ, будучи членомъ комитета общества, отлично зналъ, что послѣднее не въ состояніи будетъ выполнить главнаго пункта условія, т.-е. построить отдѣльнаго зданія, а потому подарокъ Верещагинской коллекціи обществу со стороны Третьякова, можно объяснить весьма понятнымъ желаніемъ коллекціонера помѣстить временно свое пріобрѣтеніе въ надежныя руки и въ хорошее помѣщеніе. На дѣлѣ такъ и вышло, ибо по истеченіи десятилѣтняго срока, когда галлерея Павла Михайловича была готова, онъ взялъ эти картины обратно, а общество въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ было стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ и не могло устраивать никакихъ выставокъ; единственное исключеніе было сдѣлано для картины Мюнхенскаго художника Габріэла Макса «Нерукотворенный ликъ Христа».

Эта картина въ свое время заставила очень много о себѣ говорить. Максъ продалъ ее какому-то антрепренеру, который и сталъ развозить и показывать ее во всѣхъ главныхъ городахъ Европы. Узнавъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ, я сообщилъ объ этомъ на засѣданіи комитета и предложилъ пригласить его, когда онъ пріѣдетъ въ Москву выставить картину въ помѣщеніи общества, съ условіемъ, чтобы часть входной платы шла въ пользу

общества. Несмотря на то, что выставка этой картины давала очень большіе сборы, комитетъ, съ Боткинымъ во главѣ, не одобрилъ моего предложенія, пользуясь обычнымъ аргументомъ, что въ залахъ, гдѣ стоятъ картины Верещагина никакихъ иныхъ картинъ выставлять нельзя. При этомъ Боткинъ еще добавилъ, что картина Макса показывается при вечернемъ освѣщеніи, а это уже совершенно недопустимо, такъ какъ такого рода обстановка роняла бы достоинство общества, напоминая собою какой-то балаганъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого разговора, заѣхавъ однажды по дѣламъ общества къ Боткину, я засталъ у него господина съ длинными волосами, въ бѣлой жилеткѣ, съ галстукомъ, завязаннымъ большимъ бантомъ, своимъ видомъ напоминавшаго иностранца, виртуоза или импрессаріо. Каково же было мое удивленіе, когда Дмитрій Петровичъ, знакомя насъ, назвалъ его господиномъ Леманомъ, владѣльцемъ картины Макса, и сообщилъ, что покончилъ съ нимъ относительно выставки въ помѣщеніи общества. Поступокъ этотъ какъ нельзя лучше характеризуетъ Боткина и его отношеніе ко мнѣ.

Всесильный аргументъ о неприкосновенности помѣщенія, въ которомъ находились картины Верещагина, оказался въ данномъ случаѣ, какъ бы несуществующимъ. Антрепренеръ Леманъ въ залѣ, гдѣ выставилъ свою картину, преспокойно завѣсилъ темнымъ коленкоромъ Верещагинскія произведенія, задрапировалъ окна и показывалъ ликъ Христа при свѣтѣ нѣсколькихъ сильныхъ лампъ, окруженныхъ рефлекторами.

Лѣто 1879 г. мы провели какъ всегда въ Тамакѣ. Въ это лѣто къ намъ пріѣхала моя двоюродная сестра Линочка, вышедшая замужъ за Валеріана Платоновича Пукалова. Пукаловъ купилъ себѣ участокъ земли въ Ялтѣ и собирался построить на немъ дачу. Оставивъ у насъ свою жену и дочку, самъ поѣхалъ въ Ялту, гдѣ въ первый же день своего пріѣзда попалъ подъ арестъ. Государь проводилъ то лѣто въ Ливадіи и часто пріѣзжалъ въ Ялту, гдѣ жила княжна Долгорукова, впослѣдствіи Свѣтлѣйшая княгиня Юрьевская. Она занимала двѣ купленныя для нея Александромъ II смежныя между собой дачи и, такъ какъ ея дачи находились поблизости отъ участка, пріобрѣтеннаго Пукаловымъ, то вся эта мѣстность тщательно охранялась сыщиками, скрывавшимися чуть ли не за каждымъ кустомъ. Прибывъ въ Ялту Пукаловъ первымъ дѣломъ отправился осматривать свой участокъ. Съ видомъ фланера онъ нѣсколько разъ обошелъ его снаружи, останавливаясь и соображая, какія гдѣ воздвигнуть

постройки и затѣмъ, такъ какъ участокъ по крымскому обычаю былъ огороженъ невысокой каменной стѣною, перелѣзъ черезъ нее; но едва ступилъ онъ на землю по другую сторону стѣнки, какъ былъ схваченъ двумя агентами охраны, сидѣвшими тамъ въ засадѣ и уже нѣсколько времени наблюдавшими за нимъ, такъ какъ его хожденіе передъ участкомъ показалось имъ подозрительнымъ. Валеріанъ Платоновичъ попробовалъ было протестовать, но видя, что ничего не подѣлаешь, потребовалъ, чтобы его отвели къ начальнику охраны, знавшему его лично; но на бѣду послѣдняго не оказалось дома и Пукалову пришлось пробыть подъ арестомъ до возвращенія генерала, вернувшаго ему свободу; въ то время можно было легко попасть въ подобную непріятную исторію.

Тогдашній Таврическій губернаторъ Всеволожскій былъ человѣкъ крайне легкомысленный, занимавшійся только кутежами и охотой, которая всегда сопровождалась пьяными оргіями. Онъ и служащихъ подбиралъ себѣ подъ пару, и о похожденіяхъ представителей высшей администраціи ходило тогда не мало разсказовъ.

Такъ на одной охотѣ въ окрестностяхъ Симферополя начальникъ губернаторской канцеляріи въ пьяномъ видѣ подрался съ полицмейстеромъ, въ другой разъ подвыпившій губернаторъ грозилъ застрѣлить везшаго его татарина-ямщика за то, что тотъ недостаточно скоро ѣхалъ; испуганный угрозами начальника губерніи ямщикъ, ни слова не говоря, соскочилъ съ козелъ, отпрегъ одну изъ пристяжныхъ лошадей и, вскочивъ на нее, ускакалъ въ городъ, оставивъ буйнаго губернатора добираться, какъ знаетъ, до ближайшей станціи.

Участникомъ губернаторскихъ кутежей былъ и губернскій предводитель дворянства, генералъ Поповъ, очень богатый человѣкъ, обладавшій большими имѣніями въ Крыму; между прочимъ у него было имѣніе въ семи верстахъ отъ Симферополя; въ этомъ-то имѣніи чаще всего и происходили вакханаліи предводителя съ губернаторомъ.

Однажды секретарю депутатскаго дворянскаго собранія, человѣку уже пожилому, притомъ очень степенному и порядочному, пришлось повезти для подписи предводителю въ его имѣніе какія-то срочныя бумаги. Пріѣхавъ туда, онъ какъ разъ попалъ на одну изъ обычныхъ тамъ оргій. За ужиномъ, видя, что пьянство начинаетъ принимать угрожающіе размѣры и его, непьющаго человѣка, принуждаютъ пить наравнѣ съ другими, онъ, воспользовавшись моментомъ какого-то шумнаго тоста, незамѣтно вышелъ изъ-за стола и, придя въ отведенную для него комнату, благоразумно

раздѣлся и легъ, заперевъ на всякій случай дверь на замокъ. Между тѣмъ пирующая компанія, замѣтя его отсутствіе, пришла въ пьяное негодованіе и рѣшила, что его за такую измѣну надо высѣчь розгами. Недолго думая, всѣ гурьбой отправились къ его комнатѣ, но, найдя ея дверь запертой и встрѣтивъ рѣшительный отказъ со стороны секретаря открыть ее, стали ломать дверь; тогда секретарь со страху, чуя недоброе, какъ былъ въ одномъ бѣльѣ, выскочилъ черезъ окно въ садъ и пустился бѣжать въ Симферополь.

Губернаторъ Всеволожскій своими выходками и самодурствомъ напоминалъ легендарныхъ сибирскихъ губернаторовъ XVIII вѣка, объявлявшихъ другъ другу войну или осаждавшихъ дома богатыхъ купцовъ съ цѣлью получить съ нихъ выкупъ для уплаты своихъ карточныхъ долговъ. Когда Всеволожскій былъ назначенъ Таврическимъ губернаторомъ, симферопольское купечество получило предупрежденіе отъ купцовъ его прежняго мѣста служенія, чтобы они ничего въ долгъ губернатору не отпускали, такъ какъ онъ не имѣетъ обыкновенія платить по счетамъ. Легко себѣ можно представить, какая распущенность царила при такой главѣ администраціи среди мелкихъ ея органовъ, и какъ они относились ко всѣмъ дѣламъ и нуждамъ края.

По сосѣдству съ Имаретомъ, за городомъ Старымъ Крымомъ находилась самая старая въ Крыму болгарская колонія, образовавшаяся вскорѣ послѣ завоеванія Крыма русскими, изъ болгарскихъ бѣглецовъ, искавшихъ въ Россіи спасеніе отъ турецкихъ звѣрствъ; изъ этой своего рода колоніи-матери образовалось со временемъ нѣсколько другихъ колоній и между прочимъ одна, находящаяся недалеко отъ начала Керченскаго полуострова вблизи Азовскаго моря. Въ этой послѣдней кромѣ болгаръ жили и греки; тѣ и другіе жили зажиточно и въ полномъ довольствѣ, что однако не мѣшало имъ оставаться людьми крайне некультурными и темными. Эта ихъ некультурность послужила поводомъ къ возникновенію среди нихъ религіозной секты, приведшей своихъ послѣдователей на скамью подсудимыхъ. Случай этотъ настолько характеренъ, что считаю не лишнимъ разсказать его.

Въ одной болгарской семьѣ старокрымской колоніи хранилась икона царя Константина и царицы Елены, принесенная съ собой предками этой семьи еще изъ Болгаріи. Одинъ изъ членовъ этой семьи, купивъ себѣ землю въ колоніи близъ Азовскаго моря, переселился туда на жительство. Не знаю по какой

причинѣ къ нему пріѣхала впослѣдствіи и старуха мать или бабушка, жившая до тѣхъ поръ около Стараго Крыма. Перебравшись на новое мѣсто, она привезла съ собой и вышеупомянутую семейную икону. Однажды ночью старухѣ этой явились во снѣ царь Константинъ и царица Елена и повелѣли ей объявить ея односельчанамъ, чтобы они выбрали изъ своей среды царя, которому бы дали имя Константина и царицу, названную Еленой, и образовали бы войско, послѣ чего къ нимъ явится Георгій Побѣдоносецъ на бѣломъ конѣ и поведетъ ихъ къ Царьграду, море разступится передъ ними на двѣ стороны, и они, какъ израильтяне, пройдутъ по его дну.

Проснувшись, женщина стала передавать свой сонъ односельчанамъ, и послѣдніе, сочтя его за откровеніе свыше, рѣшили послѣдовать повелѣнію святыхъ, избрали царя и царицу и стали набирать войско, при чемъ увѣровавшіе въ это пророчество стали исполнять тѣ обряды, которымъ ихъ научила та же старуха. Не желавшихъ примкнуть къ нимъ, они считали одержимыми злымъ духомъ, котораго надо было изгонять изъ упорствующаго побоями, иногда настолько жестокими, что подвергавшійся имъ терялъ сознаніе; тогда для приведенія его въ чувство его окунали по приказанію царя головою внизъ въ колодезь, что и заставляло его очнуться. Обыкновенно послѣ такого избіенія бѣсъ покидалъ упорствующаго, и онъ присоединялся къ адептамъ новаго ученія, число которыхъ все увеличивалось.

Прошло болѣе года, а никто изъ властей не зналъ о томъ, что совершается въ этомъ отдаленномъ селеніи; когда его болгарская часть вся приняла новую вѣру, то болгары начали обращать въ нее и грековъ, составлявшихъ другую половину населенія: дѣло шло успѣшно, греки тоже увѣровали въ предстоящее явленіе Георгія Побѣдоносца на бѣломъ конѣ и стали поступать въ ряды будущаго войска и выполнять обряды, придуманные старухой.

На бѣду среди грековъ оказался одинъ старикъ лѣтъ 80-ти, который, не взирая на то, что его два сына приняли новую вѣру, отказывался перейти въ нее, говоря, что ему остается уже немного времени жить, и онъ не хочетъ мѣнять своей вѣры передъ смертью. Какъ ни уговаривали старика его сыновья, царь Константинъ и его сподвижники, старикъ оставался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи. Тогда рѣшили изгнать изъ старика сидящаго въ немъ упрямаго бѣса побоями.

Царь Константинъ, придя къ нему въ сопровожденіи его двухъ сыновей и другихъ вѣрующихъ, вооруженныхъ палками, и услыша вновь категорическій отказъ старика, приказалъ

приступить къ изгнанію нечистой силы; въ этомъ изгнаніи приняли участіе и оба сына; отъ усердныхъ ли побоевъ или отъ сильнаго волненія, но старикъ скоро оказался безъ признаковъ жизни, что привело въ немалое смущеніе его сыновей, но царь Константинъ объявилъ имъ, что это ничего не значитъ, и что отецъ ихъ воскреснетъ черезъ три дня. Когда же черезъ три дня старикъ не только не воскресъ, но трупъ его началъ разлагаться, то это такъ подѣйствовало на сыновей, считавшихъ и себя виновными въ этомъ смертоубійствѣ, что они, мучимые угрызеніями совѣсти, ничего не говоря односельчанамъ, поѣхали въ Ѳеодосію и, явясь въ полицейское управленіе, разсказали исправнику обо всемъ. Немедленно конечно въ это селеніе былъ посланъ урядникъ съ полицейскими, и всѣ эти будущіе завоеватели Царьграда съ царемъ Константиномъ во главѣ были арестованы, не взирая на оказанное ими сопротивленіе, при которомъ былъ раненъ урядникъ.

Въ тотъ день, когда все это обнаружилось, я какъ разъ былъ въ Ѳеодосіи, гдѣ извѣстіе объ этомъ происшествіи взволновало весь городъ.

Арестованные просидѣли въ тюрьмѣ около трехъ лѣтъ въ ожиданіи надъ собой суда, на судѣ присяжные ихъ оправдали, принявъ во вниманіе ихъ плохое знаніе русскаго языка и полнѣйшее невѣжество.

Вскорѣ послѣ разбора этого дѣла мнѣ пришлось быть въ этомъ селеніи у одного изъ генераловъ царя Константина зажиточнаго болгарина, просидѣвшаго три года въ тюрьмѣ, что конечно очень дурно отразилось на его хозяйствѣ.

Я купилъ у него иноходца и за кофеемъ, которымъ онъ меня угостилъ, спросилъ его: «Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ могли вы, человѣкъ состоятельный и немолодой, повѣрить разсказамъ старой женщины и устраивать все то, что вы устроили? Хорошо, что вы отдѣлались только трехлѣтнимъ предварительнымъ заключеніемъ, а вѣдь могло бы быть и хуже?» На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «Теперь, когда все это прошло, мы и сами видимъ и сознаемъ, какую глупость сдѣлали, но тогда, господинъ, на насъ такое затменіе нашло, что мы всѣ вѣрили, что какъ только наберемъ больше народу, такъ и явится Георгій Побѣдоносецъ и поведетъ насъ черезъ море на Царьградъ; крѣпко вѣрили въ это, такіе дураки были».

Этотъ эпизодъ характеризуетъ умственное развитіе большинства тогдашняго мѣстнаго населенія.

Въ Ѳеодосіи первымъ лицомъ былъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, онъ въ полномъ смыслѣ былъ отцомъ этого города,

постоянно заботившимся объ его развитіи и улучшеніи. Изъ обильнѣйшаго источника прекрасной ключевой воды, который находился въ одномъ изъ принадлежащихъ ему имѣній Субаши, онъ безвозмездно далъ провести воду городу, ощущавшему часто въ ней недостатокъ въ лѣтнее время, и благодаря его же хлопотамъ въ Ѳеодосіи былъ устроенъ торговый портъ. Послѣ того, какъ по возрожденіи Черноморскаго флота возникъ вопросъ о переводѣ коммерческаго порта изъ Севастополя въ Ѳеодосію, жители Севастополя стали усиленно хлопотать передъ правительствомъ объ оставленіи имъ коммерческаго порта, прося правительство, если оно признаетъ несовмѣстимость пребыванія въ Севастопольскихъ бухтахъ военнаго и торговаго флота, устроить коммерческій портъ въ Камышевой бухтѣ, около Херсонеса въ пяти верстахъ отъ Севастополя. Переговоры эти тянулись очень долго и, не будь Ивана Константиновича, старанія Севастопольцевъ могли бы увѣнчаться успѣхомъ; благодаря же Айвазовскому, имѣвшему большія связи среди Петербургскихъ правящихъ сферъ, побѣда осталась на сторонѣ Ѳеодосіи; равнымъ образомъ онъ не мало хлопоталъ и о томъ, чтобы на Ѳеодосію и Керчь была проведена вѣтвь желѣзной дороги, соединяющей города эти съ Лозово-Севастопольской линіей.

Незадолго до описываемаго мною времени Иванъ Константиновичъ женился во второй разъ. Первымъ бракомъ онъ былъ женатъ на англичанкѣ, очень красивой дѣвушкѣ, бывшей гувернанткой въ одномъ семействѣ. Встрѣтившись съ нею въ имѣніи Суковыхъ Шахъ-Мурзѣ, Иванъ Константиновичъ тамъ же сдѣлалъ ей предложеніе, но впослѣдствіи они разошлись: жена его, поселившаяся въ Одессѣ, на желаніе Ивана Константиновича развестись съ нею, не соглашалась дать ему развода въ порядкѣ, требуемомъ англиканской церковью, даже и послѣ того, что онъ былъ разведенъ съ нею своимъ братомъ армянскимъ епископомъ, согласно армянскимъ церковнымъ законамъ. Этимъ-то разводомъ, полученнымъ имъ отъ армянской церкви, онъ и воспользовался, чтобы вступить во вторичный бракъ съ очень красивой и умной молодой вдовой Ѳеодосійскаго купца Саркизова, тоже армянкой, Анной Никитичной Саркизовой.

Бракъ этотъ устроила сестра Ивана Константиновича, Мазирова, но такъ какъ свадьба, въ виду отсутствія развода со стороны церкви первой жены, не могла быть совершена открыто, то ее устроили тайно. Невѣста Ивана Константиновича, овдовѣвшая незадолго передъ тѣмъ, уѣхала къ своимъ роднымъ въ городъ Армянскъ, находящійся недалеко отъ Перекопа, чтобы провести у своихъ родителей первый годъ вдовства, какъ это при-

нято армянскими обычаями, а такъ какъ Иванъ Константиновичъ рѣшилъ обвѣнчаться съ нею до истеченія этого года, то они и уговорились, чтобы въ назначенный день она выѣхала на желѣзнодорожную станцію Таганашъ, Лозово-Севастопольской дороги, куда имѣлъ прибыть и Айвазовскій. Приглашенный изъ Армянска армянскій священникъ долженъ былъ ожидать ихъ на вокзалѣ и тамъ же совершить обрядъ вѣнчанія, послѣ котораго Айвазовскій поѣдетъ въ Петербургъ, а его молодая жена вернется къ своимъ родителямъ доживать полагающійся годичный срокъ траура, до окончанія котораго оставалось уже немного времени.

Обо всемъ этомъ было извѣстно только ближайшимъ родственникамъ жениха и невѣсты, и свадьба эта, совершившаяся на станціи Таганашъ, была для всѣхъ полной неожиданностью. Пріѣхавъ вскорѣ послѣ этого въ Петербургъ и узнавъ о пребываніи тамъ Айвазовскаго, я поѣхалъ къ нему и былъ имъ встрѣченъ словами: «А знаете ли какую я на старости лѣтъ сдѣлалъ глупость? Я женился и при томъ на молодой женщинѣ» — и онъ разсказалъ мнѣ, какъ все произошло, показавъ при этомъ мнѣ написанный имъ миніатюрный видъ Таганашской станціи при вечернемъ освѣщеніи, который онъ хотѣлъ дать сдѣлать брошкой для своей жены.

Бракъ этотъ, признанный сначала незаконнымъ, былъ узаконенъ черезъ нѣсколько лѣтъ по Высочайшему повелѣнію въ день юбилея пятидесятилѣтней художественной дѣятельности Айвазовскаго, который праздновался въ Петербургѣ. Хотя Иванъ Константиновичъ и назвалъ свой поступокъ глупостью, на дѣлѣ же онъ нашелъ въ лицѣ Анны Никитишны, не взирая на существующую между ними разницу лѣтъ, любящую и преданную жену, съ которой въ полномъ согласіи прожилъ до своей кончины, обезпечивъ ее послѣ смерти прекраснымъ имѣніемъ Субаши, цѣнность котораго превышаетъ милліонъ. Ѳеодосійскій домъ Ивана Константиновича представлялъ собою три соединенные подъ одною крышею дома; въ одной половинѣ онъ жилъ самъ, средняя часть была предназначена для его младшей дочери, Жанны Ивановны, вышедшей замужъ за морского инженера Арцеулова, а въ противоположномъ концѣ жила его дочь, Александра Ивановна, бывшая замужемъ за Михаиломъ Харламніевичемъ Лампси. Къ той части дома, въ которой Айвазовскій жилъ самъ, онъ пристроилъ большой залъ, фасадъ котораго шелъ вдоль переулка; этотъ залъ предназначался для помѣщенія въ немъ картинъ, оставшихся у него непроданными. Въ этой картинной галлереѣ можно было видѣть: «переходъ

израильтянъ черезъ Чермное море», рядъ картинъ, изображающихъ открытіе Америки Колумбомъ, большую длинную картину, представляющую море въ постепенныхъ его переходахъ отъ полнаго спокойствія къ сильной бурѣ, и много другихъ вещей. Въ концѣ этого зала была устроена небольшая театральная сцена для любительскихъ спектаклей. Залъ этотъ, имѣвшій отдѣльный ходъ изъ переулка, сообщался и съ верхними комнатами дома посредствомъ широкой двойной лѣстницы.

Иванъ Константиновичъ былъ радушнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ и любилъ, чтобы его посѣщали всѣ проѣзжавшіе черезъ Ѳеодосію знаменитости, сановники, лица высшей столичной аристократіи; артисты и литераторы всегда заѣзжали къ нему. Ему не разъ приходилось принимать и Великихъ князей; къ нему очень благоволилъ Константинъ Николаевичъ. Что я въ особенности всегда цѣнилъ и уважалъ въ Айвазовскомъ, такъ это его одинаково радушную простоту, съ какою онъ принималъ какъ министра или московскаго милліонера такъ равно и скромнаго мѣстнаго жителя или заѣзжаго начинающаго художника.

Иногда, зимуя въ Ѳеодосіи, онъ давалъ балы и костюмированные вечера.

Съ домомъ Ивана Константиновича Айвазовскаго у меня связано много пріятныхъ воспоминаній. Бывая въ Ѳеодосіи, я не пропускалъ случая навѣстить его. Любовь къ обществу не мѣшала его работѣ. Имѣя обыкновеніе вставать рано, онъ всегда работалъ утромъ часовъ до двухъ, послѣ чего дѣлалъ визиты, навѣщалъ знакомыхъ или принималъ посѣтителей. Зимой по вечерамъ онъ иногда рисовалъ сепіей или карандашомъ, а иногда съ собравшимися гостями игралъ въ винтъ.

Кромѣ Стрѣхиныхъ и семьи стараго отставного адмирала Соковнина, занимавшагося на досугѣ изобрѣтеніемъ летательныхъ аппаратовъ, русскихъ семей въ Ѳеодосіи было немного, и Ѳеодосійское общество состояло по большей части изъ лицъ греческаго и генуэзскаго происхожденія.

Изъ числа послѣднихъ была семья Дуранте, занимавшаяся торговлей хлѣбомъ; что касается семей греческаго происхожденія, каковы были: Граматюковы, Лоренцовы, Лампси, Каломары и др., владѣвшіе прежде большими имѣніями, садами и домами, то они въ описываемое мною время почти всѣ были болѣе или менѣе раззорены, и ихъ имѣнія и дома мало-по-малу переходили въ другія руки, преимущественно купцовъ караимовъ. Насколько быстро шло оскудѣніе греческаго и татарскаго дворянства, настолько же напротивъ прогрессировало за ихъ

счетъ обогащеніе караимовъ. Во время моего дѣтства послѣдніе еще не играли никакой роли въ жизни города и края, жили въ слободкахъ Ѳеодосіи и представляли собою людей мало культурныхъ, которые, не взирая не имѣвшееся уже тогда въ ихъ рукахъ значительное состояніе, позволявшее имъ вести крупную торговлю, придерживались старины, строго соблюдая свои обычаи и предразсудки.

Типичнымъ представителемъ прежнихъ караимовъ являлся Шепетей, о которомъ я говорилъ въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Не прошло и 25-ти лѣтъ, какъ картина совершенно измѣнилась: изъ слободки караимы перешли жить въ центръ города, почти всѣ лучшіе дома стали принадлежать имъ, и большія имѣнія перешли въ ихъ руки. Татарскіе костюмы замѣнились общеевропейской одеждой, а молодежь, не только мужескаго, но и женскаго пола стала усиленно учиться и, по окончаніи гимназическаго курса, ѣздить въ столицу и за границу доканчивать свое образованіе въ университетахъ и на высшихъ женскихъ курсахъ. По своимъ способностямъ и стремленію къ образованію караимы представляли рѣзкую противоположность греческому и татарскому дворянству, которое въ большинствѣ случаевъ вело разгульную жизнь, проматывая доставшіяся имъ отъ ихъ предковъ крупныя состоянія: этимъ-то и пользовались караимы, чтобы мало-по-малу отбирать у нихъ ихъ имѣнія. Представляя собой объединенную общими интересами тѣсно сплоченную общину, они зорко слѣдили за этими лицами, предоставляя нерѣдко кому-нибудь одному изъ своей среды исключительное право на эксплоатацію одного изъ нихъ. Запутывающемуся или кутящему помѣщику давались взаймы деньги, сообразуясь со стоимостью его имущества, пока онъ окончательно не попадалъ въ ихъ руки, и тогда имущество его или отбиралось за долги, или пріобрѣталось за безцѣнокъ.

Самымъ некультурнымъ классомъ были татары, съ ихъ дворянами мурзами во главѣ: изъ послѣднихъ многіе обладали въ прошломъ очень большими состояніями, сохранить которыя удалось весьма немногимъ, большинство же было или совершенно разорено или шло къ разоренію. Надо сказать, что разореніе это совершалось самымъ безразсуднымъ образомъ, заключаясь въ дикомъ швыряніи денегъ. Такъ загулявшіе мурзаки закуривали трубки сторублевыми бумажками, бросали безъ счета пачки ассигнацій цыганскимъ музыкантамъ, славящимъ ихъ, проигрывали въ карты и т. д.

Къ ученію татарская молодежь за весьма рѣдкими исключеніями была совершенно неспособна, и рѣдкій изъ нихъ кончалъ четыре класса гимназіи.

Мнѣ припоминается характерный разсказъ о томъ, какъ сынъ Османъ-Бея Фазиль-Бей держалъ экзаменъ, чтобы поступить на службу при Таврическомъ губернаторѣ; между прочими вопросами у него спросили, знаетъ ли онъ наизусть какое-нибудь русское стихотвореніе.

— Разумѣется знаю,—отвѣчалъ самоувѣренно Фазиль-Бей.

— Какое же?—спросилъ экзаминаторъ.

— Волшебный корабль знаю.

— Ну скажите.

Фазиль началъ декламировать:

«Корабль по морю несется, несется, несется...» и на этомъ остановился въ большомъ недоумѣніи; тогда присутствовавшій на этомъ экзаменѣ отецъ его Османъ-Бей сказалъ ему:

— Ахъ, Фазиль,Фазиль, какъ же ты не знаешь, что несется,— курица несется.

Обрадовавшійся Фазиль заявилъ экзаминаторамъ, что «разумѣется курица несется».

Этотъ анекдотическій разсказъ весьма близокъ къ дѣйствительности. Этотъ Фазиль-Бей, промотавъ послѣ отца всѣ свои имѣнія, вступилъ въ компанію какихъ-то Карасу-Базарскихъ фальшивомонетчиковъ и, чтобы не попасть въ руки полиціи, когда шайка была открыта, бѣжалъ въ Турцію. Мѣстомъ, гдѣ прокучивали свои состоянія татарскіе мурзаки былъ главнымъ образомъ Карасу-Базаръ, прозванный вслѣдствіе этого Карасу-Парижемъ. Кто бывалъ въ этомъ городѣ, тому трудно себѣ представить, какъ возможно въ такомъ захолустномъ и грязномъ городкѣ проматывать крупныя состоянія, нельзя даже вообразить, на что можно здѣсь тратить деньги: въ немъ не было ни мало-мальски порядочныхъ гостиницъ, ни ресторановъ, ни красивыхъ и дорого оплачиваемыхъ женщинъ. Тратить большія деньги въ этой татарской Капуѣ можно было, только закуривая ими въ кофейняхъ и шашлычныхъ свои трубки или швыряя ихъ пригоршнями цыганамъ музыкантамъ, разыгрывающимъ разныя величанія гуляющему.

На что еще татарская аристократія тратила большія деньги, такъ это на свадебныя торжества. Богатыя мурзацкія свадьбы стоили иногда по 20 и болѣе тысячъ рублей; предшествовавшія имъ торжества длились по нѣсколько недѣль: гостей съѣзжалось множество, угощались не только приглашенные гости, но и все собирающееся на эти торжества окрестное татарское населеніе и мѣстные цыгане, такъ наз. курбеты. На свадьбу приглашались музыканты, устраивались скачки и состязанія въ борьбѣ; званые и незваные гости пили сколько хотѣли шампанскаго, водки

и бузы. Не взирая на некультурность татарскаго дворянства, за отсутствіемъ другихъ женщинъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Таврической губ. въ предводители дворянства выбирались татары; такъ въ Перекопскомъ уѣздѣ предводителемъ былъ мурза Карашайскій, въ Ѳеодосійскомъ—Джанъ-Арсланъ мурза Булгаковъ, въ Ялтинскомъ—Абдурахманчикъ.

Я не могу забыть пріѣзда въ Симферополь на выборы и по другимъ случаямъ мурзы Карашайскаго. Дорожа очень своимъ званіемъ предводителя и стараясь всегда быть снова избраннымъ, Карашайскій привозилъ съ собою на выборы цѣлую многочисленную свиту избирателей изъ числа обѣднѣвшихъ мурзаковъ, которыхъ онъ привозилъ, отвозилъ и содержалъ въ Симферополѣ на свой счетъ. Эта свита такъ и ходила за нимъ по пятамъ и уже съ утра собиралась частью въ общей залѣ и вестибюлѣ гостиницы, въ которой онъ останавливался, частью на улицѣ передъ гостиницей, смотря, такъ сказать, по чину и одеждѣ. Когда же наконецъ изъ своего номера важно появлялся, заложивъ за спину руки, Али Мурза, въ дворянскомъ мундирѣ и при орденахъ, въ незастегнутомъ пальто, чтобы лучше были видны всѣ его регаліи, вся эта толпа приближенныхъ устремлялась къ нему, при чемъ многіе, забѣжавъ сзади, цѣловали его сложенныя за спиной руки; этотъ безъ-менъ со стороны представлялъ довольно оригинальное и забавное зрѣлище. Сопровождаемый этой толпой своихъ избирателей шествовалъ онъ въ Дворянское собраніе, изрѣдка перекидываясь со своими спутниками короткими и отрывистыми фразами; по окончаніи засѣданія въ собраніи онъ такимъ же порядкомъ возвращался домой, и если въ тотъ день не было вечерняго засѣданія, то, придя въ гостиницу, часть свиты распускалъ до слѣдующаго утра, а часть оставалась сидѣть въ вестибюлѣ или у крыльца на случай какихъ-либо экстренныхъ порученій. При отпускѣ свиты сцена поцѣлуя рукъ за спиной вновь повторялась.

Ѳеодосійскій предводитель дворянства Джанъ-Арсланъ мурза Булгаковъ былъ совершенно въ другомъ родѣ: онъ когда-то, чему-то и гдѣ-то учился и гдѣ-то служилъ; жена его и дочери одѣвались по-европейски, говорили по-русски и выходили, когда у нихъ въ гостяхъ бывали мужчины. Джанъ-Арсланъ ѣздилъ даже за-границу, былъ въ Парижѣ и при случаѣ любилъ блеснуть знаніемъ французскаго языка, но послѣднее не всегда выходило удачно; такъ, освѣдомляясь о здоровіи родителей одного молодого человѣка, онъ спрашивалъ его: «Comment va-maman?» и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, повторялъ

свой вопросъ:«et comment va papan?»Этими двумя фразами насчетъ здоровья mama et papan кажется ограничивались его знанія французскаго языка. Впрочемъ Булгаковъ былъ добродушнымъ человѣкомъ, державшимъ себя скромно и безъ претензій, онъ всегда былъ готовъ помочь каждому, въ чемъ только могъ.

Большинство крымскаго греческаго дворянства происходило отъ тѣхъ греческихъ пиратовъ, мѣстопребываніемъ которыхъ была въ старину Балаклава; эти когда-то отважные морскіе разбойники, дѣлавшіе постоянные набѣги на турецкія владѣнія и грабившіе и уничтожавшіе на Черномъ морѣ турецкія суда, помогали русскимъ при завоеваніи Крыма и въ войнахъ съ Турціей, за что имъ и были даны Екатериной II различнаго рода привилегіи, чины, земли и дворянство.

Мать Веніамина Михайловича Тарновскаго Марья Александровна, разсказывала мнѣ, что знавала въ Одессѣ одного изъ бывшихъ начальниковъ этихъ пиратовъ, доживавшаго тамъ мирно свой буйный вѣкъ, въ полученномъ имъ отъ Екатерины чинѣ русскаго адмирала. Ему тогда было 112 или 115 лѣтъ. Этотъ старый корсаръ, бывшій когда-то грозой для турокъ, когда его знала Марья Александровна, превратился отъ времени въ маленькаго изсохшаго старичка, но еще очень бодраго, любившаго вспоминать свои прежніе подвиги и показывать навѣщавшимъ его одесскимъ дамамъ драгоцѣнности, похищенныя имъ въ былое время у турокъ. Онъ очень не любилъ, когда говорили о его лѣтахъ: однажды тогдашній одесскій архіерей какъ-то въ разговорѣ сказалъ, что ему пора уже думать о смерти, и что въ его лѣтахъ нельзя разсчитывать долго прожить. «Ну, этого знать нельзя», отвѣтилъ адмиралъ, «ты быть можетъ еще раньше меня умрешь»,—и, дѣйствительно, архіерей вскорѣ умеръ, та же участь постигла еще двухъ—трехъ человѣкъ, говорившихъ адмиралу о его смерти, и которымъ онъ тоже отвѣчалъ: «Смотри какъ бы ты еще раньше меня не умеръ». Эти случаи такъ подѣйствовали на одесское общество, что всѣ боялись напоминать старику о его годахъ.

До Крымской войны балаклавскіе жители составляли отдѣльный, такъ называемый Балаклавскій греческій батальонъ, который былъ уничтоженъ только послѣ Крымской кампаніи, что не мѣшало всѣмъ балаклавцамъ и до послѣдняго времени величать себя капитанами.

Н. Шатиловъ.